

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2023

Том 23

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOLOGY. JOURNALISM

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

Кормилицына М. А., Дегальцева А. В. Интеграция информации как фактор порождения семантически осложнённых предложений в разговорной речи 200

Егорова С. С. О семантике слова «подлый» в русском языке XVIII–XIX вв. и смысле морали басни Сумарокова «Заяц и Лягушки» 207

Малашенкова Е. Н. Приметы времени и репрезентация актуальных событий в текстах современных пожеланий 212

Рыжов С. А. Особенности репрезентации отдельных компонентов фреймовой структуры образа звезды (знаменитости) в русском языке (на материале СМИ довоенного, послевоенного и современного периодов) 219

Алексеев А. Б. Дискурс смешанных единоборств как разновидность боевого спортивного и развлекательного дискурсов 225

Шаманская М. А. Стереотипизация образа Герхарда Шрёдера в немецкоязычном политическом дискурсе 233

Плисенко А. А., Агеева Г. А. О полифункциональности знаков препинания в современном немецком языке (на примере тире) 240

Золотарев М. В., Попп А. В. Семантика и контекст употребления перфекта в современном американском английском: корпусное исследование 247

Шамилов Р. М. Два алфавита для одного миноритарного языка как угроза его существованию (на примере лезгинского языка) 254

Богданова Е. В. Иноязычное имя собственное в испанских фразеологизмах и паремиях 262

Литературоведение

Михайлова М. В., Назарова А. В. «Новая женщина» или «сверхженщина»? Проект Серебряного века 269

Мокина Н. В. «Странная мистическая деревня» в повести И. А. Бунина «Суходол»: к проблеме источников 278

Кривонос В. Ш. «...Рано вылетел из скафтымовского “гнезда”»: В. А. Бочкарев об А. П. Скафтымове 285

Журналистика

Алексеева М. Г., Фролова В. А. Имидж Германии, формируемый журнальными заголовками (на материале молодежного издания vitamin de) 290

Приложение

Дата

Андреева С. В., Викторова Е. Ю. Научные идеи О. Б. Сиротининой и саратовская школа изучения единиц реальной коммуникации. К столетию со дня рождения ученого-педагога 299

Байкулова А. Н., Дегальцева А. В. Наука как призвание. К 85-летию профессора М. А. Кормилицыной 308

Представляем книгу

Елина Е. Г., Сапожникова Д. Г. Музейная метафизика 313

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Филология. Журналистика”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9)

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.08.2023.

Подписано в свет 31.08.2023.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 100 экз. Заказ 97-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 20 000–30 000 знаков с пробелами.

Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках.

Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями: левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: iiyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода в свет номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Kormilitsyna M. A., Degaltseva A. V.** Integration of information as a factor of generating semantically complicated sentences in colloquial speech 200
- Egorova S. S.** About the semantics of the word “cowardly” in the Russian language of the 18th–19th centuries and the meaning of the moral of Sumarokov’s fable *The Hare and the Frogs* 207
- Malashenkova E. N.** Signs of time and representation of actual events in texts of modern wishes 212
- Ryzhov S. A.** Peculiar features of the representation of separate components of the star (celebrity) image frame structure in the Russian language (based on the mass media texts of the pre-war, post-war and modern periods) 219
- Alexeyev A. B.** Mixed martial arts discourse as a variety of sports martial and interactive discourses 225
- Shamanskaya M. A.** Stereotyping of the image of Gerhard Schröder in the German political discourse 233
- Plisenko A. A., Ageyeva G. A.** On the polyfunctionality of punctuation marks in modern German (on the example of the dash) 240
- Zolotarev M. V., Popp A. V.** The semantics and contextualized use of the Present Perfect in modern American English: A corpus-driven study 247
- Shamilov R. M.** Two alphabets for one minority language as a threat to its existence (a case study of Lezgian) 254
- Bogdanova E. V.** A foreign proper name in Spanish idioms and proverbs 262

Literary Criticism

- Mikhailova M. V., Nazarova A. V.** A “new woman” or a “superwoman”? A Silver Age project 269
- Mokina N. V.** “A strange mystical village” in Bunin’s short novel *Dry Valley*: To the problem of sources 278
- Krivosos V. Sh.** “Left Skaftymov’s ‘nest’ too early”: V. A. Bochkarev about A. P. Skaftymov 285

Journalism

- Alexeeva M. G., Frolova V. A.** Germany’s image formed by magazine headlines (on the materials of the youth magazine *vitamin de*) 290

Appendices

Date

- Andreeva S. V., Viktorova E. Yu.** Scientific ideas of Olga B. Sirotnina and Saratov linguistic school of researching real communication units. On the occasion of the centenary of birth of the scientist and teacher 299
- Baikulova A. N., Degaltseva A. V.** Science as a vocation. On the occasion of the 85th anniversary of birth of Professor M. A. Kormilitsyna 308

Presentation of the Book

- Elina E. G., Sapozhnikova J. G.** Museum metaphysics 313

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Деметьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долнин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакр Абдулвахиду, кандидат филол. наук (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитар. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук (Харбин, КНР)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

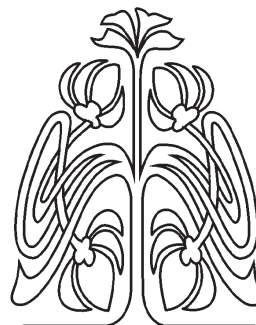
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

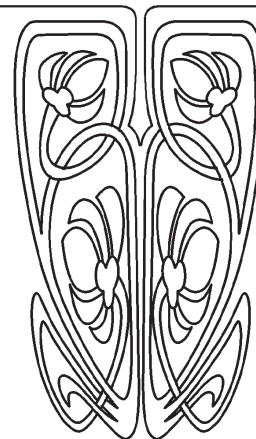
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaev (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Lina V. Razumova (Moscow, Russia)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Xie Chunyan (Harbin, People's Republic of China)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Olga B. Sirotnina (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Vasily T. Klokov (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 200–206
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 200–206
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-200-206>
EDN: YGUWVKU

Научная статья
УДК 811.161.1'37

Интеграция информации как фактор порождения семантически осложнённых предложений в разговорной речи

М. А. Кормилицына, А. В. Дегальцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

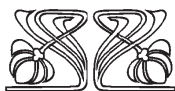
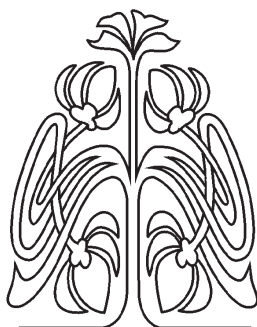
Кормилицына Маргарита Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, margarita-kormil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3841-3647>

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

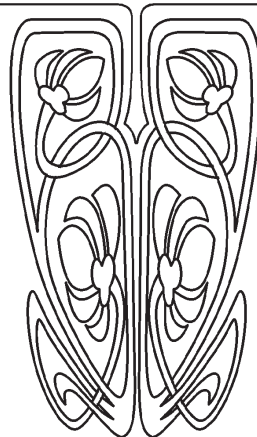
Аннотация. В статье проводится многоаспектное исследование двух специфичных для повседневной разговорной речи (семантически конденсированных оценочных предложений): N_1 – (это) Adv₀ и Adv – (не) значит Adv. В разговорной речи предмет беседы чаще всего не описывается, а оценивается участниками социального взаимодействия, причём эта оценка, как правило, не нуждается в мотивировке. Высказывания, построенные по моделям N_1 – (это) Adv₀ и Adv – (не) значит Adv, необходимы и возможны именно в разговорной речи из-за отсутствия у говорящего стремления к точности выражения мысли. Порождение данных аксиологических высказываний оказывается социально значимым речевым фактом, поскольку отражает стремление членов языкового коллектива к выражению народной мудрости. В обиходно-бытовом общении наблюдается тенденция к неявно выраженным смыслам, обусловленная концептуальной интеграцией информации. Данный феномен дуалистичен: с одной стороны, он отражает не осознаваемое говорящим стремление к сжатию информации, с другой – связан с креативным преобразованием окружающей адресанта действительности, выявлением связей и отношений между фрагментами реальности. В ходе этого сложного ментального процесса происходит вычленение и оценивание говорящим наиболее важных фрагментов действительности и синтезирование результатов данных мыслительных операций в виде семантически сложной структуры. Изучаемые нами предложения возникают в результате интеграции информации, занимают сильные позиции в повседневном дискурсе и помогают адресанту формулировать обобщающие выводы и сентенции. Интеграция мыслей, в свою очередь, способствует развитию языка, поскольку увеличивает объём передаваемой информации о действительности в единицу времени.

Ключевые слова: разговорная речь, интеграция информации, конденсация смысла, семантика предложения, семантическое осложнение предложения

Для цитирования: Кормилицына М. А., Дегальцева А. В. Интеграция информации как фактор порождения семантически осложнённых предложений в разговорной речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 200–206. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-200-206>, EDN: YGUWVKU
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Integration of information as a factor of generating semantically complicated sentences in colloquial speech

М. А. Kormilitsyna, А. V. Degaltseva ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Margarita A. Kormilitsyna, margarita-kormil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3841-3647>

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Abstract. The article conducts a multidimensional study of two semantically condensed evaluation sentences specific for everyday colloquial speech: N_1 – (это) Adv₀ and Adv – (не) значит Adv. In colloquial speech, the subject of the conversation is most often not described, but evaluated by the participants of the social interaction, and this assessment, as a rule, does not need motivation. Statements constructed according to the models N_1 – (это) Adv₀ and Adv – (не) значит Adv are necessary and possible precisely in colloquial speech due to the speaker's lack of striving for the accuracy of the expression of thought. In everyday communication, there is a tendency to implicit meanings due to the conceptual integration of information. The generation of these axiological statements turns out to be a socially significant speech fact, since it reflects the desire of the members of the speech community to express folk wisdom. This phenomenon is dualistic: on the one hand, it reflects the speaker's unconscious desire to compress information, on the other, it is associated with the creative transformation of the reality surrounding the addressee, the identification of connections and relationships between fragments of reality. During this complex mental process, the speaker identifies and evaluates the most important fragments of reality and synthesizes the results of these mental operations in the form of a semantically complex structure. The sentences we study arise as a result of the integration of information, occupy strong positions in everyday discourse and help the addressee formulate generalizing conclusions and maxims. The integration of thoughts, in turn, contributes to the development of the language, since it increases the amount of transmitted information per unit of time.

Keywords: colloquial speech, integration of information, condensation of meaning, sentence semantics, semantic complication of a sentence

For citation: Kormilitsyna M. A., Degaltseva A. V. Integration of information as a factor of generating semantically complicated sentences in colloquial speech. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 200–206 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-200-206>, EDN: YGUWU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Структура смысла предложения – это форма, в которую облачается мысль средствами речи. «Это тот или иной стереотип структурирования мысли, выработавшийся на протяжении истории языка и мышления и, безусловно, принадлежащий к области речемыслительных универсалий» [1, с. 37]. Говоря о смысловом наполнении высказывания, лингвисты обычно разграничивают понятия «смысл» и «значение»: «...под значением понимают содержание, закреплённое за языковой единицей в системе языка, а под смыслом – то содержание, которое данная единица передаёт при её употреблении в конкретной ситуации общения» [2, с. 19].

В современных гуманитарных науках, наряду с герменевтической лингвофилософской парадигмой, плодотворно применяется интегративная, поскольку «сама идея интеграции, то есть восстановления утраченного ранее целого, предполагает, что истоком процесса познания явилось изначальное синкретическое простое единство мифа, которое не было рационально отрефлектировано; из него родились наука, искусство, мораль и религия» [3, с. 321]. Интегративный подход к анализу явлений действительности А. В. Азов метафорически сравнивает с образом дерева: «растущих корней, ствола и кроны. Интеграция должна опираться на предшествующий опыт ноуменального, скрытого,

тайного личностного знания, которое не вербализовано. Таким образом, актуален корневой уровень интеграции внутренних форм познания»; причём «возрастание объёма эксплицитного, явного знания вовсе не сокращает объёма имплицитного, скрытого знания, не лежащего на поверхности» [3, с. 322].

Фундаментальным принципом интегративного познания является холизм. Данное понятие было обосновано и введено в научный обиход Я. Смэтсом в 1926 г. [4]. Холизм утверждает, что «целое первично и превышает сумму его частей. Холистический процесс – это творческая эволюция, создание новых целостностей» [3, с. 321]. При анализе языковых фактов «такой тип целостности актуализируется в прагмалингвистике, рассматривающей речевой акт как дело, как действие в целостности коммуникативной ситуации как компоненте практической деятельности» [5, с. 654]. Итак, поскольку за высказыванием «стоит» не только действительность, но и представления субъекта о ней, именно интегративный подход к анализу смысла предложения представляется нам наиболее плодотворным и целесообразным, отвечающим требованиям современной науки о языке.

Референтом любого предложения является ситуация – «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной

действительности в момент “сказывания” и обуславливающих в определённой мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [6, с. 251]. Каждое предложение обладает семантической структурой – обобщённым типовым содержанием, которое свойственно ему как представителю определённого формально-семантического типа предикативных единиц. Инструментом описания семантической структуры предложения является пропозиция – языковая форма воплощения положения дел в действительности, объективное, абстрагированное от адресанта содержание мысли [7]. Это понятие логики, которое, претерпев некоторые изменения в своём значении, пришло в науку о языке. Как справедливо отмечает О. И. Москальская, «при рассмотрении отношения между действительностью, мышлением и языком необходимо учитывать <...>, что предметы и явления реальной действительности в их бесконечных связях и отношениях не пассивно отражаются сознанием человека, а преобразуются им, – рассматриваются под каким-то определённым углом зрения, в каком-то определённом отношении, в какой-то определённой связи» [1, с. 39]. Следовательно, пропозиция – это не просто отражение положения дел в реальности, но «“взгляд” говорящего на действительность, так как именно он создаёт ситуацию, выбирая глубинный предикат, именно он включает или исключает участников ситуации как предопределённых свойствами предиката, его семантическими валентностями <...>, так и не обусловленных ими» [8, с. 142].

Смыслы, заключённые в высказывании, могут быть эксплицитными (явно выраженными) или имплицитными (скрытыми, формально не репрезентированными, подразумеваемыми). Предложения, заключающие в себе скрытую предикативность, называются семантически осложнёнными. Имплицитные фрагменты ситуации, введённые в них говорящим, мысленно восстанавливаются адресатом «из смыслов тех компонентов предложений, которые построены так, как будто обозначающиеся ими предметы или ситуации уже известны» ему [9, с. 254–255]. Появление семантически осложнённых предложений связано со способностью языка разнообразно и адекватно отражать самые различные события и ситуации.

Возникновение семантически осложнённых, но формально простых предложений основано на универсальном для многих языков принципе конденсации информации, который «объясняется стремлением устранить ненуж-

ную избыточность в сообщении, стремлением к экономии речевых усилий» [10, с. 29]. Причиной возникновения конденсированных конструкций «является внутреннее качество языка, основанное на противоречивости самого языкового знака, его асимметричности. Это противоречие заключается в том, что на уровне означаемых обычно бывает больше единиц (единиц смысла), чем на уровне означающих (единиц словесно представленных). Этот разрыв может быть большим или меньшим, и при конструировании связной речи его можно использовать в двух направлениях: либо развёртывая высказывание, в той или иной степени сближая означающее с означаемым, либо, наоборот, свёртывая его, сжимая до определённого предела <...>. Во втором случае и возникает синтаксическая компрессия, словесное сжатие высказывания, в котором какие-то элементы смысла будут представлены имплицитно» [11, с. 229–230]. Процедура стяжения смысловых пластов информации связана со смещением семантико-синтаксических ролей между словами [12]. Дополнительные пропозиции могут латентно присутствовать не только в обязательных компонентах семантической структуры, но и в тех членах, которые не входят в грамматический и семантический минимум предложения [13].

На наш взгляд, образование семантически и структурно конденсированных высказываний является не только и не столько следствием минимизации заботы адресанта о форме выражения мысли, сколько итогом концептуальной интеграции информации: «...язык развивается в сторону увеличения передаваемой информации в единицу времени»; этим объясняется «стремление конденсировать смысловую насыщенность высказывания, т.е. за одно и то же время произнесения высказывания углубить его семантику, сделать высказывание “многоканальным”, передав воспринимающему больше “смысловых строк” в одной и той же линейной последовательности» [14, с. 23]. В ходе сложного ментального процесса интеграции информации происходит вычленение говорящим наиболее важных, по его мнению, фрагментов действительности, даётся их оценка, а затем происходит синтезирование результатов данных мыслительных операций в виде семантически сложной структуры, понимание которой адресатом неразрывно связано с ситуацией общения и, по выражению Т. М. Николаевой, с «конвоем» высказывания [15].

Феномен интеграции информации дуалистичен: с одной стороны, он отражает не осозна-

ваемое говорящим, доведённое практически до автоматизма стремление к сжатию информации, с другой – связан с креативным преобразованием окружающей адресанта действительности, выявлением связей и отношений между фрагментами реальности.

Казалось бы, семантически осложнённые высказывания первичны и характерны для «строгих» сфер общения (научной, деловой), однако они оказываются широко представленными и в непосредственном обиходно-бытовом общении: *Мы по-дзен-буддистски ждём/ когда он придёт//; Выглядит вообще не фен-шуйно//; У нас давно закончились конфетно-букетные отношения//*. Это объясняется тем, что «повседневность возникает как функция отношения между реальностью и нашим знанием о ней <...>. Знание формулирует смысл реальности, язык предоставляет смыслу знак и выделяет объект реальности как область значения», причём эти операции определяются «логически не оформленными прагматическими установками индивида в контексте конкретной ситуации» [16, с. 156]. В связи с этим повседневность представляет собой не только благодатный материал для раскрытия креативного потенциала личности, но и способ усвоения её творческих достижений [16]. В разговорной речи (далее – РР) с категорией повседневности соотносится категория сиюминутности [17]. Сиюминутность всегда диалогична, с её помощью в речи отражается окружающая коммуникантов действительность.

Цель данной статьи – проанализировать механизм интеграции информации, приводящий к порождению конденсированных синтаксических моделей в современной РР, и охарактеризовать коммуникативно-прагматическую специфику высказываний, построенных по данным моделям. Исследование проводится на материале собственноручных записей РР (далее – ЗРР), а также данных, представленных в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) общим объёмом 20 000 предикативных единиц. Анализ базируется на применении традиционных для лингвистики индуктивного и интерпретативного методов, а также приёма количественной обработки материала.

Наблюдения показывают [18], что в РР, в отличие от других сфер общения, активно и регулярно порождаются особые квалификативные синтаксические модели, являющиеся следствием конденсации информации, например, *Adv – (не) значит Adv* и $N_1 – (это) Adv_{\circ}$: *Быстро – не значит хорошо//* (ЗРР); *Средневековье – это сейчас модно//* (НКРЯ); *«Три коровы» – как раз*

это приятно// (НКРЯ) и др. Наречия в этих моделях чаще всего образуются от качественных прилагательных, в семантике которых оказываются связанными собственно семантические и прагматические планы высказывания.

По справедливому замечанию Е. Н. Ширяева, в РР, где важную роль в порождении и понимании информации играют опора на конституацию и общность апперцепционных баз коммуникантов, активно функционируют предложения, построенные по моделям с диффузной и максимально широкой семантикой, а также высказывания с незамещёнными синтаксическими позициями [19]. Подобные высказывания появляются в общении вследствие реализации укоренившегося в сознании носителей языка механизма интеграции имплицитных (глубинных) и эксплицитных смыслов. Обе модели предназначены для оценки явления, о котором идёт речь в бытовом диалоге. При этом само явление, будучи известным собеседникам из ситуации их общения, конденсируется говорящим до пропозитивного имени (в модели $N_1 – (это) Adv_{\circ}$) или пропозитивного наречия (в модели *Adv – (не) значит Adv*). Оценка, в свою очередь, также выражается максимально сжато и лаконично: с помощью наречия с аксиологическим значением. Таким образом, в данных синтаксических моделях смыслы, не актуальные для говорящего и хорошо понятные собеседнику, подвергаются редукции, а эксплицируется лишь та информация, которая выражает предмет речи и отношение говорящего к нему.

Высказывания, репрезентирующие нормативный аспект восприятия действительности, являются универсальными, а стремление к нормализации есть способ отражения мира в нашем сознании [15]. В РР предмет беседы чаще всего не описывается, а оценивается; именно оценка является удобной коммуникативной реакцией: «Специфику оценки “люблю-не-люблю” усматривают в том, что она обладает параметром субъективной истины, не нуждающейся в мотивировке, и не пользуется понятием нормы» [20, с. 27]. Мы неизбежно оцениваем поступки других людей, сравниваем их аксиологические представления о субъектах, объектах и явлениях действительности со своими. Такие синтаксические конструкции, являющиеся следствием операции интеграции информации, представляют собой устойчивые, закрепившиеся в сознании говорящего паттерны выражения оценки. Обычно они возникают в диалоге как результат подытоживания мысли, лаконичного обобщения обсуждаемой проблемы:

– Студию-то мы снять – снимем/ единственное/ такое дело/ то/ что мы не знаем/ в каком стиле оформить эту фотосессию// Может быть/ у вас есть какие-то мысли? Вы нам подскажите в этом?

– Ну у вас девочка// Правильно?

– У нас девочка//

– Так// Ну как-то чаще всего не то чтобы какую-то тематику делают/ а просто наряды покупают//

– Ну она у меня очень подвижная девочка/ никогда не сидит на месте// Всё ей всё/ грубо говоря/ нравится всё/ что связано с побегать/ попрыгать и прочее// Поэтому я и думала/ какую-нибудь тематическую// Ну вот мне бы хотелось тематику/ потому что **наряды** – как бы это довольно **примитивно**// (НКРЯ).

Очевидно, что такие конденсированные предложения в большинстве случаев не могут быть адекватно поняты адресатом без опоры на ситуацию общения.

Предложения, построенные по схемам N_1 – (это) Adv_o и Adv – (не) значит Adv, можно отнести к квалифицирующим. Синтаксические модели подобного рода отражают вневременную характеристику фрагментов действительности [19]. Их появление в РР, с одной стороны, объясняется влиянием сферы их функционирования: спонтанностью, опорой на ситуацию общения и частно-апперцепционную базу коммуникантов. Это находит отражение в особом синтаксическом строе РР: широком распространении конкретных имён в предикативной функции, ослаблении синтаксических связей, использовании «лексики в позициях, не отвечающих её лексическому статусу» [19, с. 195] и др. С другой стороны, появление таких аксиологических моделей предложений объясняется структурой современного русского языка, обнаруживающего явную тенденцию к аналитизму и раздельно-оформленности на разных уровнях.

Квалифицирующие модели предложений в РР довольно часто характеризуются размытостью семантики, однако такая «семантическая неточность не только не противопоставлена нестрогим сферам языка, а, напротив, находится в соответствии с коммуникативными запросами этих сфер: слушающий должен приложить некоторые усилия для того, чтобы верно осуществить референцию, верно сориентироваться в ассоциативных отношениях, тем самым слушающий становится активным партнёром в коммуникации, а прямой контакт со слушающим для нестрогих сфер языка весьма важен» [19, с. 213].

Наблюдения показывают, что в РР в высказываниях, построенных по модели N_1 – (это) Adv_o, объектом оценки становятся, как правило, бытовые ситуации, выраженные пропозитивными именами, употребление которых типично для живой устной речи [13]: **Ну чёрного цвета** (будильник) – **это интересно**/ я думаю// **Красиво выглядит**// **А циферблат какой?** Там **чёрный** нарисовано? (НКРЯ); **Курица** – это конечно **прекрасно**/ но свинину я всё равно люблю больше// (НКРЯ). При этом «имя лица или предмета может скрывать за собой любое из возможных качеств, действий и происшествий» [7, с. 123].

В обиходно-бытовом общении предметам и явлениям чаще всего даются общие оценки: на них приходится 54,8% от всех аксиологических наречий, функционирующих в предложениях модели N_1 – (это) Adv_o. Именно они образуют ядро лексико-семантического поля «оценка» в РР [21]. По-видимому, это объясняется широтой и максимальной обобщённостью семантики данных слов, что свойственно живой устной речи. Среди общеоценочных лексем в предложениях модели N_1 – (это) Adv_o преобладают наречия, выражающие положительные оценки, несмотря на то, что, по наблюдениям лингвистов, в РР шире распространены оценки отрицательные [21]. Можно предположить, что обыватель, главный пользователь РР, боится хвалить, «боится не совпасть в похвале с собеседником, в то время как негативная оценка делает его восприятие как бы критическим и, как предполагается, более тонким. Действительно, критиковать легче, чем созидать» [14, с. 169]. Преобладание же в нашем материале положительных оценок, во-первых, связано с тем, что слово *хорошо* «входит в ядро языкового сознания носителей русского языка», и структура его значения сложнее, чем у слова *плохо* [22, с. 76]. Во-вторых, за выбором оценки стоит позитивная программа человека, его представление о нормативном статусе и позитивном сценарии события [14]: **Видишь/ как прекрасно/ громкая связь**// (НКРЯ); **Гуанабана** – это **хорошо**// (НКРЯ); **Школьные времена** – это **прекрасно!**// (НКРЯ); **Платье** – это **замечательно!**// (ЗРР).

Конечно, характер оценок зависит от креативного потенциала говорящего, ведь чтобы выразить мысль наиболее точно и нестандартно, адресанту не хватает типовых речевых средств: **Мы безнадежные горожане/ для которых лучший пейзаж – это серые камни/ и если слишком много солнца/ настоящий петербуржец на-**

чинает потихонечку вянуть/ и через две недели солнечной погоды он уже превращается в законченного нытика/ который говорит что конечно ваш юг – это хорошо/ но вот мне бы чего-нибудь посвежее/ мне бы чего-нибудь не вашего// (НКРЯ).

Семантику модели Adv – (не) значит Adv можно охарактеризовать приблизительно так: ‘отношение между отвлечённо представленным признаком и его квалификацией’. Предложения, построенные по данной модели, входят в группу моделей, которую условно можно представить как «X (не) значит X», где X – любая часть речи: Новое не значит лучшее (ЗРР); Обещать – не значит жениться (ЗРР) и под.

Данная модель является следствием процесса семантико-синтаксической конденсации, под действием которой происходит интеграция смысла нескольких предикативных единиц, что и порождает формально простую, но семантически сложную (полипропозитивную) структуру предложения. Таким образом, оба наречия, образующих эту структурную схему, обладают пропозициональным содержанием, т. е. именуют целые ситуации. Так, высказывание Но бедно не значит грязно// (ЗРР) появляется в диалоге двух подруг, обсуждающих жизнь общей знакомой, Екатерины, которая, будучи многодетной матерью-одиночкой, работает на двух работах. Одна из женщин жалеет приятельницу: Да/ нелегко Катьке пришлось// Муж бросил с двумя мальчишками/ не помогает совсем/ мать больная в другом городе// (ЗРР). Другая же осуждает Екатерину за неумение вести хозяйство, поддерживать чистоту и порядок в доме: Знаешь/ я всё понимаю/ живут они бедно и всё такое/ но дома-то у неё помойка самая настоящая// Ну помой ты пол и окна хоть раз в год/ балкон разбери наконец/ шмотки убери со стульев// Это же не сложно! Бедно живёшь/ это да// Но бедно не значит грязно// (ЗРР).

Наблюдения показывают, что в РР предложения модели Adv – (не) значит Adv чаще всего описывают преимущества или недостатки каких-либо явлений и ситуаций:

– Вам подороже или подешевле? Вы себе хотите?

– Ну/ давайте подороже// Хотя/ как тут посоветовали/ дороже не значит лучше//

– Это уже вам видней// (НКРЯ).

В РР позицию предиката в таких моделях, как и в модели N_1 – (это) Adv_o, чаще всего (в 70,2% случаев) занимают общеоценочные наречия:

– Ну он на ней хоть женился теперь// Решился всё-таки предложение сделать после стольких лет// Она долго так ждала// У них ведь уже сын!

– Ну замужем – ещё не значит хорошо// Не значит/ что счастливо жить будут// Тем более он жениться-то сам и не хотел// (ЗРР).

Таким образом, в основе обеих моделей, выражающих базовые потребности человека в оценке предметов и явлений окружающей его действительности, лежат операции вычленения говорящим актуальных для него компонентов ситуации и интеграции их в одну семантически сложную структуру.

Модели N_1 – (это) Adv_o и Adv – (не) значит Adv по содержанию и дискурсивным функциям близки к паремиям: сообщаемое в них «не универсально, <...> но соединено с социальным» [15, с. 324]. Такие высказывания являются результатом обобщения говорящим конкретной речевой ситуации до типовой, концептуальной ситуации, отражающей его наивную картину мира. С помощью высказываний, построенных по моделям N_1 – (это) Adv_o и Adv – (не) значит Adv, адресант отражает свой жизненный опыт в виде своеобразной сентенции: Отдых – это скучно; Школьные годы – это прекрасно; Овощи – это полезно; Ложь – это отвратительно; Дороже не значит лучше; Дёшево не значит качественно и под. Сентенции довольно широко распространены в РР, поскольку «один из парадоксов разговорного дискурса заключается в “открытии велосипеда”. Общеизвестное и банальное вдруг срабатывает как лично-сейчас-значимое» [23, с. 133]. По мнению Т. М. Николаевой, сентенциальные высказывания способствуют сплочению всех членов языкового коллектива [15].

Таким образом, в основе порождения конденсированных высказываний лежит операция интеграции информации. Стремление к экономии речевых усилий является доминантной чертой РР. Именно поэтому в ней функционируют семантически конденсированные синтаксические модели, которые довольно редки в других сферах общения: Adv – (не) значит Adv и N_1 – (это) Adv_o. Семантика обеих моделей связана с выражением оценки – базовой ментальной операции, с помощью которой человек определяет своё отношение к окружающим его предметам и явлениям действительности. Порождение таких аксиологических высказываний оказывается не только лично, но и социально значимым речевым фактом, поскольку связано со стремлением членов языкового коллектива к выражению народной мудрости.

Список литературы

1. *Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1974. 156 с.
2. *Федосюк М. Ю.* Синтаксические значения и синтаксические смыслы // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. С. 18–22.
3. *Азов А. В.* Проблема нового интегративного знания: обзор дискуссий // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6. С. 320–325.
4. *Smuts J. C.* Holism and evolution. London : Macmillan and Co., 1936. 358 p.
5. *Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я.* Синергетика и холистические образы языка // Чебанов С. В. Собр. соч. Т. 3. Петербург. Россия. Социум : сборник работ 1990-х годов. Вильнюс : Viani, 2004. С. 650–656.
6. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.
7. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. 383 с.
8. *Манаенко Г. Н.* Предикация, предикативность и пропозиция: соотношение понятий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 138–143.
9. *Федосюк М. Ю.* Идея художественного произведения как разновидность его имплицитного содержания // Жанры речи. 2012. № 8. С. 251–264. EDN: YNVTUD
10. *Колосова Т. А.* Русские сложные предложения симметричной структуры. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1980. 164 с.
11. *Валгина Н. С.* Современный русский язык: Синтаксис : учебник. 4-е изд., испр. М. : Высшая школа, 2003. 416 с.
12. *Норман Б. Ю.* Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами // Русистика. Берлин. 1998. № 1–2. С. 57–68.
13. *Кормилицына М. А.* Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. 3-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 152 с.
14. *Николаева Т. М.* От звука к тексту (Язык. Семиотика. Культура). М. : Языки славянской культуры, 2000. 680 с.
15. *Николаева Т. М.* Лингвистика. Избранное. М. : Языки славянской культуры, 2013. 624 с.
16. *Касавин И. Т., Щавелев С. П.* Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 432 с.
17. *Харченко В.К.* Современная повседневная речь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 184 с.
18. *Дегальцева А. В.* Русские наречия образа действия в разных сферах общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. 404 с.
19. *Ширяев Е. Н.* Синтаксис // Русский язык в его функционировании. Уровни языка / отв. ред. Д. Н. Шмелев, М. Я. Гловинская. М. : Наука, 1996. С. 181–232.
20. *Ляпон М. В.* Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М. : Наука 1989. С. 24–33.
21. *Язубова М. А.* Лексико-семантическое поле «оценка» в русской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992. 22 с.
22. *Шерстяных И. В.* Омокомплекс «хорошо» и его функции в современном русском языке // Актуальные проблемы филологии в современном научном и образовательном пространстве : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Н. Роденцова. Иркутск : Аспринт, 2016. С. 76–90. EDN: WQJAOJ
23. *Харченко В. К.* Мозаика разговорной речи: аспекты исследования, электронная база высказываний. М. : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2013. 192 с.

Поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 12.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 207–211
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 207–211
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-207-211>, EDN: ZCFFDX

Научная статья
УДК 821.161.1.09-191+929Сумароков

О семантике слова «подлый» в русском языке XVIII–XIX вв. и смысле морали басни Сумарокова «Заяц и Лягушки»

С. С. Егорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Егорова Светлана Сергеевна, аспирант кафедры русского языка, egorova3058@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8650-5784>

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения семантики слова «подлый» в русском языке XVIII и XIX вв. Смысл этой лексемы кардинально менялся с течением времени, о чем свидетельствуют контексты из различных источников (как документальных, научных, так и художественных). В начале XVIII в. слово «подлый» зафиксировано в «Генеральном регламенте» и «Регламенте Главного магистрата», разработанных Петром I; оно использовалось там в качестве социального термина, обозначающего определенные общественные классы. С 1730-х гг. лексема «подлый» также начинает употребляться в стилистическом значении – теперь это характеристика особенностей речи тех «неблагородных» социальных слоев, о которых говорилось в регламентах (речь народа – подлая речь). В этом значении слово фигурирует в трудах Ломоносова, Тредиаковского, Кантемира и др. Однако после издания Екатериной II «Наказа» (1767), который строго регламентировал социальную структуру общества, устанавливал четкие границы классов и их наименования, обобщающее понятие «подлый» оказалось более невостребованным. Но сама лексема не исчезла из языка – она развила новое значение. С конца XVIII в. «подлый» – это морально-нравственная характеристика человека, а также недостойного поступка, неблагородной манеры поведения (так, видимо, поступали, прежде всего, представители тех «неблагородных» социальных классов). Этот новый семантический смысл «подлого» постепенно укореняется в языке и вытесняет предшествующее значение. В Словаре Академии Российской (1789–1794) первым еще зафиксировано социальное значение слова «подлый», вторым – новое, нравственное. В Словаре церковнославянского и русского языка (1847) приоритетность значений изменена: теперь именно морально-этическая семантика слова дана как основная. В лексикографических трудах XX в. «подлый» в значении социального термина вовсе снабжается пометой *устаревшее*. Теоретические положения в статье подкреплены примерами функционирования данного слова в разные периоды в разных значениях.

Ключевые слова: подлый, стилистическая система XVIII в., социальная терминология, простонародное, народная речь, разговорная речь, Словарь Академии Российской, XVIII век, сниженная лексика

Для цитирования: Егорова С. С. О семантике слова «подлый» в русском языке XVIII–XIX вв. и смысле морали басни Сумарокова «Заяц и Лягушки» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 207–211. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-207-211>, EDN: ZCFFDX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

About the semantics of the word “cowardly” in the Russian language of the 18th–19th centuries and the meaning of the moral of Sumarokov’s fable *The Hare and the Frogs*

S. S. Egorova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Svetlana S. Egorova, egorova3058@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8650-5784>

Abstract. The article discusses the problem of studying the semantics of the word “cowardly” in the Russian language of the 18th and 19th centuries. The meaning of this lexeme has radically changed over time – this is evidenced by contexts from various sources (both documentary, scientific, and artistic). At the beginning of the 18th century, the word “sneaky/cowardly” was fixed in the *General Regulations and Regulations of the Chief Magistrate*, developed by Peter I; it was used there as a social term denoting certain social classes. Since the 1730s the lexeme “cowardly” is also used in a stylistic sense – now it is a characteristic of the speech features of those “ignoble” social strata that were mentioned in Peter’s Regulations (the speech of the people is cowardly speech). In this sense, the word appears in the works of Lomonosov, Trediakovsky, Kantemir, etc. However, after the publication of Catherine II’s *Mandate* (1767), which strictly regulated the social structure of society, established clear boundaries of classes and their names, the generalizing concept of “cowardly” turned out to be no longer necessary. But the lexical item itself has not disappeared from the language – it has developed a new meaning. Since the end of the 18th century “cowardly” is a moral characteristic of a person, as well as of an unworthy act, an ignoble manner of behavior (this, apparently, was typical, first of all, for the representatives of those “ignoble” social classes). This new semantic meaning of “cowardly” gradually took root in the language and displaced the previous meaning. In

the *Dictionary of the Russian Academy* (1789–1794) the first meaning recorded is still the social meaning of the word “cowardly”, the second – a new, moral one. In the *Dictionary of Church Slavonic and Russian* (1847), the priority of meanings has been changed: now the moral and ethical semantics of the word is given as the main one. In the lexicographical works of the twentieth century, “cowardly/sneaky” in the meaning of the social term is even marked as obsolete. The theoretical provisions in the article are substantiated by examples of this word’s functioning in different periods in different meanings.

Keywords: cowardly, stylistic system of the 18th century, social terminology, plain countryfolk, folk speech, colloquial speech, *Dictionary of the Russian Academy*, the 18th century, substandard vocabulary

For citation: Egorova S. S. About the semantics of the word “cowardly” in the Russian language of the 18th–19th centuries and the meaning of the moral of Sumarokov’s fable *The Hare and the Frogs*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 207–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-207-211>, EDN: ZCFDX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Мораль басни А. П. Сумарокова «Заяц и Лягушки» (ок. 1760 г.) звучит так: «Кто подлым родился, пред низкими гордится, а пред высокими он, ползая, не рдится» [1, с. 207]. Концептуально смысл нравственного вывода не вызывает сомнений, однако при дословном анализе проявляется некая терминологическая неясность относительно социальных категорий, принадлежащих к «подлым», с одной стороны, и к «низким» – с другой. Целью данной статьи является изучение семантики слова «подлый» и прояснение смысла заключительных строк басни.

Лексема «подлый» зафиксирована в официальных документах начала XVIII столетия («Генеральный регламент» и «Регламент, или Устав Главного магистрата» Петра I), теоретических работах по филологии авторства Тредиаковского, Ломоносова, в лексикографических трудах Татищева и работах по истории Шаховского, а также текстах художественной литературы (в произведениях Сумарокова, Кантемира, Фонвизина, Крылова, Эмина), статьях по литературной критике и частной переписке. В Национальном корпусе русского языка представлено более 50 упоминаний слова «подлый» в текстах XVIII в.

Семантика «подлый» в этот период продемонстрировала некоторую неоднозначность, а в дальнейшем – в XIX и XX вв. – смысл слова вовсе изменится. В Петровское время и последующие почти 100 лет «подлый» – это, в первую очередь, термин социальный («подлый народ», «подлая чернь», «класс подлейших», но это не морально-нравственная характеристика), во вторую – стилистический.

Неоднозначность термина состоит в том, что область его покрытия распространялась на разные общественные классы – лексема употреблялась то в широком, то более узком значении. Нечеткость понимания того, кем являются «подлые люди», обусловлена отсутствием до 70-х гг. XVIII в. детерминированных сословных границ и единой терминологии.

Существуют и разные трактовки этого понятия в контексте «Регламента Главного магистрата» Петра I (1721 г.). С одной стороны, «подлыми» считались все «неблагородные» классы городского населения, т.е. купцы 1-й и 2-й гильдий (из «регулярных» граждан) и работающие по найму крестьяне (из «нерегулярных»): «...из которых первой гильдии или первостатейные состоят, и **от другого подлого гражданства** привилегиями... суть отменны; яко банкиры, знатные купцы... аптекари, лекари... Во второй гильдии, которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют, также рукомерленные... **Прочие же все подлые люди**, обретающиеся в наймах и в черных работах...» [2, с. 192–193]. Это широкое понимание термина, в соответствии с которым «подлый народ» – люди непривилегированные или полупривилегированные, противопоставленные благородным и знатным. Эти сословия платили посадские подати. Данная семантика поддерживается следующими литературными и документальными контекстами XVIII в.:

«Гнусно дворянину завидовать благополучию **подлейших** себя» (1729 г.) [3, с. 368];

«При каждой коллегии надлежит двум прихожим каморам быть... чтоб люди знатного характера (или чина) от **подлых** различены были» (1720 г.) [4, с. 131].

Аналогичную семантику утверждает историк XIX в. М. О. Коялович, говоря, что *шляхетство* «перешло к нам при Петре из Польши и повлекло за собою... антитез – **подлый народ**» [5, с. 345].

С другой стороны, в ряде иных источников XVIII в. «подлыми» признаются исключительно низшие слои «нерегулярного» городского населения (т.е. купцы исключаются из ранга «подлых»). Это узкое понимание термина «подлый». Оно используется Ключевским в лекции о реформах Петра I: «Все рабочие люди, живущие наймом и черной работой, отнесены к третьему классу – **подлых людей**, которые... “к знатным и регулярным гражданам” не причислены» [6,

с. 171]. Согласно этой точке зрения, «подлые» – это выходцы из крестьянства, имеющие дополнительный заработок в городе, также крестьяне, принадлежащие фабрикам и заводам, беглые и др. Примеры контекстов XVIII в., подтверждающих данную семантику:

«Город есть место... в котором многие дома разных чинов, яко военные и гражданские служители, купечество, ремесленники и **чернь или подлой народ**» (1744–1746 гг.) [7, с. 62];

«...**песнях подлых**, без всякого складу и ладу... таковые песни изображают вкус тогдашнего века, но **не народа, а черни**...» (1788 г.) [8, с. 60].

В указе Сената (1744 г.), изданном во времена правления императрицы Елизаветы, «подлые» люди противопоставлены солдатам, разночинцам и «знатным» («...казенную соль в лавках продавать одному только крестьянству и прочим **подлым** людям... солдатам из лавок не продавать... также... в знатные дому и разночинцам...» [9, с. 307].

В некоторых случаях «подлый» применяется по отношению ко всем представителям низших сословий, всему крестьянству: «*Подлинный ты мужик*... сокращается в новое, модное в XVIII веке слово *подлый*: народ – **подлые люди**, речь народа – **подлая речь**» (1868 г.) [10, с. 245].

Тем не менее в большинстве случаев лексема «подлый» существовала в парадигме городских сословий. В целом она противопоставляла называемый ею класс, прежде всего, шляхетству, но также дифференцировала «подлых» от широких масс бесправного помещичьего крестьянства. Данная трехступенчатая социальная дифференциация, на наш взгляд, может прояснить смысл морали басни Сумарокова, о котором мы упоминали в начале статьи: «подлые», располагаясь в социальной иерархической структуре несколько выше широких масс неимущего крестьянства, тем не менее, не принадлежали к обществу привилегированных и знатных; Заяц, будучи трусливым по своей природе, тем не менее, имел превосходство над Лягушками («Я трус, однако без войны я дал лягушкам туз») [1, с. 207].

Этимологически слово «подлый» возводится, вероятно, к польскому языку – такая концепция выдвинута А. Г. Преображенским и поддержана М. Фасмером («“Подль” заимствовано, кажется, из польского *rodly* в смысле “простонародный”» [11, с. 86–87] и [12, с. 298].

П. Я. Черных возводит слово к праславянскому корню «*rod-, суф.-ьl – со старшим знач. – “исподний”, “низкий” (нижний), “наземный”... Отсюда знач. “простой”, “простонародный”» [13, с. 49].

Иерархическая структура государства и общества оказалась соотнесенной со стилистической характеристикой языка, что находит отражение в известном со времен античности разделении на высокий, низкий и средний стили. В переводе Тредиаковского и произведениях Кантемира усваивается традиция использования социальных терминов для названия языковых стилей и стилистических единиц («И к хвале той негоден, слаб **стиль** твой **подлейший**...» (1730-е гг.) [14, с. 267], «Равно и простой народ в некоторых своих песнях... употреблял незначащие ничего слова: здуниной, найнай, здуни. **Подлого народа употребление** сие и ныне еще слышать всякому можно...» (1735 г.) [15, с. 427–428]). Она продолжается и утверждается у Ломоносова («Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить не пристойно, как только в **подлых комедиях**», «Будет всяк уметь разбирать высокие **слова** от **подлых**...» (1758 г.) [16, с. 474, 476]). «Подлые» слова/ язык/ комедия/ стиль – те, которые, которые содержат языковые особенности речи «подлых» людей.

С появлением понятия «купцы третьей гильдии» (ок. 1742 г.) термин «подлые люди» оказался менее востребованным, а после издания «Наказа» Екатерины II (1767 г.) фактически перешел в разряд историзмов. «Наказ» регламентировал четкую классовость общественного строя, жесткие границы каждого из социальных слоев с соответствующим терминологическим наименованием (также появился термин «мещанин»). «Городовое положение» и «Ремесленное положение» (сер. 1780-х гг.) закрепили строгие межсословные перегородки. В новых реалиях слово «подлый» оказывается невостребованным; по традиции оно фиксируется на протяжении XIX в., однако интенсивность его использования отчетливо снижается. Некоторые примеры:

«...господин Зимовейкин... целовал у Устиныи Фёдоровны ручки, несмотря на скромные уверения её, что **рука** у ней **подлая**, не дворянская...» (1846 г.) [17, с. 317];

«...необходимо различать: во-первых, благородное дворянство, во-вторых, почтенное купечество и, в-третьих, земледельцев и прочих **подлый народ**» (1869–1870 гг.) [18, с. 424].

Однако слово «подлый» не исчезает из языка – оно обнаруживает новый семантический потенциал: на базе старого значения формируется новое, актуальное. «Подлый 1» – социальное значение: низкий, свойственный низшим сословиям, неблагородному классу людей;

«подлый 2» – характеристика нравственная, морально-этическая, обозначающая недостойное, бесчестное поведение, т.е. то, как мог поступать неблагородный, необразованный люд.

Смена приоритетности значений отражена в САР1 (1789–1794 гг.) и СЦСРЯ (1847 г.) и текстах рубежа XVIII и XIX вв.: «Выражение **подлый язык** есть остаток несправедливости того времени, когда говорили и писали **подлый народ**; но ныне... *подлого народа и подлого языка нет у нас! А есть... подлые мысли, подлые дела*» [19, с. 489].

Второе значение входит в активный словарный состав языка, полноценно развивает свой потенциал в течение первой половины XIX в., практически полностью вытесняя к XX столетию прежнюю семантику. В Национальном корпусе русского языка в текстах второй половины XVIII в. новое значение отмечено менее 10 раз, в текстах первой половины XIX – уже около 40 раз, а второй половины XIX – более 200. Примеры новой семантики:

«Человек бывает низок состоянием, а **подл душою**» (1783–1784 гг.) [20, с. 226];

«Ибо чернь, **подлый народ**, суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди» (1783 г.) [21, с. 482].

В словарях XX в. прежнее – социальное – значение сопровождается пометой «устаревшее», а в более поздних лексикографических источниках вовсе отсутствует.

Таким образом, лексема «подлый» активно употреблялась в XVIII в. в качестве социально-го термина, называющего людей «незнатных», непривилегированных сословий (как правило, в рамках городских общественных классов); именно эта семантика проявлена в финальных строках упомянутой басни А. П. Сумарокова. Кроме того, слово «подлый» могло использоваться как стилистическая характеристика речи представителей соответствующих сословий («подлая речь», «подлые слова», «подлый стиль»). Во второй половине столетия под влиянием историко-культурных факторов семантика «подлого» начинает меняться. После введения ряда регламентов и «Наказа» Екатерины II структура общества обретает строгую иерархичность и четкие сословные границы, в связи с чем обобщенное понятие «подлый» оказывается невостребованным. Слово, однако, не исчезает из языка – оно обнаруживает новый семантический потенциал; «подлый» с конца XVIII в. и по настоящее время – это обозначение определенного морально-нравственного качества человека или его поступка.

Список литературы

1. Сумароков А. П. Заяц и Лягушки // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1957. С. 207. (Библиотека поэта).
2. Регламент или Устав главного магистрата // Реформы Петра I : сб. документов / сост. В. И. Лебедев. М. : Гос. соц-экон. изд-во, 1937. С. 187–206. (Документы и материалы по истории народов СССР).
3. Кантемир А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1956. С. 368–377.
4. Генеральный регламент или устав, но которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданейше поступать имеют // Реформы Петра I : сб. документов / сост. В. И. Лебедев. М. : Гос. соц-экон. изд-во, 1937. С. 108–135. (Документы и материалы по истории народов СССР).
5. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд-е 3-е. С.-Пб. : Типография А. С. Суворина, 1901. 593 с.
6. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 4. Курс русской истории (Лекция 67). М. : Мысль, 1989. 398 с.
7. Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской : в 3 ч. С.-Пб. : Типографии Горного училища, 1793. Ч. 2 [Г–Ж]. 216 с.
8. Болтин И. Н. Примечания на историю древнюю и нынешнюю России Г. Леклерка : в 2 т. С.-Пб. : Типографии Горного училища, 1788. Т. 2. 558 с.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. 1-е изд. Т. 21. М. : Унив. тип. (Катков и К), 1871. 379 с.
10. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. С.-Пб. ; М. : Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1868. 320 с.
11. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. Т. 2 (П–С). М. : Типография Лисснера и Совко, 1914. 420 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Изд. 2-е, стер. Т. 3 (Муза – Сят). М. : Прогресс, 1987. 830 с.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 1999. Т. 2. Панцирь – Ящур. 560 с.
14. Кантемир А. Д. Речь к благочестивейшей государыне Анне Иоанновне императрице и самодержице всероссийской // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1956. С. 266–269.
15. Тредиаковский В. К. О древнем, среднем и новом стихотворении российском // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М. ; Л. : Советский писатель [Ленингр. отд-ние], 1963. С. 425–450.

16. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л. : Советский писатель [Ленингр. отд-ние], 1986. С. 473–478. (Библиотека поэта).
17. Достоевский Ф. М. Господин Прохарчин // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 1. Л. : Наука [Ленингр. отд-ние], 1988. С. 308–337.
18. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 8. М. : Художественная литература, 1969. С. 265–434.
19. Виноградов В. В. История слов : Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М. : Изд-во Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. 1138 с.
20. Фонвизин Д. И. Опыт российского сословника // Фонвизин Д. И. Собр. соч. : в 2 т. М. ; Л. : Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1959. Т. 1. 684 с.
21. Новиков Н. И. О воспитании и наставлении детей // Новиков Н. И. Избранные соч. М. ; Л. : Гослитиздат, 1951. С. 417–506.

Поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 12.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 12.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 212–218

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 212–218

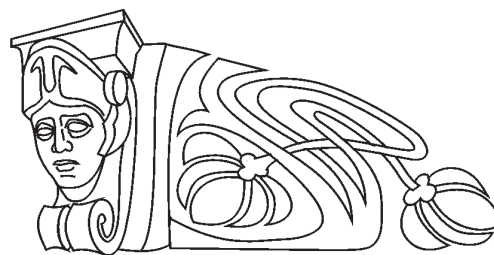
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-212-218>, EDN: SEETKS

Научная статья

УДК 811.161.1'23'42'272

Приметы времени и репрезентация актуальных событий в текстах современных пожеланий

Е. Н. Малашенкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Малашенкова Елена Николаевна, ассистент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, malashenkova.en@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1880-5571>

Аннотация. Речевой жанр «пожелание», функционирующий и в реальной коммуникации, и в интернет-среде, несмотря на довольно стереотипные формы выражения, в содержательном плане обладает значительной гибкостью. На наполнение пожеланий традиционно влияют фактор личности адресата, его пол, возраст, социальная и профессиональная принадлежность, увлечения. Кроме того, жанр пожелания активно откликается на изменения, происходящие в социальной сфере. Тематическое наполнение, лексический состав и интертекстуальность пожеланий отражают различные процессы, происходящие в современной культуре. Целью данного исследования стало выявление маркеров, примет времени, фиксирующих принадлежность текста к конкретному историческому периоду. Материалом исследования послужили преимущественно дружеские пожелания молодых людей, зафиксированные в устной и интернет-общении, а также пожелания лиц старшего возраста. В статье анализируются языковые и содержательные приметы времени: рассматриваются часто встречающиеся в пожеланиях различные виды прецедентных феноменов: тексты песен и рекламы, имена музыкантов, медийных личностей, персонажей фильмов, названия социальных сетей, популярных общественных мест. Прецеденты, во-первых, придают пожеланиям индивидуально-авторский творческий характер, а во-вторых, служат приметами XXI в., можно сказать, датируют тексты пожеланий. Особое внимание уделяется тому, как экстралингвистические события мирового масштаба, волнующие все возрастные группы людей (например, пандемия коронавируса, спецоперация на Украине), влияют на содержательный план пожеланий, порождают новые тематические компоненты в их текстах или актуализируют и наполняют новыми коннотациями традиционные дезидераты (содержательные компоненты пожелания). Сделан вывод о зависимости человеческих ценностей, актуализирующихся в текстах пожеланий, от социальных процессов данного периода.

Ключевые слова: речевой жанр, пожелание, интернет-коммуникация, приметы времени, прецедентные феномены, массовая культура

Для цитирования: Малашенкова Е. Н. Приметы времени и репрезентация актуальных событий в текстах современных пожеланий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 212–218. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-212-218>, EDN: SEETKS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Signs of time and representation of actual events in texts of modern wishes

E. N. Malashenkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Malashenkova, malashenkova.en@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1880-5571>

Abstract. Such a speech genre as wishing, which functions both in real communication and in the Internet environment, has considerable flexibility in terms of content, despite the rather stereotypical forms of expression. The content of wishes is traditionally influenced by the personality factor of the addressee, their gender, age, social and professional affiliation, hobbies. In addition, the wish genre actively responds to changes taking place in the social sphere. Themes, vocabulary and intertextuality of wishes reflect various processes that occur in the modern culture. The purpose of this study was to identify markers, or signs of time, that label the text as belonging to a specific historical period. The material of the study was mainly the friendly wishes of young people, recorded in speech and Internet communication, as well as the wishes of older people. The article analyzes the linguistic and content signs of time. Various types of precedent phenomena that are often found in wishes are considered, such as: song lyrics and advertising texts, names of musicians, media personalities, movie characters, names of social networks, popular public places. Precedents, firstly, give wishes an individual creative character, and secondly, serve as features of the 21st century. They can be said to be establishing the dates of the texts of wishes. Particular attention is paid to how global extralinguistic events that concern all age groups of

people (such as the coronavirus pandemic, a special operation in Ukraine) affect the content plan of wishes, generate new thematic components in their texts, or update and fill traditional desiderata (meaningful wish components) with new connotations. The conclusion is made about the dependence of human values, actualized in the texts of wishes, on the social processes of the given period.

Keywords: speech genre, wish, Internet communication, signs of time, precedent phenomena, mass culture

For citation: Malashenkova E. N. Signs of time and representation of actual events in texts of modern wishes. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 212–218 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-212-218>, EDN: SEETKS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современную действительность, в том числе и языковую, невозможно представить без Глобальной сети. В последнее время исследователи виртуального дискурса, мемосферы и блогосферы сходятся во мнении, что пространство Интернета и Рунета «приобретает своеобразную форму “цифровой летописи”, фиксирующей ключевые события современности» [1, с. 401].

События современности находят отражение и в жанре «пожелание». Пожелание – речевой жанр, «закреплённый за этикетной ситуацией выражения мнения о желательности чего-либо» [2, с. 448]; вежливое действие, которое говорящий реализует с целью «выразить внимание и симпатию по отношению к адресату, надежду на благополучие в жизни адресата в будущем и тем самым соответствовать нормам этикета, принятым в данном обществе» [3, с. 15].

Пожелания во многом базируются на стереотипах [4]. Поскольку пожелания ситуативно обусловлены разного рода событиями, и эти события регулярно повторяются: официальные и неофициальные праздники, преддверие важных событий в жизни адресата, ситуации приветствия и прощания и другие (исследователями создан завершённый перечень событий / поводов, влекущих за собой пожелание [5]), реализация пожелания нередко превращается (по причине экономии времени, стремления к повышенной вежливости) в произнесение общепринятых устойчивых конструкций, универсальных для любого адресата (например, *желаю счастья, здоровья, всего самого наилучшего*). Автоматизация повседневной речи приводит к тому, что часть пожеланий начинает использоваться в качестве опустошённых этикетных формул.

Тем не менее стереотипность и шаблонность приемлемы не для всех сред и ситуаций общения. Так, дружеское неформальное общение стремится к оригинальности и неповторимости. Несмотря на то что пожелание отличается конвенциональностью и некоторыми учёными определяется как речевой и социальный ритуал [6], оно может быть отнесено к риторическим жанрам, поскольку работа над его содержанием требует от адресанта напряжения усилий в творческом использовании языка.

В текстах пожеланий можно наблюдать проявление индивидуальных особенностей говорящих, а также их отклик на изменения, происходящие в социальной сфере. Тематическое наполнение, лексический состав и интертекстуальность пожеланий отражают различные процессы, происходящие в современной культуре. Могут быть выявлены маркеры, фиксирующие принадлежность пожелания к конкретному историческому отрезку времени.

Наша задача – выявить в текстах пожеланий приметы актуальных событий и реалий времени. Материалом послужили дружеские неформальные пожелания молодёжи, зафиксированные в интернет-коммуникации и разговорной речи, а также дополнительно записанные автором пожелания лиц старшего возраста (общий объём материала – более 950 фрагментов).

Содержательное многообразие пожеланий и функционирование в них прецедентных феноменов

Как отмечают исследователи пожеланий, именно стереотипность позволяет воплощать речевой жанр пожелания без риска ошибиться в выборе формы и содержательного наполнения. Однако стоит отметить, что именно молодое поколение стремится к уходу от стереотипов. Важной чертой дружеских молодёжных пожеланий является отражение в них событий, актуальных для адресата. Например, мы можем видеть, что адресатам-студентам желают *успешно сдать сессию*, а школьникам – *высоких баллов на ЕГЭ*.

На содержание пожеланий влияет фактор адресата: знания адресанта об адресате, его профессиональной деятельности, интересах, хобби, органично вплетаются в тексты пожеланий и становятся важными компонентами их семантического наполнения, на что указывают и следующие примеры: (юноше-фотографу, орфография и пунктуация здесь и далее сохранены) *желаем тебе побольше ярких кадров*; (девушке-хореографу) *Пусть движения и связки в постановках танцев придумываются быстро*; (специалисту в SMM-сфере) *Мы желаем тебе всегда быть на высоте, не грустить по пустякам, и пусть твой уровень знания smm взлетит*

до небес; (стоматологу) *Поездочек в Испанию, стать царём всех стоматологий мира*. Так проявляется индивидуализированный характер пожеланий, готовность адресанта отступить от стереотипных клишированных высказываний в пользу персонализированных посланий конкретному адресату в конкретный момент времени. Именно индивидуализированные пожелания свидетельствуют о заинтересованности и участии говорящего в жизни адресата.

На содержательное наполнение пожелания влияет и фактор принадлежности адресанта и адресата к определённой среде, социальной или профессиональной группе: например, в пожеланиях коллег намеренно или невольно реализуется тактика очерчивания круга своих, поскольку упоминаются реалии, не известные посторонним, например: (фотографу) *Желаем тебе прославиться своими фотографиями на весь мир, стать членом агентства Magnum Photos и когда-нибудь победить в конкурсе World Press Photo*. А вообще, просто наслаждайся каждым днём и никогда не теряй оптимизма. В данном примере маркерами профессиональной идентификации являются конкурсы и агентства фотографов.

Нередко в индивидуализированных пожеланиях отражаются приметы времени. К таким приметам можно отнести имена популярных медийных личностей, названия музыкальных групп, цитаты из песен, рекламные тексты и другое, т.е. фактор массовой культуры также формирует содержательный облик пожеланий.

Например, в основу пожеланий могут быть положены цитаты из песен, хорошо известных современной молодёжи. В нашем материале неоднократно встретилась цитата из песни IOWA: *улыбаааайся, улыбаайся! Невесомости повееерь и отдааайся!* Поскольку строки песни представлены рядом императивов, а глагол в повелительном наклонении зачастую передаёт интенцию пожелания, никакие трансформации не требуются. Интересно, что адресант как будто озвучивает мелодию песни и прибегает к графической игре, используя на письме редупликацию гласных.

Возможна минимальная трансформация песни, при которой её узнаваемость сохраняется и добавляется только императив: *виски-кола, будь королевой танцпола*. В молодёжной аудитории легко идентифицируется песня и исполнители – Джаро & Ханза.

В одном из пожеланий используется фраза *чтобы у тебя всё было, как в песне*, намеренно акцентирующая внимание адресата, например:

... А ещё **чтобы у тебя всё было, как в песнях Sqwoz bab**, ну не в смысле «сдать ЕГЭ на 30 баллов, ограбить пятёрочку и уехать в ебенья», а чтобы у тебя была прачка, табачка, горы налички, шиномонтажка, два ломбарда и три шашлычки))) *Чтобы мужики дрались за твоё чувство такта и смеялись, когда ты шутишь, а выиграл самый красивый молодой татарский богатырь)))*. В данном примере адресант противопоставляет с помощью союза *а* строки двух разных песен. Очевидно, что в данном случае адресант и адресат обладают общей апперцепционной базой, их музыкальные предпочтения совпадают, вероятнее всего, они хорошо знают тексты песен этой группы.

В пожеланиях девушек друг другу не теряет популярности творчество И. Аллегровой, а именно – цитата *Гуляй, шальная императрица!*, которая неоднократно встретилась в нашем материале в функции призыва, завершающего текст пожелания: *Пусть этот день станет для тебя сказкой! Пусть рядом всегда будут близкие люди и друзья! 😊 И вообще форта тебе по жизни))) Поднимайся всё выше и выше) Гуляй, шальная императрица!*

Возможно упоминание исполнителя и его высказывания, позволяющее реализовать тактику обращения к авторитету, например: *Love yourself. Как завещала Lizzo*. Пожелание строится на прямой цитате из песни, которая, видимо, воспринимается как прекрасный жизненный девиз: *Love yourself* (люби себя. – Е. М.). Значимость цитаты подкрепляется обращением к авторитету: *Как завещала Lizzo* (американская певица). Лексема *завещала* вызывает ассоциации с выражением предсмертной воли человека и передачей важных установок, которым обязательно нужно следовать.

Неоднократно встретилась следующая цитата, зачастую представляемая в транслитерированном виде: *Шайн брайт лайк даймонд (счастья, любви, Шайн брайт лайк даймонд)*. Это цитата из песни певицы Рианны, дословно переводящаяся как *сияй ярко, как бриллиант*. Мотивацию к транслитерированному написанию цитаты выяснить непросто, возможно, это экономия времени и усилий пишущего, обусловленная ненужностью переключать клавиатуру с русской раскладки на английскую, и очевидная узнаваемость цитаты в таком варианте.

Из зарубежных песен особой популярностью пользуются песни певицы Леди Гаги, что подтверждает ряд примеров: *Желаю, чтобы тот человек, которого ты полюбила, оказался тем самым Alejandro*. И у вас получился потрясаю-

щий **Bad romance**; Пусть у тебя в жизни будет как можно меньше ситуаций, где ты будешь делать **Poker Face**. Пусть будет **Just Dance** всю ночь напролёт, под громкие **Applause**.

Иногда пожелание может основываться на сравнении адресата с известной личностью, например: первое пожелание от меня сегодня – желаю быть всегда о*уенной и любить себя, также сильно, как **Моргенштерн**. В данном примере адресату желают обрести качества, присущие популярному в молодёжной среде российскому рэп- и поп-исполнителю, музыканту, шоумену Моргенштерну.

Адресанты могут использовать цитату из песни и как креативное «обрамление» пожелания. В данном случае цитата не является собственно пожеланием, но привносит в пожелание некоторый креатив и экспрессию, например: ну что, красотка! с днем рождением тебя! Желаю тебе здоровья, счастья, любви большой и светлой, успехов во всех начинаниях, гармонии в семье. Побольше хороших и преданных друзей рядом. Только ярких моментов в жизни. Вообще всего тебе самого наилучшего. Живи и кайфуй каждый день, а то ещё немного и 30. И тогда все, плачь и смотри, со стороны. Мы видим довольно объёмное пожелание, включающее призывы к адресату жить ярко и полно, и напоминание о быстротечности жизни (а то ещё немного и 30). Образ жизни после 30, сконструированный адресантом, выражается цитатой из песни группы «Непар»: плачь и смотри, со стороны, где адресат – грустный наблюдатель, для которого жизнь будто заканчивается. Думается, это можно считать способом настроить адресата на весёлую и шутовскую тональность.

Возможно использование строчки из песни, напротив, в пропозициональной части, предваряющей пожелание, например: и сразу вспоминается в голове песня группы Сектор газа «Мне сегодня 30 лет». Желаю тебе ярких моментов, любящего мужа...

Отметим, что большинство композиций были популярны именно в последнее десятилетие, узнать и расшифровать многие из них, думается, может только молодое поколение.

Советские песни практически не встречаются в современных пожеланиях, исключением может быть следующее: *Смари) Как там пелось то... «Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолёте...»*. Воооот. К чему это я. Чтоб ты нашла своего волшебника))) (смайлики – кольцо, невеста), чтоб вертолёт купить (или свой островок посередине океана))), жизнь, как кино, но с о*уенным концом, пятьсот эскимо...

жить, как в шоколаде) И пятьсот друзей не надо, но несколько верных не помешает! Нельзя не отметить творческую языковую личность адресата, который предложил современную интерпретацию известной детской песни: под волшебником, видимо, понимается молодой человек / муж (воссоздаемый образ будущего сопровождается соответствующими смайлами – кольцо и невеста); образ вертолёта связывается с финансовым благополучием (чтоб вертолёт купить или свой островок...), пятьсот эскимо трансформируются в пожелание жить как в шоколаде. Такое пожелание можно считать экспрессивным и творчески построенным на основе прецедентного текста.

Приметами времени, нашедшими отражение в наполнении пожеланий, также являются:

– имена персонажей различных киноселенных: Если видишь стену – разрушь, как **Супермен**, встречай трудности отважно, как **Бэтмен** (для пожеланий силы, отваги и мужественности, как видим, подходят сравнения с Суперменом и Бэтменом);

– названия социальных сетей, пользующихся популярностью в молодёжной среде; особенно часто в текстах пожеланий фигурирует Тик-Ток: Смейся, люби, успевай смотреть все тик-токи, которые тебе присылают; никогда не оставляй попытки снять тик-ток в стиле **Тима Бёртона** (здесь используется и прецедентное имя Тим Бёртон – американский кинорежиссёр, прославившийся зрелищными картинками, основанными на чёрном юморе);

– элементы сферы услуг, ставшие неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, например, служба доставки – Delivery Club (Хвали Олега за его хорошую работу и продолжай учинять скандалы Деливери Клуб), McDonald's (Чтобы рядом всегда был мужчина твоей мечты, который будет всегда любить и заботиться (покупать завтраки в маке) (МакМаكدональдс. – Е. М.) и др.

Встречаются (хотя и не так часто) в текстах дружеских пожеланий цитаты из рекламных текстов, они, как правило, не являются собственно пожеланиями, но способствуют выражению комплимента или благодарности: я тебе желаю всего самого нежного. **Ведь ты этого достойна** (реклама L'Oréal Paris); ... Всего самого-самого! **МЕРСИИ СПАСИБО ЧТО ТЫЫЫЫ ЕЕЕЕЕСТЬ** (реклама шоколада Merci). Редупликация гласных и смена регистра букв со строчных на прописные – способ передать на письме музыкальное сопровождение.

Социально-политические события и их влияние на содержание пожеланий

На содержание текстов пожеланий оказывает большое влияние и социально-политическая ситуация в стране и мире. Особо значимые события становятся стимулами для новых тематических компонентов пожеланий, отражающих дух времени.

Рассмотрим события, нашедшие наибольший отклик в текстах пожеланий.

Для людей разного возраста важны разные события. Например, в пожеланиях лиц старшего возраста мы заметили активную реакцию на «пенсионную реформу», повышение пенсионного возраста. Появление новых пожеланий можно было наблюдать в обществе наших родителей, старших родственников. В их среде стали появляться пожелания типа: ... *чтобы всё на работе было хорошо, чтобы доработать до пенсии*. Новой целью, транслирующейся в пожеланиях, стало именно *доработать до пенсии*, получить заслуженный отдых, наступление которого было отдалено.

Часть пожеланий приобрела синтаксическую форму неопределённо-личных конструкций: *чтоб больше не прибавили пенсионный возраст, а может, даже убавили*. Типичными для пожеланий являются конструкции, где субъектом является адресат (*ты будь счастливым, ты продолжай делать что-либо*), или лица, близкие адресату (*чтобы близкие радовали*), или некоторые абстрактные существительные (*счастье, удача*) (*пусть удача не обходит стороной*). Так или иначе, субъект почти всегда назван и определён. В данном случае неопределённость конструкции *чтоб больше не прибавили...* указывает на неспособность адресата повлиять на ситуацию, а регулярная повторяемость этого мотива указывает на то, что это действительно важно для коммуникантов.

Однако есть события, которые влияют на все возрастные категории, беспокоят все слои общества. Так, охватившая мир пандемия коронавируса стала знаковым событием, которое повлекло за собой изменения в содержании пожеланий. Возросла роль деизидерата *здоровье*. Даже при минимальном сопоставлении материала заметно, что раньше (до 2019 г.) в пожеланиях молодёжи друзьям деизидерат *здоровье* зачастую стоял на последнем месте или вовсе отсутствовал, т.е. не был столь актуальным. С начала пандемии он обретает главенствующее место и в перечислительном ряду деизидератов стоит на первом месте: *богатырского здоровья,*

чтоб ковид не подступал 🤝 ; *крепкого здоровья и отсутствия ковида; желаю тебе крепкого здоровья, чтобы эта корона не сломила тебя в ответственный момент жизни*.

Кроме того, примечательно, что в тексты дружеских молодёжных пожеланий активно проникает тактика наставления, друзья дают другу другу назидательные советы, касающиеся здоровья, профилактики инфекции. Иллюстрацией является следующий пример: *вот, желаю чтоб вы это лето провели достойно, не болей (как я), главное, следи за здоровьем, носи маску. вauce не понятно где можно подхватить ковид, но главное его не подхватить. так же будь всегда счастлив. радоваться каждому моменту жизни, начиная от простого солнца, отражающегося на листве деревьев, заканчивая отпечатками лап голубей на первом снегу!!!*

Чаще стал использоваться интенсификатор *главное: главное его не подхватить; главное здоровья*, словно всё в мире разделилось на первостепенное и второстепенное.

Примечательно, что в пожеланиях чаще стала подчёркиваться ценность человека, на что указывают конструкции *ты нам нужен, ты нам нужна: Не болей! В 2020 году это очень-очень важно, ведь ты нам нужна здоровая и счастливая*.

В пожеланиях, которые призваны быть позитивными и жизнеутверждающими, нередко стал звучать мотив трудностей, непростого времени, связанного с заболеванием: *Будь здорова – сейчас нелёгкое время с этим ковидом, не позволяй себе болеть, ты нам нужна. Обретай новые чудные моменты в своей жизни*. Обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех текстах лексема *ковид* или *корона* сопровождается указательным местоимением *этот* (*чтобы эта корона не сломила тебя, нелёгкое время с этим ковидом*). Думается, слово *этот* вбирает в себя некоторую негативную окраску, поскольку в устных пожеланиях, которые были услышаны, на словосочетание *этот ковид*, как правило, делался особый интонационный акцент, логическое ударение с неодобрительными нотками.

Ковид в сознании носителей языка, особенно молодых людей, – буквально вселенское зло, нарушившее привычный ход жизни, лишившее многих радостей, это отражается в первую очередь на лексическом уровне: ковиду приписывается действие *мучить*: *Побольше кайфа и хороших людей, а ещё желаю тебе хорошего здоровья, шоб ковид не мучал и ты могла спокойно гулять!!!* 🌸 или *сломить* (как мы видели в ранее названных примерах: *чтоб корона не сломила*

тебя). В пожелании подчёркивается: *желаю, чтобы ты смогла спокойно гулять* – повседневные доступные действия типа прогулки ранее не возводились в ранг ценностей и не встречались в текстах пожеланий, как показывает материал, в ситуации вынужденных карантинных мер это становится важным пожеланием.

Ковид ассоциируется с бедами и несчастьями: *желаю счастья и добра, чтоб ни какой ковид грядущий нам не доставил бед.*

В дружеских молодёжных пожеланиях наблюдается и использование обценной лексики, матизмов, рифмующихся со словом ковид: *Год был не из лучших, ковид-ху...д вот. Будь таким же солнышком, котиком!!!* 😊💕

Важную роль в пожеланиях «коронавирусного периода» играют неологизмы: *с днем рождения, всего лучшего, чтобы этот коронотайм не довёл тебя до седин* (коронотайм – время коронавируса) *или желаю счастливого нового года твоей жизни! Идти к цели и только вверх! Чтобы эта коронойя поскорее закончилась!* (коронойя – паранойя, связанная с коронавирусом). Неологизмы иллюстрируют динамику словообразовательной системы языка и делают тексты пожеланий более образными и креативными.

Встретились намеренно шуточные пожелания, обыгрывающие прилагательное с позитивной оценкой *положительный*, вошедшее в устойчивое медицинское словосочетание *положительный тест*: *желаю счастья, здоровья, а также всего положительного, кроме теста на ковид!!!*

Наконец, последнее социально-политическое событие, также повлиявшее на содержательный облик пожеланий, – это специальная военная операция на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 г. В социальных сетях массово начали появляться пожелания *мира, мирного неба, свободы*.

В данном случае привлекают внимание в текстах пожеланий метатекстовые элементы. Почти в каждом пожелании, зафиксированном в феврале–мае 2022 г., наблюдаем дополнительные комментарии, где адресанты сами выражают удивление такой актуализации пожеланий, например: *вот уж никогда не думала, что это пожелание наполнится таким смыслом. Всем мира, друзья!; Страшно осознавать, что такое стереотипное пожелание мира звучит так остро. Мирной жизни! Пусть эта весна будет доброй ко всем нам!; боже, всем мира, друзья! Это пожелание мне откликается как никогда.*

Наблюдаем, что стереотипный дезидерат *мир* в условиях новой реальности обрёл совер-

шенно новые коннотации и наполнился новым смыслом, носители языка при этом ужасаются данному факту: *Страшно осознавать; кто бы мог подумать...; вот уж никогда не думала.*

Пожелания сейчас можно услышать или прочесть не только по случаю праздника, дня рождения и т.д., пожеланием *мира / мирного неба* завершают посты в социальных сетях, деловую переписку, выпуски передач, интервью на различных платформах и др. Слово *мир* нередко пишется намеренно заглавными буквами: *МИРА на земле всем и в мыслях!*

Активнее стали использоваться такие пожелания, в которых адресант причисляет себя к числу адресатов: *всем нам мирного неба над головой*. Частотны пожелания, имеющие форму обращения к Богу: *Дай, Боженька, всем мирного неба над головой; храни Вас бог!*

Помимо дезидерата *мир*, можно отметить и другие дезидераты, часто звучащие в текстах пожеланий в последнее время, такие как *силы (сил вам!; сил душевных и физических), терпение (сил, терпения, добра и мирного неба над головой), покой (дай Бог вам и всей семье вашей мирного неба, покоя и счастья!)*. Нередко встречаются призывы беречь себя, сопровождающиеся восклицательными знаками: *пожалуйста, берегите себя! Берегите себя!!!*

Таким образом, можно сказать, что зачастую сами ситуации включаются в текст, вызывают новые семантические наполнения традиционных дезидератов и дополняют привычные смыслы. Так, слово *здоровье* в период пандемии приобрело особый смысл, участвовавшие пожелания *здоровья* стали неизменно вызывать ассоциации с ситуацией пандемии. Сейчас пожелания *мира / мирного неба* вызывают, пожалуй, единственную ассоциацию – со спецоперацией на Украине.

Кроме того, в некоторых ситуациях пожелание (и в целом поздравление) может становиться неуместным. Несмотря на этикетность и традиционность жанра, иногда произнесение пожелания кажется некорректным самому адресанту, на что также указывают авторские комментарии внутри поздравительных текстов: (из комментариев в социальных сетях) *В это угнетающее время странно желать радости и любви; как можно желать радости в эти нелёгкие времена??! Пусть просто всё будет хорошо!;* (фрагмент из telegram-канала RKI Talks) *я сижу и понимаю, что мне сложно написать «с праздником!».* Поэтому: *Мира нам всей это весной.* Таким образом, адресанту требуется особый такт и знание ситуации, в которой находится адресат пожелания, чтобы создавать текст.

Подводя итог, отметим, что пожелания являются тематически гибкими коммуникативными единицами. Несмотря на статичность и стереотипность форм выражения, ситуативную привязанность, конвенциональность жанра, в содержательном плане заметна очевидная динамика: в текстах пожеланий репрезентируются актуальные события современности, находят место приметы времени (цитаты, имена, реалии), маркирующие тот или иной период. На наполнение пожеланий влияют факторы личности адресата, массовой культуры, социально-политические процессы. Поскольку пожелания устремлены в будущее, в них нередко отражается идея преодоления трудностей настоящего времени.

Можно заключить, что приметы времени, зафиксированные в пожеланиях, могут служить одним из источников хранения исторической информации, они ярчайшим образом демонстрируют, какие личности, события и факты являются релевантными для общества, что волнует и тревожит носителей языка в данное время.

Поступила в редакцию 04.06.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 04.06.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 12.05.2023

Список литературы

1. Шомова С. А. Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 399–424. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977>
2. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Сибирский федер. ун-т, 2012. 882 с.
3. Вдовина Е. В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.
4. Коморова Д. Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 23 с.
5. Sosa Mayor I. Routineformeln im Spanischen und im Deutschen. Ein Pragmalinguistische Kontrastive Analyse. Wien : Präsenzverlag, 2006. 455 S.
6. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Т. Г. Винокур [и др.] ; отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М. : Наука, 1993. С. 158–215. EDN: SIOGJJ

Научная статья

УДК 811.161.1'37'42

Особенности репрезентации отдельных компонентов фреймовой структуры образа звезды (знаменитости) в русском языке (на материале СМИ довоенного, послевоенного и современного периодов)

С. А. Рыжов

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

Рыжов Сергей Александрович, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, comrad1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1710-2030>

Аннотация. В статье представлена общая характеристика фрейма «звезда (знаменитость)» в русской лингвокультуре на материале трех хронологических срезов. Обосновывается актуальность и целесообразность изучения образа звезды (знаменитости) с применением метода фреймового моделирования. Установлено, что специфика структуры фрейма «звезда (знаменитость)» связана с самим понятием явления звездности, что находит отражение в эмпирическом материале исследования. На материале русскоязычных газет и журналов советского довоенного и послевоенного периодов, а также текстов СМИ современного периода определена структура фрейма «звезда (знаменитость)», которая состоит из слотов и терминалов. Отмечается, что данная фреймовая структура не является постоянной во всех трех периодах, а представлена вариациями. На примере ведущего слота «широкая известность», включающего терминалы «высокая степень известности», «средняя степень известности» и «количество поклонников (фанатов)», выявлены сходства и различия в объективации отдельных структурных компонентов фрейма «звезда (знаменитость)» в текстах СМИ указанных периодов. Установлена элиминация терминала «средняя степень известности» в текстах довоенного и послевоенного периодов. В фактическом материале всех трех периодов в качестве ведущих репрезентантов выявлены клишированные выражения, а также единицы с корнем *мир-*; востребованными языковыми единицами в текстах советского довоенного и послевоенного периодов являются группа патетической лексики, а также номинации артефактов творческой деятельности. В рамках названного слота определены лингвокультурные характеристики феномена звездности: «слава», «известность», «внимание». В качестве перспектив дальнейшего исследования обозначено моделирование инвариантного фрейма «звезда (знаменитость)» в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: звезда, фрейм, слот, терминал, лингвокультура

Для цитирования: Рыжов С. А. Особенности репрезентации отдельных компонентов фреймовой структуры образа звезды (знаменитости) в русском языке (на материале СМИ довоенного, послевоенного и современного периодов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 219–224. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-219-224>, EDN: WDPSPBK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Peculiar features of the representation of separate components of the star (celebrity) image frame structure in the Russian language (based on the mass media texts of the pre-war, post-war and modern periods)

S. A. Ryzhov

Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

Sergei A. Ryzhov, comrad1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1710-2030>

Abstract. The article presents a general characteristic of the “star (celebrity)” frame in the Russian linguoculture based on the material of three chronological periods. The author substantiates the relevance and practicability of studying the star (celebrity) image from the standpoint of the frame approach. It is established that the structure of the “star (celebrity)” frame is determined by the actual nature of the stardom phenomenon, as well as the factual research material. Based on the material of the Russian-language newspapers and magazines of the Soviet pre-war and post-war periods, as well as the media texts of the modern period, the structure of the “star (celebrity)” frame is modelled, which contains a number of slots and terminals. The author remarks that this frame structure is not constant in all three periods and it is represented by some variations. Using the example of the leading slot “wide popularity”, which includes such terminals as “a high degree of popularity”, “a medium degree of popularity” and “the number of fans”, the article discovers the similarities and differences in the objectification of the separate structural components of the “star (celebrity)” frame in the mass media texts of the above-noted periods. It has been established that the terminal “a

medium degree of popularity" is eliminated from the texts of the pre-war and post-war periods. In the factual material of all three periods the clichéd expressions, as well as the linguistic units with the root *мир*- (world) were identified as the leading representatives; the frequent language units in the texts of the Soviet pre-war and post-war periods are a group of impassioned vocabulary, as well as nominations of creative work artifacts. Within the framework of the above-mentioned slot, the linguistic and cultural characteristics of the stardom phenomenon are defined as follows: "glory", "popularity" and "attention". Modelling of the invariant structure of the "star (celebrity)" frame in the Russian linguoculture is indicated as one of the prospects for further research.

Keywords: star, frame, slot, terminal, linguoculture

For citation: Ryzhov S. A. Peculiar features of the representation of separate components of the star (celebrity) image frame structure in the Russian language (based on the mass media texts of the pre-war, post-war and modern periods). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 219–224 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-219-224>, EDN: WDPSBK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современной лингвистике активное развитие получили такие научные направления, как лингвокультурология и лингвоперсонология. Актуальными исследованиями в рамках указанных направлений следует назвать работы, в которых характеризуются и структурируются ключевые концепты типизируемых личностей применительно к определенной лингвокультуре [1, с. 158]. «Типизируемая личность является культурно-специфической и значимой, обладает узнаваемым образом и, что особенно важно, оказывает существенное влияние на поведение представителей соответствующей культуры» [2, с. 309].

Понятие образа личности, который узнаваем и признан в определенной лингвокультуре, перекликается с понятием лингвокультурного типажа. Согласно определению В. И. Карасика, «лингвокультурный типаж представляет собой узнаваемый образ представителя той или иной культуры, типизированный на основе социокультурных критериев, а также определенных специфических характеристик вербального и невербального поведения. Лингвокультурный типаж представляет особую важность для аксиологического направления в лингвистике, поскольку отражает в себе закрепившиеся в социуме ценности, с одной стороны, и служит основой для формирования новых ценностных ориентации в обществе, с другой» [3, с. 85].

Перейдем к рассмотрению типизируемой личности в рамках нашего исследования – звезды или знаменитости. Мы используем фреймовый подход.

В толковых словарях приводятся следующие значения лексемы «звезда», выступающей именем фрейма (как правило, во втором значении): «о деятеле искусства, науки, о спортсмене: знаменитость» [4], «тот, кто прославился в какой-л. области деятельности (в искусстве, литературе, спорте и т. п.)» [5], «знаменитость, выдающийся по своим талантам и общественным заслугам человек (книж. ритор.)» [6],

«звездой называют известного, популярного актера, певца, спортсмена и т. д.» [7]. Резюмируя вышесказанное, отметим, что лексема «звезда» в своем непрямом значении обозначает знаменитого человека; при этом данное свойство – знаменитость – предполагает широкую известность (узнаваемость), успех, профессиональные достижения.

Междисциплинарный подход в научном исследовании всегда дает возможность более глубоко рассмотреть изучаемый объект. В нашей работе использование семантического анализа в сочетании с методом фреймового моделирования способствует подробной характеристике национально-культурных особенностей вербализации образа звезды (знаменитости).

Анализируя лингвистическую теорию фреймов, Н. А. Костомарова предлагает следующее определение понятия «фрейм»: «...фрейм – один из способов схематизации человеческого знания. Простейшей моделью фрейма является сценарий стереотипных ситуаций, связанных причинно-временными отношениями» [8, с. 24]. В. И. Карасик отмечает, что «фрейм – это модель для измерения и описания знания (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей» [3, с. 152]. М. В. Милованова подчеркивает, что «основной признак фрейма заключается в том, что это всегда структурированная единица знания. В этом содержится также главное отличие фрейма от концепта: концепт может выражать любую единицу знания, в том числе неструктурированного; фрейм, напротив, структурирован и состоит из взаимосвязанных компонентов. Стоит также отметить, что любой вид человеческой деятельности "фреймируется" общепринятыми правилами» [9, с. 79].

По мнению М. Минского, который стоит у истоков фреймовой теории, фрейм понимается как иерархическая структура, в которой можно выделить несколько соотносящихся друг с другом уровней (слоты, терминалы). На верхних уровнях этой структуры закреплена базовая

информация о том или ином объекте, затем, на более низших уровнях структуры, находит отражение уже конкретизация этой базовой информации [10, с. 293].

В нашем исследовании была определена структура фрейма «звезда (знаменитость)» в русском языке на основе материала трех разных временных срезов (тексты СМИ): советского довоенного (1925–1939 гг.), советского послевоенного (1945–1991 гг.) и современного (2000–2020 гг.). Выделение названных хронологических периодов обусловлено двумя социальными событиями, которые произошли в XX в. Прежде всего, это Вторая мировая война – в данный период в СМИ были востребованы тексты соответствующей тематики; отдельно также следует сказать о периоде 1992–1999 гг., который характеризовался большими изменениями в сфере СМИ, их перестройкой, что было обусловлено распадом Советского Союза и новым политико-экономическим курсом.

«Фрейм с точки зрения структуры может включать различное количество компонентов, которые располагаются в виде определенной иерархии» [11, с. 127]. Следует подчеркнуть, что специфика структуры фрейма «звезда (знаменитость)» связана с самим понятием явления звездности, что находит отражение в эмпирическом материале исследования.

Таким образом, под фреймом мы понимаем структуру, которая включает в себя слоты (вершинные компоненты) и терминалы. Вслед за Н. В. Колесник мы считаем, что «слоты – это элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, аспект его конкретизации, а терминалы – это элементы нижнего уровня, которые заполнены пропозициями и отражают национально-специфические особенности той или иной лингвокультуры» [12, с. 58].

Остановимся на особенностях представленности одного слота фрейма «звезда (знаменитость)» на материале трех обозначенных хронологических периодов.

Проанализированный нами фактический материал исследования и специфика самого понятия *звезда* (в значении знаменитость) позволяет выделить в структуре фрейма один из основополагающих слотов – «широкая известность», который, в свою очередь, состоит из нескольких терминалов. Однако в зависимости от конкретного временного среза названия и количество терминалов не являются постоянными.

В рамках установленной нами структуры фрейма «звезда (знаменитость)» на материале современного периода слот «широкая извест-

ность» представлен следующими терминалами: «высокая степень известности», «средняя степень известности» и «количество поклонников (фанатов)». Моделируя данный слот, «мы опирались на степень известности, т.е. на то, насколько популярна звезда среди разных слоев населения, а также на количество поклонников (фанатов)» [13, с. 441].

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие перечисленные терминалы (примеры приводятся из интернет-изданий следующих источников: «Gala Биография», «Караван историй», «StarHit», «Аргументы и Факты», «Телнеделя», «ОК!», «Hello» за период 2010–2021 гг.): «Певица [Анна Нетребко] возглавила список самых известных в мире представителей русского искусства по версии российского журнала Forbes» (Телнеделя, № 44, 2011; здесь и далее примеры приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источника); «После выхода “Отряда самоубийц” актрисе (Марго Робби) пришлось нанять охрану – ее постоянно преследовали фанаты по всему миру» (Караван историй, 3.02.2019); «“Я настолько хорошо выучил с пластинки музыку, слова и все остальное, что казался, в общем, настоящим американцем. И помню, это был шок, прежде всего, для меня, потому что я не ожидал подобного успеха”, – рассказывает Челентано. По ступенькам со сцены он спустился местной знаменитостью» (Gala Б., № 2, 2018); «У блога Собчак [Ксении] 6,8 миллиона подписчиков, которым она показывает кадры из своей жизни (например, недавнюю свадьбу с режиссером Константином Богомоловым), рассказывает о новых проектах» (АиФ, 20.11.2019).

Приведенные и другие примеры позволяют выделить ведущие языковые средства, входящие в состав рассматриваемых терминалов: 1) в терминале «высокая степень известности» частотной является лексема *мир* и другие единицы с данным корнем, которые непосредственно эксплицируют широкую степень известности – звезда известна всему миру; 2) терминал «средняя степени известности» преимущественно заполнен сочетаниями, указывающими на определенное (ограниченное) пространство (*местная знаменитость; в ресторане «...» я был королем, первым номером; отечественный прокат*), большое количество чего-либо как свидетельство известности (*рекорды сборов*); 3) в терминале «количество поклонников (фанатов)» отмечены сложные и составные числительные, например: *6,8 миллиона подписчиков* и под., такого рода цифровые данные, помимо количества поклонников, могут также обозначать количество про-

смотров видеоклипов и т.п. на личных аккаунтах звезд. Считаем важным отметить, что в рамках статьи мы анализировали языковые единицы, являющиеся ведущими средствами-репрезентантами рассматриваемого фрейма.

В рамках установленной структуры фрейма «звезда (знаменитость)» советского послевоенного периода слот «широкая известность» представлен двумя следующими терминалами: «высокая степень известности» и «имеющий поклонников». По сравнению с материалом современного периода, в данном слоте отсутствует терминал «средняя степень известности», так как в советских печатных изданиях, как правило, публиковали статьи только о тех личностях, которые были известны широким слоям населения.

Приведем примеры, входящие в состав названных терминалов (в качестве фактического материала использовались издания журналов и газет «Советский экран» и «Кругозор» за 1950–1990 гг., из которых методом сплошной выборки были извлечены соответствующие языковые единицы): «Многие песни, которые исполняет София Ротару, давно уже стали крылатыми: “Водограй”, “Баллада о скрипках”, “Червона рута”, “Сизокрылый птах”» (Кругозор, № 4, 1975); «Три года на сцене, потом выступления по телевидению и радио. Песни, получившие в его [Льва Лещенко] исполнении всеобщее признание: “Береза белая”, “Соловьиная роца”, “День Победы” (и другие)» (Кругозор, № 11, 1978); «Судя по многочисленным письмам, каждый новый успех певицы [Аллы Пугачевой], каждая новая ее работа, будь то выступление на эстраде кино или на телевидении, не проходит незамеченной у почитателей ее таланта» (Кругозор, № 11, 1978).

Эти и другие примеры, содержащиеся в картотеке эмпирического материала, позволяют выделить следующие релевантные языковые единицы в рамках соответствующих терминалов: 1) в терминале «высокая степень известности» к таким единицам относятся патетическая лексика, например: *великий гуманист, классик, единодушное одобрение*, с возможным приемом гиперболизации, как в последнем случае, а также номинации широко известных (массовому адресату) артефактов творческой деятельности: *Червона рута, Соловьиная роца, День Победы* (в данном случае – названия песен); 2) в терминале «имеющий поклонников» выделяются существительные тематической группы «публика» / «аудитория», которые выражены категорией множественного числа, например: *почитатели, знатоки, зрители*. Помимо этого, в составе язы-

ковых средств терминала «имеющий поклонников» представлены метафоры, усиливающие высший признак проявления реакции поклонников, их оценку творчества звезды: *вспыхнула овалция, жемчужина* (о танце).

В материале советского довоенного периода в рамках установленной структуры фрейма «звезда (знаменитость)» слот «широкая известность» представлен двумя терминалами: «высокая степень известности» и «имеющий поклонников». По сравнению с современным периодом, в данном слоте также отсутствует терминал «средняя степень известности».

Остановимся на репрезентации названных терминалов и приведем следующие примеры (в качестве фактического материала использовались издания журналов и газет «Советский экран», «Женский журнал», «Огонек» и «Музыкальная самодеятельность» за период 1925–1938 гг., из которых методом сплошной выборки были извлечены соответствующие языковые единицы): «Рекс Инграм молодой классик. Артистически весьма одаренный, сравнительно недавно начав работу, он уже сейчас стоит в первых рядах, и такие вещи, как “Скарамуш” и “Араб”, разнесли его популярность по всему миру» (Сов. экран, № 19, 1925); «Кажется, ни у кого в мире не было такого количества подражателей, как у Чарли Чаплина» (Сов. экран, № 15, 1925); «Выдающиеся создания Качалова сделали его любимым артистом нашего народа. Огромное количество писем, которое он получает, свидетельствует о не остывающей к нему любви зрителей, особенно молодежи, мечтающей о профессиональной работе на сцене» (Огонек, № 8, 1938).

Данные и аналогичные примеры из фактического материала позволяют выделить ведущие средства рассматриваемых терминалов: 1) в терминале «высокая степень известности» преобладают устойчивые выражения-штампы: *становится известным, разнесли его популярность, стоит в первых рядах, имя одного из популярнейших писателей, заслуженным успехом продолжает пользоваться*, в составе которых отмечены адъективы, указывающие на массовый охват адресата (и соответственно, на массовую известность), частотна единица *популярный*, в том числе в форме суперлатива; 2) в терминале «имеющий поклонников» частотны развернутые конструкции, в которых существительные тематической группы «публика» / «аудитория» встречаются в сочетании с существительным «мир», например: *ни у кого в мире не было такого количества подражателей*, что указывает на большое количество поклонников знаменитости.

Анализ особенностей репрезентации установленного фрейма в фактическом материале на примере слота «широкая известность», включающего терминалы «высокая степень известности», «средняя степень известности» и «количество поклонников (фанатов)», позволяет выделить определенные лингвокультурные характеристики феномена звездности (по отношению к знаменитости).

В частности, в рамках слота «широкая известность» на материале всех трех хронологических периодов нами выделяются такие лингвокультурные характеристики феномена звездности, как «слава», «известность», «внимание», которые и обусловили выделение вышеуказанных терминалов. Представленные лингвокультурные характеристики конкретизируются, в свою очередь, признаками-квалификаторами – «популярность», «поклонники», «востребованность». Так, признак «популярность» выражается такими ядерными единицами, как *знаменитость, всемирный, успешный, рекордный, хит, рекорд*, и периферийными единицами – *побить (рекорд), альбом, недели/месяца/года*. Признак-квалификатор «поклонники» представлен ядерными единицами *фанаты, зрители, подписчики*, одноименной лексемой *поклонники*, периферийными единицами *требовать, многочисленный, толпа, тысяча, сотня, шуметь*. Признак-квалификатор «востребованность» репрезентируют такие ядерные единицы, как *предложения, роли, главный*, и периферийные единицы *посыпаться, режиссеры кино, приглашенный, звезда*.

Таким образом, в данной статье представлены особенности объективации слота «широкая известность» фрейма «звезда (знаменитость)» в русской лингвокультуре современного, послевоенного и довоенного периодов. Проведенный анализ языковых средств позволяет выделить как сходства, так и различия в репрезентации указанного слота в текстах СМИ выделенных трех хронологических периодов. В частности, в фактическом материале всех трех периодов отмечается большое количество клишированных выражений-штампов (*получить всеобщее признание, побить рекорды*), частотным также является существительное *мир* и однокоренные ему слова (*всемирный, мировой, во всем мире*). Рассуждая об отличиях, стоит особо отметить следующее:

1) материал советского довоенного периода характеризуется практически полным отсутствием художественных средств выразительности, т.е. отсутствуют какие-либо стилистические

приемы (тропы и фигуры) в контекстах, представляющих ту или иную звезду (знаменитость), в то время как в материале советского послевоенного и современного периодов зафиксированы эпитеты, олицетворения, гиперболы, а также приемы метафоризации;

2) номинация артефактов творческой деятельности представлена преимущественно в материале советского довоенного и послевоенного периодов. Это обусловлено, прежде всего, тем фактом, что в XX в. съемочное и звукозаписывающее оборудование находилось на стадии своего развития и процесс съемки фильма или записи песни был достаточно долгим, поэтому в XX в. у звезд было меньшее количество сыгранных ролей, написанных песен и пр., и публика обязательно знала достижение (т.е. так называемый творческий артефакт, его имя), которое прославило звезду. Однако в современном мире звезда характеризуется большим количеством артефактов творческой деятельности и участием в различных проектах (благотворительный проект, написание автобиографии, создание собственного бренда одежды и т.д.). Более того, приобрести именно широкую известность сейчас можно различными способами, например получить приглашение на роль ведущего в популярную телепередачу или с помощью продвижения личного блога в социальных сетях;

3) в материале советского довоенного и послевоенного периодов выявлено большое количество патетической лексики (*проявления эстетизма (о фильме), великий гуманист, непреходящая всенародная любовь* и др.), что вызвано более строгим стилем письма в советскую эпоху, а также тенденцией к возвышенности, книжности. Особо заметим, что статус звезды в советское время приобретали только выдающиеся личности, которых по праву можно было считать эталоном во всем. Почитание звезд тех периодов можно сравнить с почитанием авторов классической литературы или политических деятелей.

С точки зрения лингвокультурологических особенностей в качестве отличительной черты современного периода следует выделить наличие в структуре слота «широкая известность» терминала «средняя степень известности», что нашло отражение в фактическом материале исследования. Данный терминал во многом обусловлен экстралингвистическими факторами: звезд в современном мире большое количество и некоторые из них не достигают вершины славы и популярности, но остаются известными в пределах какой-либо страны или нескольких стран, либо в пределах определенного региона.

Список литературы

1. Селиверстова Л. П. «Звезда Голливуда»: лингвокультурный типаж и стереотип // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2007. Вып. 6. С. 158–160. EDN: KDNMKL
2. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с. EDN: UGQAMP
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 1992. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 25.02.2023).
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 06.02.2023).
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 25.02.2023).
7. Толковый словарь русского языка : Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений / Д. Н. Ахипкин [и др.]; под ред. Д. В. Дмитриева. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/> (дата обращения: 21.02.2023).
8. Костомарова Н. А. Семантический фрейм в структуре ментального лексикона человека (на примере семантического фрейма «Человек») // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 3 (31). С. 23–33.
9. Милованова М. В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2007. 408 с.
10. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. С. 289–305.
11. Кулаков Ф. М. Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума под ред. Ф. М. Кулакова. М. : Энергия, 1979. С. 122–144.
12. Колесник Н. В. Фреймовая семантика Ч. Филлмора // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2002. Вып. 22. С. 58–65. EDN: UBDEEH
13. Рыжов С. А. Особенности вербализации слота «широкая известность» фрейма «звезда (знаменитость)» (на материале текстов российских СМИ) // Материалы Научной сессии : сб. материалов Научной сессии института филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета, Волгоград, 18–22 апреля 2022 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2022. С. 439–443. EDN: PDLCTI

Поступила в редакцию 25.03.2023; одобрена после рецензирования 02.04.2023; принята к публикации 12.05.2023

The article was submitted 25.03.2023; approved after reviewing 02.04.2023; accepted for publication 12.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 225–232

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 225–232

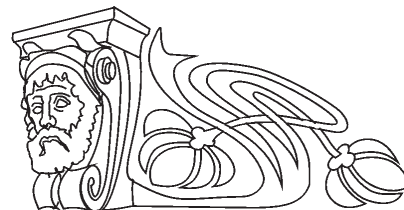
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-225-232>, EDN: VAWKFH

Научная статья

УДК 811.111'37'42

Дискурс смешанных единоборств как разновидность боевого спортивного и развлекательного дискурсов

А. Б. Алексеев

Институт общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82

Алексеев Александр Борисович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры профессиональной языковой подготовки, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация. В статье рассматривается англоязычный дискурс смешанных единоборств, который трактуется как разновидность, с одной стороны, спортивного боевого дискурса, а с другой – развлекательного дискурса. Выделяются основные концепты, передающие развлекательность дискурса смешанных единоборств. В их числе понятия 'game', 'fun', 'entertainment', 'show', 'performance', 'pleasure' и др. Все они имеют как прямое лексическое выражение, соотносясь с соответствующими им лексическими единицами, так и могут передаваться через синонимичные слова и словосочетания. В целом дискурс смешанных единоборств, будучи недостаточно исследованным, представляет лингвисту возможность рассмотреть его с разных точек зрения. В частности, с позиций лингвостилистики можно выделить особенности использования стилистических средств для реализации лингвопрагматических намерений говорящего. В этой связи в статье мы анализируем такой троп, как метафору. Определяя метафору миромоделирующим тропом, выделяем несколько метафорических моделей, актуализируемых в дискурсе смешанных единоборств. Установлено, что чаще всего в рамках боевой спортивной коммуникации употребляется военную метафорическую модель, что можно объяснить концептуальной и когнитивной близостью дискурса смешанных единоборств и военного дискурса. Неслучайно, что понятия 'battle', 'war', 'fight' одинаково важны для обоих коммуникативных сред. В ходе анализа рассматривались также зооморфные, охотничьи, криминальные и другие метафоры. Их применение во многом соотносится с тем, что понятие агрессии является ключевым для дискурса смешанных единоборств, но агрессия, как известно, встречается и в живой природе, и в отношениях между людьми. Это дает основание для метафорических переносов и аналогий.

Ключевые слова: дискурс смешанных единоборств, спортивный дискурс, развлекательный дискурс, концепт, метафора, метафорическая модель

Для цитирования: Алексеев А. Б. Дискурс смешанных единоборств как разновидность боевого спортивного и развлекательного дискурсов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 225–232. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-225-232>, EDN: VAWKFH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Mixed martial arts discourse as a variety of sports martial and interactive discourses

A. B. Alexeyev

Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russia

Alexander B. Alexeyev, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract. The article dwells on the English language mixed martial arts (MMA) discourse which is interpreted as a variety of sports martial and interactive discourses. The main concepts that represent the entertaining aspect of MMA discourse are singled out. Among them are the following notions: "game", "fun", "entertainment", "show", "performance", "pleasure", etc. All of them have direct lexical representation and correspond with the relevant lexical units. At the same time, they can be indicated through synonymous words and phrases. All in all, MMA discourse has not been studied in detail and as such, it presents the linguist with an opportunity to consider it from different perspectives. In particular, from the standpoint of stylistics, one can determine some features of how different rhetorical devices are used in order to actualize the linguistic and pragmatic intentions of the speaker. In this regard, the article analyzes such a trope as the metaphor. Defining the metaphor as a trope shaping the world, the article differentiates several metaphorical models which are actualized in MMA discourse. It is found out that within the framework of martial sports communication, the military metaphorical model is most often used. This can be explained by conceptual and cognitive proximity of MMA and military discourses. It is not a coincidence that the notions like "battle", "war", "fight" are equally important for both communicative

spheres. In the process of the analysis, zoomorphic, hunting, criminal, etc. metaphors have also been considered. The use of these metaphors corresponds to the fact that aggression is the key notion of MMA discourse but aggression, as it is known, is also inherent in nature and social relationships. This provides basis for metaphorical transfers and analogies.

Keywords: MMA discourse, sports discourse, interactive discourse, concept, metaphor, metaphorical model

For citation: Alexeyev A. B. Mixed martial arts discourse as a variety of sports martial and interactive discourses. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 225–232 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-225-232>, EDN: VAWKFN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Номинация «дискурс», прочно вошедшая в понятийно-терминологический аппарат не только лингвистов, но и ученых-гуманитариев в целом, как известно, допускает множество интерпретаций, большинство из которых не противоречат друг другу, но являются комплементарными. При этом вопрос классификации различных видов дискурса по-прежнему остается одним из наиболее дискуссионных. Так, А. А. Карамова, систематизируя точки зрения исследователей на возможность построения типологии дискурсов, упоминает следующие критерии, которыми руководствуются при выделении дискурсов: тематический, интенциональный, коммуникативный (определение коммуникативной тональности), социолингвистический, прагматический, стилистический, социологический (классификация дискурсов по уровню социальной значимости, использованная, например, в работах М. Фуко) и др. [1, с. 36–37].

Особенности дискурса смешанных единоборств (mixed martial arts discourse), по имеющимся у нас данным, освещались мало, вопреки тому, что интерес ученых к более общей теме «спортивный дискурс» неизменно растет, что закономерно, ведь спорт, прежде всего профессиональный, представляет собой непреходящее социальное явление, постоянно трансформирующееся за счет как появления новых видов спорта (киберспорта) [2, с. 85], так и воздействия на спортивное общение цифровых технологий, например Telegram [3, с. 284], имеющее (непосредственное) отношение к важнейшим областям функционирования общества – политике, пропаганде, в том числе позитивной, способствующей патриотическому воспитанию молодого поколения [4, с. 177], журналистике, экономике и т.д. Поэтому не будет ошибкой сказать: спорт – не изолированная, обособленная деятельность узкого круга людей, но с точки зрения лингвистики объемное, неоднородное – уже в силу множественности видов спорта – *дискурсивное пространство*, которое в процессе гибридизации дискурсов, все более неизбежной в условиях медиакультуры, подразумевающей, по словам И. А. Мальцевой, «некоторое соединение контента из разных

сфер жизни общества» [5, с. 81], пересекается с различными дискурсивными средами. Актуальность предпринимаемого исследования обуславливается именно этой социальной и дискурсивной значимостью профессионального спорта в целом и смешанных единоборств в частности, в значительной степени обслуживаемых коммуникативно, поскольку «немой спорт» не выполнит и доли тех функций, которые спорт призван выполнять в современном мире. Новизна исследования определяется тем, что в работе впервые предлагается трактовка дискурса смешанных единоборств в качестве разновидности боевого спортивного и развлекательного дискурсов.

Номинация «спортивный дискурс» является, по существу, термином-гиперонимом в том смысле, что она в одинаковой степени применима к различным, порой мало похожим друг на друга видам спорта – футболу, боксу, шахматам и т.д. В научной литературе уже достаточно подробно описаны основные параметры спортивного дискурса, правда, часто без привязки к конкретным спортивным средам, обращение к которым происходит лишь при изучении частных вопросов, например, спортивной терминологии [6, с. 161]. Между тем вполне очевидно, что спортивный дискурс, как никакой иной, состоит из множества узкопрофессиональных дискурсов, или субдискурсов, и подробный анализ последних способен по принципу индукции («от частного к общему») пролить свет и на ряд аспектов самого спортивного дискурса, возможно, пока остающихся в тени.

Для нашего исследования весьма полезным служит противопоставление «боевые – небоевые виды спорта». К первым традиционно относят борьбу, бокс, муай-тай (тайский бокс), дзюдо, самбо, фехтование и т.д. Все они так или иначе могут быть охарактеризованы *боевым спортивным дискурсом*¹, под которым условимся понимать вариацию спортивного дискурса, имеющую отношение к боевым видам спорта (рис. 1).

Особенность смешанных единоборств заключается в том, что они вбирают в себя многие,

¹ На наш взгляд, возможен также термин «бойцовский спортивный дискурс».

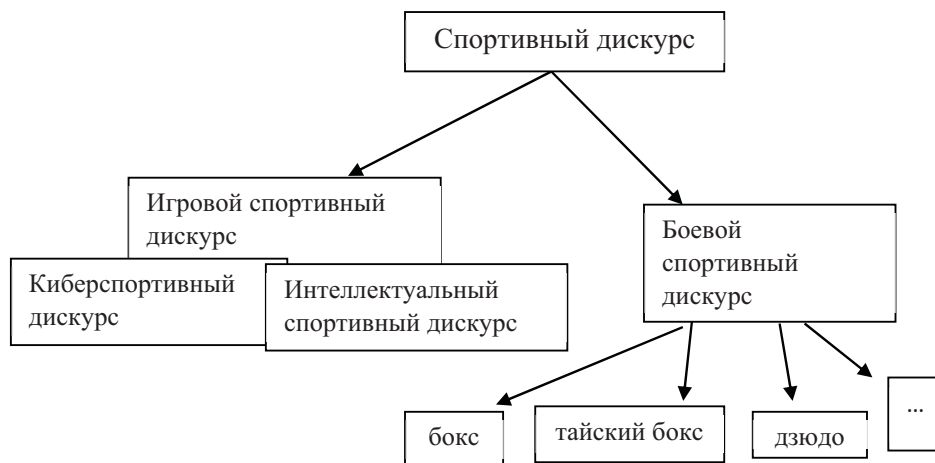

Рис. 1. Иерархия спортивных дискурсов

но отнюдь не все боевые практики, и в отличие от расхожего неверного представления о них совсем не относятся к спортивным мероприятиям «без правил» – причем, конечно же, наличествуют и определенные правила их коммуникативного освещения, находящиеся, главным образом, в практическом ведении комментаторов соревнований по смешанным единоборствам и, к сожалению, редко, если вообще когда-либо, становящиеся предметом для теоретической рефлексии филологов. Между тем есть свидетельства, что спортивная журналистика задействует широкий спектр лингвостилистических средств, выполняющих важные прагматические функции. Для реализации последних используют и (манипулятивные) приемы, как-то: убеждение, подражание, (эмоциональное) заражение, внушение, психологическое принуждение [4, с. 179–184]. Обратимся к англоязычному дискурсу смешанных единоборств для выявления его системообразующих коммуникативных элементов.

Материалом исследования служат два дискурса смешанных единоборств, транслируемые на YouTube (общая продолжительность трансляции более 7 ч) и создававшиеся на базе соответствующих спортивных состязаний. Первое имело место в 2021 г. и спонсировалось организацией, известной как *Invicta Fighting Championships*, занимающейся продвижением женских единоборств. Второе – произошло в феврале 2022 г. в Сингапуре, где успешно действует боевая община *ONE Fighting Championship*, вносящая весомый вклад в популяризацию боевого спорта в Азии и во всем мире. В качестве основного метода исследования эксплуатировался комплексный аналитический метод, представленный лингвостилистическим, контекстуальным и

концептуальным видами анализа, в том числе с привлечением количественных данных. Задачей было не просто выявление лингвостилистических средств в текстах, но и определение контекстно-детерминированных аспектов смысла тех или иных лексических единиц, соотносимых с прагматически-функциональным подходом в языкознании [7, с. 248].

Цель исследования заключается в обосновании видения дискурса смешанных единоборств во многом как гибридной коммуникативной среды, находящейся на пересечении как минимум спортивных и развлекательных дискурсивных практик, не противоречащих, но органически дополняющих друг друга. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: обозначаются основные концепты дискурса смешанных единоборств, которые относятся к тематической линии «развлекательность», поскольку именно развлекательная сторона смешанных единоборств мало освещается филологами; предпринимается контекстный и количественный анализ соответствующих концептов; эксплицируется важная роль в формировании концептосферы рассматриваемого дискурса метафоры; представляются основные метафорические модели, актуализируемые в ходе боевого спортивного общения; на основе предпринятого изыскания делаются выводы и намечается вектор возможных будущих научных открытий в области изучения дискурса смешанных единоборств.

В ходе исследования выделяются две лингвопрагматические установки, детерминирующие речевыковое поведение говорящих в рамках анализируемого дискурса: одна из них непосредственно связана с содержательным контентом общения и предполагает более или менее

объективное освещение спортивного события, другая же – ставит своей целью *развлечение* аудитории. Выяснено, что порой именно вторая лингвопрагматическая установка становится доминирующей, что отражается в том числе на характере употребления языковых и стилистических средств, которые в сочетании с экстралингвистическим контекстом и образуют то, что можно обозначить *развлекательным дискурсом*. Под ним условимся понимать дискурс, не лимитированный тематикой общения, вбирающий в себя, к примеру, политеймент (от англ. politics и entertainment) или инфотеймент [8, с. 80], ориентированный на доставление удовольствия адресату посредством развлечения, чье распро-

странение в современном мире обуславливается возрастающим гедонизмом общества, находящем отражение в глобальной культуре потребления и вытекающем из нее «консюмеристском бытии» человека [9, с. 500]. Однако неверно было бы рассматривать развлекательный дискурс заведомо в качестве негативного (коммуникативного) явления – скорее, оно очень многогранно.

Ключевыми концептами, функционирующими в коммуникативной среде смешанных единоборств, выступают такие понятия, как ‘fun’ (веселье), ‘game’ (игра), ‘entertainment’ (развлечение), ‘show’ (шоу) и др. Количественный подсчет соответствующих им лексических единиц дает результаты, отображенные на рис. 2.

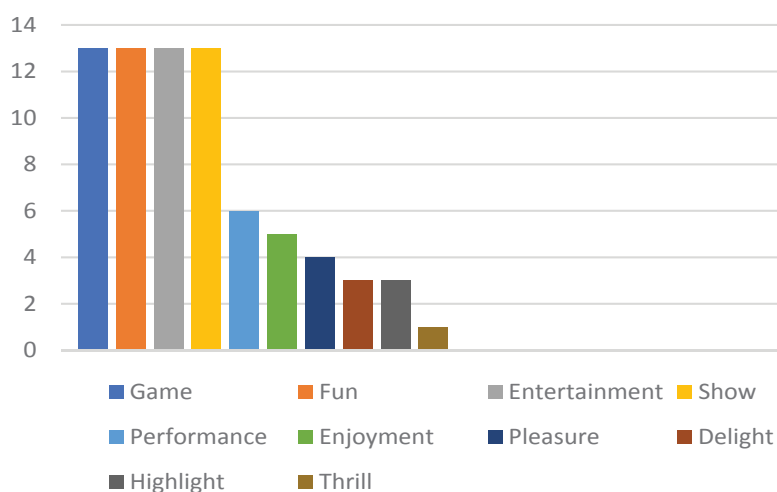

Рис. 2. Лексические маркеры развлекательности в дискурсе смешанных единоборств (цвет онлайн)

Наблюдаем, что в анализируемом материале обозначенные концепты ‘game’, ‘fun’, ‘entertainment’, ‘show’ наиболее употребительны и имеют непосредственные языковые корреляты. Понятие ‘game’ нередко используется в качестве спортивной метафоры – таким образом актуализируется уподобление смешанных единоборств (игровым) видам спорта, как весьма схожим (боксу), так и далеким (шахматам):

*Lin’s got to change it up, turn this into a dirty **boxing game*** (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>);

*Radzuan is trying to recover full guard but May Yamaguchi continually moves. This is the **chess game** they are trying to play right now* (Ibid.).

Слово ‘game’ может входить в состав фразеологических оборотов:

*And he’s really **upped the game** in not only his takedown defense but also his striking output which is a dangerous combination* (Ibid.).

Иногда вся профессиональная деятельность спортсмена или ее отдельные аспекты представляются в качестве ‘game’, что, однако, едва ли манифестирует главное значение слова ‘game’, которое скорее соответствует русским эквивалентам «спортивная игра», «соревнование», «соревнование»:

*He’s really starting to come into his own, he’s got a strong wrestling pedigree and we’ve really seen his **game** sort of evolve. You know, he’s working out there at Stanford MMA with Aung La N Sang and Martin Nguyen to really try to round out his **striking game*** (Ibid.).

Ср.: *He’s spent 4 weeks out there, really **refining his game** to make sure he’s ready for this* (Ibid.).

В отличие от концепта ‘game’, который, как было продемонстрировано, в большинстве случаев употребляется в переносном, метафорическом значении, концепт ‘fun’ раскрывается в его прямом смысле:

Lindsey VANZANDT: ...*I'm having a good time. All the girls are awesome. It's **fun** being all in all* (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>).

Или: *And you know what, I don't make predictions for fights, I predict **fun** for the audience* (Ibid.).

Впрочем, можно отметить особенность использования лексемы 'fun' и в качестве прилагательного:

Miranda MAVERICK: *And it ended up actually being one of **the most fun rounds** I ever had in a fight* (Ibid.).

Или: *You know, there is no animosity between these two, which actually, I think, should make for a **very fun fight*** (Ibid.).

Хотя концепты 'game', 'fun', 'entertainment', 'show' наиболее употребительны, следует полагать, что и прочие выделяемые нами концепты из сферы развлекательности, например 'pleasure' (удовольствие), имеют не менее важное значение, так как передаются лексически в том числе с помощью близких синонимов 'enjoyment' (наслаждение), 'delight' (восторг, наслаждение), 'thrill' (трепет):

*You know, Kru Long is such a **delight**. He is a wonderful person. He is just such a captivating person to be around. I love the guy and his stand-up skills are nasty but he is 43...* (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>);

*These two are **giving us a thrill** a minute here...* (Ibid.).

Более того, сама идея получения удовольствия – от непосредственного участия в спортивном событии или его просмотра – проходит красной нитью через дискурс смешанных единоборств. Для оттенения гедонизма говорящими активно используются эпитеты или метафоры, наделенные положительными коннотациями:

Alesha ZAPPITELLA: *When I found out that there are 8 girls flying in to fight me, I thought that it was the **coolest** thing ever. I'm actually really **excited** about this tournament* (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>);

*She is **super pumped** to be here tonight and she really believes she is going to make a statement* (Ibid.)

*I love this, the feel that the Phoenix tournament has. It's **exciting, it's fresh, it's new** and literally anything can happen in that 5-minute round* (Ibid.);

*Ghost goes as one of the toughest bantamweights in the division and is **happy** to stay toe-to-toe to get the KO* (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>);

*You, guys, in Thailand, in India, Japan, Philippines, Indonesia, Malaysia, Myanmar, Vietnam, you can all **join the party** as, of course, can our friends in the United States* (Ibid.).

Таким образом, наблюдаем, что, во-первых, сами спортсмены или комментаторы поединков подчеркивают, насколько интересно / приятно принимать участие в том или ином спортивном мероприятии, а во-вторых, акцент делается на зрелищности происходящего в клетке. При этом смешанные единоборства иногда метафорически уподобляются вечеринке (party). Эта метафора встречалась нам и при анализе другого материала, что позволяет предположить о ее систематическом употреблении в рамках анализируемой коммуникативной среды:

Michael CHANDLER: *You got the veteran in Charles Olivera who has a phenomenal resume. You got the new guy, the outsider, the dark horse, the underdog coming in who not just showed up to the party but kicked down to the door to the **party of the lightweight division*** (<https://www.youtube.com/watch?v=Vkk9eia7li4>).

Обратим внимание и на тесное концептуальное родство слов 'show' и 'performance', которые, применяя терминологию Е. А. Кондаковой и О. В. Принципаловой, можно обозначить в качестве фраз-скрен [10, с. 150] дискурса смешанных единоборств – уже тематически в его основе лежит именно идея шоу, демонстрации спортсменами своей физической силы и выносливости, что находит выражение, например, в употреблении (близких) синонимических фразеологических единиц 'put on a show', 'put on a showcase', 'put on a performance', 'put on display' и т.д.:

*A long-time staple to this atom-weight division, Brazil, Jessica Dolboni, hopes to **put on a show** tonight securing her status as the number one contender* (<https://www.youtube.com/watch?v=Vkk9eia7li4>).

Или: *The Damsel VanZandt, ready to **put on a showcase** tonight, and she hopes to get a win early here in this quarterfinal* (Ibid.).

Или: *I think for Seff is, she enjoys snapping limbs, she wants to go out there, **put on a performance** and just **showcase**, why she belongs in here* (Ibid.)

Или: *...but let that not overshadow this **breakout performance** that Lindsey VanZandt **has really put on** through the quarterfinals and semi-final rounds here* (Ibid.).

Ср.: *He **put** that power and speed **on display** in a fight with Emilio Urrutia locking in one of the best knock-outs of 2021* (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>).

Изучение лингвостилистических средств, используемых в дискурсе смешанных единоборств, на наш взгляд, весьма актуально, поскольку оно репрезентирует не только сугубо языковедческий или лингвостилистический, но и (лингво)когнитивный аспекты дискурса. В

этой связи, конечно, особенно важна метафора. Теория метафоры как миромоделирующего (термин А. А. Булгаковой [11, с. 83]) тропа отражена в ряде работ [11–13]. Вместе с тем ни в спортивной журналистике, ни в спортивной лингвистике,

насколько нам известно, метафоры боевых спортивных дискурсов подробно освещены еще не были. Анализ нашего материала, представленный в количественных данных, дает следующую картину (рис. 3).

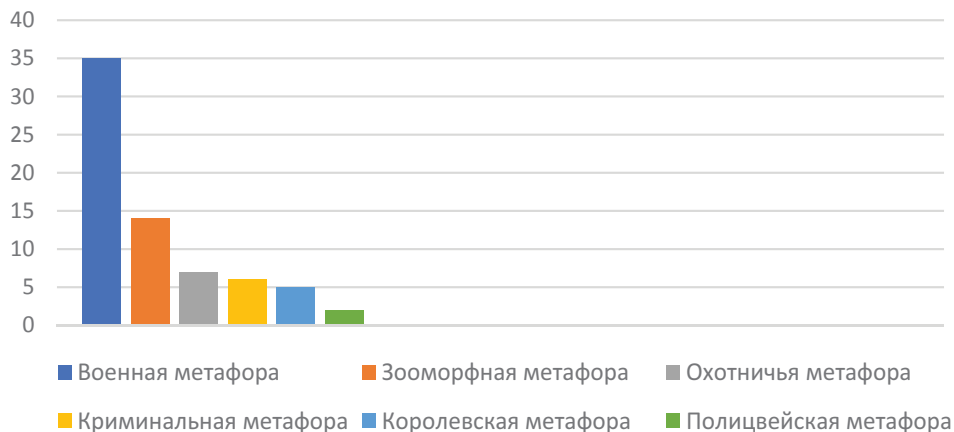

Рис. 3. Метафорические модели дискурса смешанных единоборств (цвет онлайн)

Наиболее распространенной метафорической моделью, актуализируемой в анализируемом материале, следует признать военную, что объясняется концептуальной и когнитивной близостью боевого спортивного и военного дискурсов. Так, понятия ‘battle’ (бой) и ‘war’ (война) имеют важное значение для коммуникативной среды смешанных единоборств:

Myanmar’s Tial Thang takes on the Indonesian veteran Sinoto in a bruising bantamweight battle to begin the night (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>);

What I really like about Sinoto is his move to battle MMA for this match-up (Ibid.);

I don’t think we’re gonna see an all-out striking battle from him (Ibid.);

It’s a battle between two fiery atomweights who never take a backward step... (Ibid.);

This is gonna be a war! (Ibid.);

He has the heart of a warrior (Ibid.).

Встречается в рассматриваемом дискурсе и общеупотребительная военная терминология, часто метафорически переосмысленная:

He was shot out of a cannon and his elbow was coming forward (Ibid.);

They are both throwing bombs and it’s fierce punching (Ibid.);

He loves that rap, got the guns out too... (Ibid.).

Ср.: *You would expect that sort of aggression from a woman who calls her fighting style a tank. She wants to be a tank tonight and really shine* (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>).

Второй по частотности употребления в дискурсе смешанных единоборств является зооморфная метафора – агрессия, как известно, присуща животному миру, и в этом плане вполне можно проводить метафорические уподобления между поединками в клетке и тем, что происходит в живой природе:

Two undefeated beasts are gonna enter the circle but only one is gonna take the gold back home with them (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>);

Primal scream. Any element of a cat in there? Was that a Miaow? I don’t think so. – That’s a roar right there (Ibid.).

Будучи употребленной по отношению к человеку, зооморфная метафора может нести уничижительные коннотации. Тем не менее в рассматриваемом материале такие случаи нами не обнаружены. Напротив, в дискурсе смешанных единоборств спортсмен нередко изображается близким миру природы, что достигается в том числе с помощью охотничьей метафоры. Самый простой способ ее использования – метафорическое обыгрывание слова ‘hunt’ (охотиться):

They love to push forward, they all hunt for the knock-out (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>).

Или: *I’m gonna hunt you down and come get you* (Ibid.).

Ср.: *We go from the hunted to the hunters, Julie. Bring me in to the mindset of an athlete tonight who is sitting in the back preparing...* (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>).

Для человека, занимающегося боевыми искусствами, порой характерно создавать себе имидж «плохого парня» (*bad guy*)². Достигается это в том числе с помощью криминальной метафоры, позволяющей подчеркнуть, к примеру, уровень агрессии, демонстрируемый спортсменом:

He wants to take you down and maul you (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>);

He liked to pick people up, slam them on their back and then just start throwing those lunge boxes until the referee pulled him off his victims (Ibid.).

Одновременно посредством метафоры боец может изображаться и в роли полицейского.

Наконец, победитель / победительница соревнований или чемпион той или иной весовой дивизии иногда изображается королем / королевой:

For the new king to be crowned later tonight, both men enter the circle... (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>).

Троп, близкий королевской метафоре, актуализируется и тогда, когда речь заходит о системе ценностей, которой придерживаются спортсмены:

The martial arts gown, the bushido spirit! (Ibid.).

Слово ‘gown’ на русский переводится как «мантия», «тога», т.е. это вид одежды, который обычно носят люди, занимающие высокое социальное положение. На благородное происхождение бойцов смешанных единоборств указывает и термин «бусидо», заимствованный из японского, обозначающий кодекс моральных законов, соблюдение которых обязательно для самурая.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы:

– дискурс смешанных единоборств, по всей видимости, имея много общего с иными боевыми спортивными дискурсами (например, боксерским дискурсом), обладает своими специфическими особенностями;

– дискурс смешанных единоборств, являясь в традиционной оптике изучения разновидностью спортивного дискурса, может быть подвергнут анализу и в плане развлекательности, что, конечно же, не противоречит его спортивной составляющей, – скорее, речь идет о его многоаспектности;

– основные концепты, актуализируемые в дискурсе смешанных единоборств, связаны с лингвопрагматическими установками говорящих: с одной стороны, передать содержа-

тельную сторону спортивного мероприятия, а с другой – заинтересовать потенциальную аудиторию, развеселить ее;

– метафора как миромоделирующий троп играет важную роль в дискурсе смешанных единоборств;

– наиболее распространенной метафорической моделью в дискурсе смешанных единоборств является военная, что объясняется с точки зрения концептуального и когнитивного родства боевого спортивного и военного дискурсов.

Вектором дальнейшего изучения дискурса смешанных единоборств может быть его лингвостилистический и лингвокогнитивный анализ, более детальный, чем был представлен в данной статье, во многом носящий tentative характер уже в силу (сравнительной) малоизученности боевых спортивных сфер коммуникации. В этой связи интерес представляет, например, сопоставление различных боевых спортивных дискурсов – дискурса смешанных единоборств, боксерского дискурса, фехтовального дискурса и т.д. Это позволит выявить концептуальное ядро боевого спортивного дискурса как некоего промежуточного звена между спортивной коммуникацией и ее субдискурсами и одновременно прольет свет на черты спортивного дискурса в целом, которые, возможно, остаются еще в тени.

Список литературы

1. Карамова А. А. Современный политический дискурс (коммуникативно-прагматический аспект). М. : Голос-Пресс, 2017. 316 с.
2. Мальцева И. А., Лебединская В. Г. Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 84–90. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2022.114.1.012>, EDN: GHVIPN
3. Онуфриенко К. А. Языковые особенности спортивных Telegram-каналов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 282–288. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-282-288>
4. Мальцева И. А. Манипулятивные способы воздействия на аудиторию в контексте спортивного медиадискурса (на примере федерального телеканала «Матч-ТВ») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 177–187.
5. Мальцева И. А. Об особенностях речевого взаимодействия в современном медиадискурсе // Вестник

²Имиджевая характеристика ‘bad guy’ весьма актуальна и для политического дискурса.

- Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 78–83. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2022.114.1.011>, EDN: ZSMMNZ
6. Цзюй Ю., Лю Ж. Способы образования спортивных жаргонизмов в русском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 160–171. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_160, EDN: EUVBWW
 7. Копнина Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 248–253. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52>
 8. Шмелева Е. С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78–86. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86>
 9. Ильин А. Н. Реклама в обществе потребления и вне коммуникативного пространства // Стратегические коммуникации в современном мире : сб. материалов по результатам науч.-практ. конф. [Электронный ресурс]. Саратов : СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. С. 499–507.
 10. Кондакова Е. А., Принципалова О. В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 143–156. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156>
 11. Булгакова А. А. Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3 (42). С. 82–90.
 12. Миниярова Д. Р. Метафора как элемент языковой игры в политическом дискурсе // Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации : труды межвуз. лингвистического семинара молодых ученых / отв. ред. О. П. Касимова. Уфа : Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2020. С. 186–190. EDN: RYEDPT
 13. Boyd M. Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and You Tube // From text to political positions: Text analysis across disciplines / ed. by M. B. Kaal, I. Maks, A. van Elfrinkhof. Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 2014. P. 245–268. <https://doi.org/10.1075/dapsac.55.12boy>

Поступила в редакцию 04.09.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 04.09.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 12.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 233–239

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 233–239

<https://bonjour.sgu.ru>

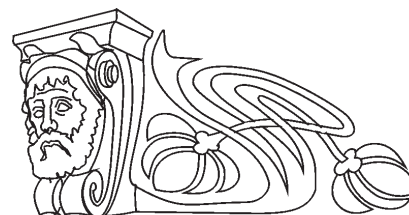
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-233-239>, EDN: JXGXQI

Научная статья

УДК 811.112.2'42+929Шрёдер

Стереотипизация образа Герхарда Шрёдера в немецкоязычном политическом дискурсе

М. А. Шаманская

Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1

Шаманская Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, mary-sch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5896-058X>

Аннотация. Статья посвящена изучению языковой репрезентации стереотипов на материале высказываний о политической позиции и действиях бывшего канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера в контексте российско-украинского конфликта, опубликованных на ресурсе «Spiegel Online» за первую половину 2022 г. Актуальность работы определяется востребованностью изучения стереотипов как средства конструирования и передачи мнения, применяемого политиками для формирования отношения общественности к значимым личностям и событиям. Изучение использования стереотипов в политическом дискурсе позволяет лучше понять природу лингвистических механизмов стереотипизации и их оценочного потенциала. Методология работы сложилась под влиянием теории стереотипа как когнитивной величины и его моделирования как структуры, образованной определенными признаками. Используются методы компонентного анализа, контекстуального анализа и стилистического анализа. Анализ материала позволил нам выделить ряд стереотипов, использующихся для характеристики личности Г. Шрёдера действующими немецкими политиками, а также присущие этим стереотипам признаки. Образ бывшего канцлера противопоставляется образцу «хорошего политика». Хотя ряд характеристик, приписываемых этому образцу (высокая позиция, польза для страны и приверженность своим убеждениям), обнаруживается в рассмотренных речах политиков, посвященных Г. Шрёдеру, наличие у него таких признаков, как честь, достоинство и ответственность, отрицается. В результате исследования выявлены также такие стереотипы, как «деловой человек», «старик», «изгой» и «призрак». Говорящими акцентируются только негативные признаки названных стереотипов. Это дает основание утверждать, что использование стереотипов в рассмотренных текстах направлено на формирование отрицательного отношения общественности к описываемому лицу.

Ключевые слова: стереотип, стереотипизация, образ политика, политический дискурс, немецкоязычный политический дискурс, языковая репрезентация стереотипов

Для цитирования: Шаманская М. А. Стереотипизация образа Герхарда Шрёдера в немецкоязычном политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 233–239. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-233-239>, EDN: JXGXQI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Stereotyping of the image of Gerhard Schröder in the German political discourse

M. A. Shamanskaya

Irkutsk State University, 1 Karla Marxa St., Irkutsk 664003, Russia

Maria A. Shamanskaya, mary-sch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5896-058X>

Abstract. The article studies the language representation of stereotypes on the material of statements about the political views and actions of the ex-Chancellor of Germany Gerhard Schröder concerning the Russia-Ukraine conflict published in *Spiegel Online* (the first half of 2022). The significance of this work is determined by the relevance of research of stereotypes as a tool for designing and transferring opinions that helps the politicians to form the public attitude to people and events of importance. Studying how the stereotypes are used in the political discourse allows us to comprehend the linguistic mechanism of stereotyping and its evaluating potential. The methodology of this research is based on the theory of stereotypes as cognitive units and their modeling as a structure built of certain features. The methods of component, contextual and stylistic analysis are used. The analysis of the factual material allowed us to single out a number of stereotypes which characterize the person of Gerhard Schröder by active German politicians, as well as a number of features inherent in the stereotypes. The image of the ex-Chancellor is contrasted with the paragon of a 'good politician'. Although a range of characteristics attributed to this paragon (high moral ground, advantage for the country, dedication to one's beliefs) is discovered in the politicians' speeches about Schröder, he is denied to possess such characteristics as honor, dignity and responsibility. The research singles out such stereotypes as 'a business person', 'an old man', 'an outcast' and 'a ghost'.

Only negative characteristics of the above-mentioned stereotypes are emphasized by the speakers. This gives us ground to state that the use of stereotypes in the texts under consideration is aimed at forming an unfavorable opinion of the described person.

Keywords: stereotype, stereotyping, image of politician, political discourse, German political discourse, language representation of stereotypes

For citation: Shamanskaya M. A. Stereotyping of the image of Gerhard Schröder in the German political discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 233–239 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-233-239>, EDN: JXGXQI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Востребованность изучения особенностей политического дискурса в современной лингвистике обусловлена тем, что в нем находят свое отражение наиболее актуальные для общества проблемы и ценностные ориентиры. Политический дискурс злободневен по своей природе, при этом он является не только зеркалом общественного мнения, но и инструментом воздействия на него [1, с. 129]. В своих речах политики транслируют обществу определенные установки относительно того, что является важным или неважным, допустимым или недопустимым. В этом отношении представляют интерес высказывания политиков о политиках. Образ политика, репрезентированный в речах его коллег, призван создать у аудитории определенное отношение к его личности, определенную оценку его деятельности.

Интерес к языковому конструированию образа политика нашел отражение в ряде работ последнего времени [2, 3]. В настоящем исследовании мы сосредоточены на рассмотрении одного аспекта этого явления, а именно на стереотипизации, понимаемой как «использование стереотипного знания для формирования впечатления об индивидууме» [4, р. 254] (перевод наш. – М. Ш.). Действенность стереотипизации как способа влияния на общественное сознание отмечал еще У. Липпман [5, с. 104].

Следует оговорить, что в рамках данной работы мы не претендуем на построение некой модели, полностью описывающей стереотип политика в сознании носителей немецкого языка, что предполагает более масштабное исследование. Наша цель – выявление и описание выраженных языковыми средствами стереотипов и их признаков, представленных в высказываниях немецких политиков о конкретном лице, бывшем канцлере ФРГ Герхарде Шрёдере. Обращение к личности именно этого политика объясняется тем, что в контексте международной обстановки 2022 г. он является значимой фигурой в немецком обществе. С 1998 по 2005 г. Г. Шрёдер был канцлером ФРГ, после этого долгое время занимал должности в компаниях «Роснефть», «Северный поток» и «Северный поток – 2». Его решение не отказываться от работы в российских компаниях после начала специальной военной операции Вооруженных сил РФ на Украине в феврале

2022 г., а также публичные высказывания о контактах с президентом России и об украинском вопросе послужили причиной возросшего интереса к личности бывшего канцлера, вылившегося, главным образом, в осуждение со стороны общественности Германии.

Предметом данного исследования являются стереотипы как инструмент формирования образа конкретного политика и оценочного отношения к нему. Под стереотипом понимается «общепринятое (часто предумышленное) представление (которое может быть совершенно неточным) о том, на что похож, чем является и как ведет себя X» [6, с. 27]. Трактовка стереотипа как когнитивной величины, основанная на работах У. Липпмана, Х. Патнэма, Е. Бартминьского, совсем не обязательно подразумевает оценочность. Однако стереотипам нередко сопутствует эмоциональное отношение, и положительная или отрицательная оценка может являться одной из форм модификации стереотипа [7, S. 16]. Особенно актуально это для политического дискурса.

В этой работе мы опираемся на классификацию стереотипов, предложенную Е. Бартминьским, в которой различаются: стереотип-образ (такой, как есть), стереотип-образец (такой, как должен быть), мифологическое представление (такой, как есть и может быть) и идеологическое представление (такой, как должен быть и может быть) [8, с. 167–169]. Е. Л. Вилинбахова отмечает, что стереотип-образ является основной разновидностью стереотипов. При этом она также оперирует такими терминами, как стереотип-эксцесс (представление о конкретном объекте или ситуации, которое связывается с категорией, но не принадлежит узусу) и стереотип-пример (воплощение любой из разновидностей стереотипа в представлении о конкретном персонаже / ситуации) [9, с. 10].

Что касается «каталога» языковых средств выражения стереотипов, в современной лингвистике не существует единого мнения о его составе. Способы выражения стереотипов в языке описаны в работах Е. Бартминьского [8], Л. П. Крысина [10], М. Пюмпель-Мадер [7], Е. Л. Вилинбаховой [9] и др. При выборе средств языковой репрезентации стереотипов мы ориентировались на указанные источники. Материалом послужил корпус пу-

бликаций, размещенных на странице электронного издания «Spiegel Online» [11] за период с 25 февраля по 14 июля 2022 г. общим объемом 37 текстов. Этот электронный ресурс был выбран в качестве источника примеров потому, что на нем в формате информационных сообщений публикуются высказывания политиков в неизменном виде. Также нами рассматриваются аналитические обзоры журналистов издания «Spiegel Online» (их количество составляет 8). В качестве ссылок к примерам приводятся названия статей и дата публикации. В том случае, если примером служит не высказывание политика, но цитата из авторского журналистского текста, называется также имя автора.

Мы используем методику описания стереотипа через его признаки, применяемую Е. Бартминьским [8], И. М. Кобозевой [12], В. В. Красных [13]. Однако анкетирование нами не применяется. Исследуются тексты и словарные дефиниции. В качестве источника словарных дефиниций используется ресурс «Duden online» [14]. Далее в тексте источник словарных толкований не оговаривается.

Представления о личностях, значимых в общественно-политическом контексте, могут как соотноситься с уже существующими стереотипами, так и служить источником, обогащающим стереотип, становиться примером (ср. Макиавелли как нарицательное имя для политика-манипулятора). В качестве показателя того, что представление о лице переходит в разряд стереотипов, можно рассматривать употребление его фамилии в псевдотавтологической конструкции: «*Aber Schröder ist eben Schröder*», sagt der frühere Oberbürgermeister von Hannover, Herbert Schmalstieg (Die Russland-Connection der niedersächsischen Spitzengenossen, H. Gude, 19.05.2022). По мнению И. М. Кобозевой, конструкции типа «X есть X» объективируют стереотипные представления. Они «информативны именно в силу того, что в них объекту X имплицитно предидируется свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с объектами данного типа» [12, с. 103]. Какие свойства у представителей немецких политических кругов ассоциируются с именем Шрёдера, к какому типу они его относят?

Как показывает анализ актуального материала, как наиболее значимая характеристика бывшего канцлера в настоящее время представлена его связь с Россией. Так, автор процитированной выше статьи говорит, что Г. Шрёдер воплощает (*verkörpert*) «сомнительную близость Германии и Кремля»: *Der 78-Jährige verkörpert wie kein anderer die fragwürdige Nähe Deutschlands*

zum Kreml (ibid.). Возможно, мы наблюдаем здесь начало формирования стереотипа-примера [9]. В следующем отрывке из выступления депутата Европейского парламента Р. Бютикофера осуждается сотрудничество Г. Шрёдера с В. В. Путиным: *Der grüne Europa-Abgeordnete Reinhard Bütikofer: «Es sollte geprüft werden, ob gegen ehemalige führende Politiker in der EU, die derzeit als Lobbyisten für Putins aggressive Politik agieren, persönliche Sanktionen verhängt werden können»* (Ex-Kanzler Schröder fordert Putin zum Beenden der Invasion auf, 24.02.2022). Примечательным, на наш взгляд, здесь является употребление грамматической формы множественного числа, когда на самом деле говорится о конкретном лице. Это употребление тем более значимо, что во многих рассмотренных речах политиков позиция Г. Шрёдера представлена как нечто единичное и исключительное: (Сопредседатель СДПГ Ларс Клингбайль): «*Anders als etliche andere westliche Ex-Politiker hält Schröder trotz der russischen Invasion bislang an seinen bestens dotierten Funktionen fest*» («Gerhard Schröder ist in der SPD komplett isoliert», 03.03.2022). Кванторные слова *etliche andere* являются одним из лексических способов выражения стереотипа [10, с. 453], в данном случае стереотипа-образца политика. Здесь они служат выражению мнения об отличии Г. Шрёдера от всех остальных западных политиков. Однако использование формы множественного числа в описании уникального поведения бывшего канцлера не единично. Так, министр финансов Кристиан Линднер говорит: «*Ehemalige Inhaber von Spitzenämtern, die offenbar an der Seite verbrecherischer Regierungen stehen, können nicht auf die Unterstützung dieses Staates zählen*» (Kritik an Gerhard Schröder. «Sturer, alter, skurriler Mann», 30.04.2022). Мы полагаем, что это употребление формы множественного числа также можно отнести к средствам стереотипизации, поскольку здесь наблюдается обобщение. Говоря о единичном лице, Г. Шрёдере, авторы утверждают его принадлежность к стереотипу «плохого политика», что позволяет им оказывать более сильное воздействие на мнение аудитории. Характеристиками этого стереотипа-образа выступают «поддержка правительства Путина» и «получение доходов от сотрудничества с Россией» (*bestens dotierte Funktionen*). Негативная характеристика этого стереотипа усиливается упоминанием прежней высокой позиции Г. Шрёдера: тот факт, что в прошлом политик, поддерживающий действия президента России, был главой правительства Германии, наносит урон ее репутации на мировой арене.

Осуждение позиции Г. Шрёдера подкрепляется обращением к стереотипу-образцу «хорошего политика», как в тексте интервью министра здравоохранения Карла Лаутербаха: *Zu Putins verbrecherischem Bombardement der Ukraine müsse jeder Sozialdemokrat klare Worte finden. «Gerade jemand wie Gerhard Schröder, der in der Verantwortung war», so Lauterbach (Lauterbach fordert Parteiausschluss von Gerhard Schröder, 14.07.2022)*. Кванторное слово *jeder* служит цели конструирования в сознании читателя стереотипа «настоящего социал-демократа». Для соответствия этому образцу политик должен озвучить осуждение действий В. В. Путина. Необходимость соответствия образцу представлена как моральный императив, что выражается употреблением модального глагола *müssen*. Предписание необходимости придерживаться образцового поведения для конкретного лица выражается с помощью употребления модального слова *gerade* и неопределенного местоимения *jemand* в сравнительной конструкции: «именно кто-то подобный Герхарду Шрёдеру» должен поддерживать данный образец.

Другими признаками стереотипа-образца являются «высокая позиция в политической иерархии», «способность внушать уважение», «достижения». Журналисты и политики называют эти признаки, когда говорят о прежней карьере Г. Шрёдера: *Die Aufgabe seiner Mandate bei russischen Konzernen «wäre notwendig gewesen, um sein Ansehen als ehemaliger und einst erfolgreicher Kanzler zu retten» (SPD-Chefin Esken fordert Parteiaustritt von Schröder, 25.04.2022)*; *Stephan Weil, Ministerpräsident und Landesvorsitzender der SPD Niedersachsen, schrieb in einer Erklärung, Schröder habe sich in der Vergangenheit «große Verdienste für Deutschland und Niedersachsen erworben» (SPD-Spitzenpolitiker Klingbeil und Weil fordern Schröder zum Rückzug aus russischen Staatsunternehmen auf, 27.02.2022)*. При этом непременно подчеркивается то, что названные признаки относятся к прошлому (*Vergangenheit, ehemalig; einst*), что в настоящее время они утрачены и их отсутствие не позволяет воспринимать личность Г. Шрёдера как образцовую.

Частичное соответствие Г. Шрёдера образцу «хорошего политика» отмечается в аналитической статье обозревателя Маркуса Фельденкирхена: *Dabei ist Schröder einer der wenigen Politiker, die bereit waren, ihr Amt für eine inhaltliche Überzeugung aufs Spiel zu setzen... Zur Bilanz dieses großen politischen Lebens gehört also weit mehr als die viel zu große Nähe zu Wladimir Putin (Die irre Lust, Gerhard Schröder zu vernichten, Markus*

Feldenkirchen, 14.07.2022). В данном примере использование квантора *einer der* относит героя обзора к категории «хороших политиков», готовых «поставить на карту» свою должность ради внутренних убеждений. В противоречие положительно оцениваемому стереотипному признаку «приверженность своим убеждениям» парадоксальным образом вступает признак «отсутствие осуждения В. В. Путина». Хотя логически то или иное отношение к действиям другого политика соответствует верности убеждениям, аксиологически оба эти признака оказываются полярными.

Само имя собственное *Putin* служит средством стереотипизации: *Wie ... viele Bürger... Gerhard Schröder beleidigen, als sei er mindestens so schlimm wie Putin selbst, das empfinde ich als äußerst unangenehm (Die irre Lust, Gerhard Schröder zu vernichten, M. Feldenkirchen, 14.07.2022)*. Автор использует это имя в сравнительной конструкции «такой же плохой, как сам Путин». Так сходство с Путиным выступает маркером негативного стереотипа политика.

Работа Г. Шрёдера в российских компаниях послужила основанием для критики, в частности, со стороны сопредседателя СДПГ Саскии Эскен: *«Gerhard Schröder agiert seit vielen Jahren lediglich als Geschäftsmann, und wir sollten damit aufhören, ihn als Elder Statesman, als Altkanzler, wahrzunehmen» (SPD-Chefin Esken fordert Parteiaustritt von Schröder, 25.04.2022)*. Конструкции с союзом *als* служат средством выражения стереотипа [7, S. 71]. В онлайн-словаре «Duden» англицизм *Elder Statesman* определяется как «Politiker, der nach seinem Ausscheiden aus einem hohen Staatsamt weiterhin große Hochachtung genießt». Признак «способность внушать уважение» (*Hochachtung*) относится к стереотипу-образцу политика. В рассматриваемом тексте говорится о несоответствии Г. Шрёдера этому стереотипу-образцу и соответствии его стереотипу-образцу делового человека. Значение слова *Geschäftsmann* определяется как «Mann, der Geschäfte (1a) tätigt, der ein Geschäft (2a) führt», значение слова *Geschäft* как «(1a) auf Gewinn abzielende [kaufmännische] Unternehmung; (2a) gewerbliches oder kaufmännisches Unternehmen, Handelsunternehmen, Firma». Как видим, оценочных компонентов эти дефиниции не содержат. Предполагаем, что в противопоставлении этого стереотипа положительному стереотипу уважаемого политика значимым является признак «ориентированный на получение выгоды», который в данном контексте приобретает негативную оценку. Отказ Г. Шрёдера уйти с должностей в российских концернах

описывается с помощью метафор: *der Altkanzler ... klammert sich an seine russischen Jobs* (Wie macht man aus dem Altkanzler bloß Herrn Schröder? V. Medick, 13.05.2022); *Dabei hatte er verkündet, trotz des russischen Angriffskriegs an einem hoch dotierten Posten bei russischen Energieunternehmen festzuhalten* (Kritik an Gerhard Schröder. «Sturer, alter, skurriler Mann», 30.04.2022). Хотя употребление слов *sich klammern* «цепляться» и *festhalten* «держаться» в переносном значении можно отнести к стертým метафорам, в общественно-политических текстах они могут оказывать экспрессивное и даже манипулятивное воздействие на реципиента [15]. Так образ, ассоциируемый с этими глаголами, употребляемыми в одном контексте с сочетанием *hoch dotierter Posten* «высокооплачиваемый пост», подразумевает стереотипную черту «корыстолюбие».

Председатель ХДС Маркус Зёдер характеризует бывшего канцлера следующим образом: *Schröder sei «ein sturer, alter, skurriler Mann», dem das eigene Konto wichtiger sei als das Ansehen Deutschlands in der Welt* (Kritik an Gerhard Schröder. «Sturer, alter, skurriler Mann», 30.04.2022). В речи М. Зёдера актуализируется стереотип старика. Для описания действительно немолодого бывшего канцлера он использует имена прилагательные *stur* «упрямый», *alt* «старый», *skurril* «чудаковатый». Имя прилагательное *alt* может быть нейтральным с точки зрения оценки, но в данном контексте оно сочетается с прилагательными *skurril* «(in Aussehen oder Wesen) sonderbar, absonderlich anmutend, auf lächerliche oder befremdende Weise eigenwillig; seltsam» и *stur* «eigensinnig an seinen Vorstellungen festhaltend». Здесь мы видим отсылку к негативному стереотипному образу старика, чьи выраженные вербально признаки – «упрямство» и «комичное поведение» – подразумевают также не называемый прямо признак «недееспособность».

Несоответствие поведения Г. Шрёдера ожиданиям, связываемым со стереотипом-образцом политика, дает К. Линднеру основание говорить о необходимости ввести некий «кодекс чести» для политиков: *«In diesem Zusammenhang müsste man auch über eine Art Ehrenkodex sprechen, was das Verhalten betrifft»* (Kritik an Gerhard Schröder. «Sturer, alter, skurriler Mann», 30.04.2022). Очевидно, что, по мнению говорящего, Г. Шрёдер ведет себя не в соответствии с понятием *Ehre* «честь». В противоположность этому понятию имя Г. Шрёдера связывается с понятием «позор». *Der CDU-Politiker Marco Wanderwitz, früherer Ostbeauftragter der Bundesregierung, bezeichnet Schröder als «Bundeskanzler der Schande»... Empört zeigt sich*

auch Tilman Kuban, CDU-Bundestagsabgeordneter. Diese «Russlandconnection», so Kuban, sei «eine Schande für Deutschland» («Eine Schande für Deutschland», 24.04.2022). Примечательно здесь сочетание негативно-оценочной лексики *Schande* со словом *Bundeskanzler* как обозначением высокого государственного поста. Позор несовместим со статусом высокопоставленного государственного деятеля. Так негативная оценка действий бывшего канцлера усиливается упоминанием его бывшей должности. Значение слова *Schande* определяется как «etwas, was jemandes Ansehen in hohem Maße schadet». В приведенной выше цитате подчеркивается вредоносный характер позиции Г. Шрёдера для всей Германии.

Мнение о том, что эта позиция наносит ущерб репутации его партии и государству в целом, не единично: *Die Rolle des Altkanzlers Schröder... wirkte wie ein skurriler Randaspekt. Allerdings einer, der seiner Partei, der SPD, und auch der Bundesregierung einige Probleme bereitet* (Schröders geheime Moskau-Mission, V. Medick, 11.03.2022). Способность причинять вред своей партии характеризуется прилагательным «токсичный»: *der in der SPD mittlerweile toxische Altkanzler* (ibid.). Слово *toxisch* с основанным на метафорическом переносе значением «sehr böseartig, gefährlich, schädlich, zermürbend» является довольно сильным средством выражения негативной оценки.

Следствием действий Г. Шрёдера является его позиция изгоя в общественно-политических кругах Германии. Для наименования бывшего канцлера используются синонимы *Geächteter* «männliche Person, die aus einer Gemeinschaft ausgestoßen ist» и *Paria* «jemand, der unterprivilegiert, von der Gesellschaft ausgestoßen ist»: *Wie er zum Geächteten wird, zum Paria auch in seiner eigenen Partei* (Putin-Freund Gerhard Schröder. Das Gespenst von Hannover, V. Medick, 04.03.2022). Представление о статусе аутсайдера выражено в высказывании сопредседателя партии СДПГ Ларса Клингбайля: *«Wir haben uns sehr deutlich von ihm distanziert», sagte SPD-Chef Lars Klingbeil. «Gerhard Schröder ist in der SPD komplett isoliert», sagte der Parteichef* («Gerhard Schröder ist in der SPD komplett isoliert», 03.03.2022). Данное представление создается употреблением стертых пространственных метафор *distanzieren* и *isolieren*.

Исключительность положения Г. Шрёдера в политической системе Германии дает обозревателю В. Медуку возможность при характеристике образа действий бывшего канцлера обратиться к еще одному виду стереотипа: мифологическому представлению. В статье, озаглавленной «*Putin-*

Freund Gerhard Schröder. *Das Gespenst von Hannover*» (V. Medick, 04.03.2022), поведение бывшего канцлера описывается как отклоняющееся от нормы: *Manchmal meldet sich der Altkanzler dann doch aus dem Nichts. Ruft einfach an... «Er sieht es so: Nicht er ist der Geisterfahrer. Alle anderen sind die Geisterfahrer», sagt einer, der kürzlich noch mit ihm sprach... Und dann schweigt Schröder wieder, zieht sich zurück, sitzt daheim in seiner Wohnung in Hannover... Es ist gespenstisch.* Значение слова *Gespenst* определяется как «furchterregendes spukendes Wesen [in Menschengestalt]; Geist (3)», значение прилагательного *gespenstisch* – «unheimlich, düster drohend; furchterregend». Таким образом, в конструируемый в данной публикации образ бывшего канцлера встраиваются такие признаки, как «угрожающий», «вызывающий страх». Эти признаки усиливаются употреблением стертой метафоры *Geisterfahrer* «Person, die auf der Autobahn nicht in der vorgeschriebenen Richtung fährt und dadurch den ihr entgegenkommenden Verkehr gefährdet». Значению этого слова также присущ признак «угрожающий». Помимо этого, в контексте, где повторяется корень *Gespenst*, актуализируется и значение компонента *Geist* как его синонима. Так закрепляется ассоциация читателей со стереотипным мифологическим представлением о потусторонней сущности, являющейся «ниоткуда» (*aus dem Nichts*) и несущей угрозу.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что образ Г. Шрёдера в речах немецких политиков и комментариях политических обозревателей представлен стереотипизированно. В частности, об этом свидетельствует употребление псевдотавтологии, сравнительных конструкций и грамматической формы множественного числа, когда фактически говорится о единичном лице. С осторожностью можно говорить о том, что этот образ служит источником формирования стереотипа-примера. Насколько устойчивым окажется этот стереотип, можно будет выяснить после специальных исследований в более долговременной перспективе.

При характеристике личности и действий Г. Шрёдера авторы обращаются к различным стереотипам, что позволяет им оказывать более сильное влияние на мнение читателя. При этом используются следующие виды стереотипов: стереотипы-образы, стереотип-образец, мифологическое представление. Здесь мы приводим выявленные в ходе анализа языкового материала признаки стереотипов, соотносимых с личностью Г. Шрёдера. Как уже говорилось, нашей целью не являлась полная реконструкция сте-

реотипа «политик» в немецком языковом сознании. Мы сосредоточились на выяснении того, какие стереотипы и их признаки используются для характеристики конкретного лица. Поэтому представленная картина фрагментарна, однако, как мы надеемся, позволяет получить некоторое представление об использовании стереотипов в политическом дискурсе. Стереотипные признаки, приписываемые Г. Шрёдеру, обозначены знаком +. Признаки, наличие которых у него отрицается, маркированы знаком –. Указаны также примеры языковых средств выражения этих признаков.

Стереотип-образец «хороший политик» (*Elder Statesman*):

+ (в прошлом) высокая позиция в политической иерархии (*ehemalige führende Politiker; das große politische Leben*);

+ (в прошлом) польза для страны (*einst erfolgreicher Kanzler; große Verdienste für Deutschland*);

+ (в прошлом) способность внушать уважение (*Ansehen*);

+ верность своим убеждениям (*inhaltliche Überzeugung*);

– честь (*Ehre*);

– осуждение действий В. В. Путина (*Distanz zu Wladimir Putin*).

Стереотип-образ «плохой политик» (*schlechter Politiker*):

+ поддержка правительства В. В. Путина (*verkörpert die fragwürdige Nähe Deutschlands zum Kreml; so schlimm wie Putin selbst*);

+ получение финансовой выгоды от сотрудничества с Россией (*verdient sein Geld mit der Arbeit für russische Staatsunternehmen*);

+ позорное, аморальное поведение (*Bundeskanzler der Schande*);

+ причинение ущерба репутации своей партии и страны (*Probleme; der toxische Altkanzler*).

Стереотип-образ «деловой человек» (*Geschäftsmann*):

+ высокие доходы (*bestens dotiert*);

+ корыстолюбие (*sich klammern; festhalten (an seinen / an seinem hoch dotierten Posten)*).

Стереотип-образ «старик» (*alter Mann*):

+ упрямство (*stur*);

+ чудаковатое поведение (*skurril*);

+ отсутствие влияния (*politisch nichts mehr zu sagen haben*).

Стереотип-образ «изгой» (*Geächteter, Paria*):

+ одиночество (*distanziert; isoliert*);

+ позиция «на краю общества» (*Randaspekt*).

Мифологическое представление «призрак» (*Gespenst*):

+ угрожающий (*gespenstisch; Geisterfahrer*).

В анализируемых высказываниях политиков последовательно выражается мнение о несоответствии Г. Шрёдера стереотипу-образцу, а также противопоставление стереотипу-образцу прочих стереотипов. Хотя такие стереотипы-образцы, как «деловой человек» или «старик», могут быть нейтральными или положительно-оценочными, в рассматриваемом контексте акцентируются только их негативные признаки. Таким образом, можно утверждать, что использование языковых средств выражения стереотипа в данном случае направлено на формирование у аудитории отрицательного мнения о личности героя высказываний.

Список литературы

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2008. 248 с.
2. Вагенляйтнер Н. В., Никитина Л. Б. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014. 160 с.
3. Раренко М. Б. Исследования языкового образа политика // Языковой образ в коммуникации : сб. науч. тр. Сер. «Теория и история языкознания» / отв. ред. Е. О. Опарина. М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2017. С. 100–120. EDN: ZNXIM
4. Brewer M. B. When stereotypes lead to stereotyping: The use of stereotypes in person perception // Stereotypes and stereotyping / ed. by C. N. Macrae, Ch. Stangor, M. Hewstone. New York : Guilford Press, 1996. P. 254–275.
5. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
6. Патнэм Х. Философия сознания. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с.
7. Pümpel-Mader M. Personenstereotype. Eine linguistische Untersuchung zu Form und Funktion von Stereotypen. Heidelberg : Universitätsverlag WINTER, 2010. 483 S.
8. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : пер. с пол. М. : Индрик, 2005. 528 с.
9. Вилинбахова Е. Л. Модели репрезентации стереотипов в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 22 с.
10. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Филологические и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 450–455. EDN: VYNORZ
11. Spiegel Online. URL: <https://www.spiegel.de> (дата обращения: 26.07.2022).
12. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117.
13. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
14. Duden online. Bibliographisches Institut GmbH. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 08.08.2022).
15. Гаврилов Л. А., Зарипов Р. И., Романов А. С. Об экспрессивности «мертвых» метафор // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 91–95.

Поступила в редакцию 11.09.2022; одобрена после рецензирования 19.02.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 11.09.2022; approved after reviewing 19.02.2023; accepted for publication 12.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 240–246

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 240–246

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-240-246>, EDN: IYVOQN

Научная статья

УДК 811.112.2:003.086

О полифункциональности знаков препинания в современном немецком языке (на примере тире)

А. А. Плисенко , Г. А. Агеева

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83

Плисенко Алевтина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, plisalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3015-9920>

Агеева Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, galina.ageeva2707@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0611-7205>

Аннотация. В статье анализируются функции знака тире в художественных немецкоязычных текстах. Целью исследования является уточнение и описание разнообразных функций тире, определение его роли в передаче коммуникативного замысла автора письменного текста. Установлено, что тире является полифункциональным знаком препинания, который усложняет и конкретизирует свои функции в зависимости от контекстуальных условий его употребления и коммуникативной ситуации. Были выделены и описаны две основные группы функций: структурно-семантические и экспрессивные. В рамках структурно-семантических функций тире является показателем логических отношений в высказывании – причинно-следственных и противопоставительных. Будучи средством членения письменного текста, тире выполняет композиционные функции: сигнализирует переход от одного вида передачи речи к другому, к новой микротеме, смену адресата-адресанта речи. Тире является графическим средством создания экспрессивности, маркируя экспрессивные синтаксические конструкции (вставки, обособления, вводные конструкции, присоединения, parentheses), паузы в речи персонажа, способствуя компрессии высказывания, эффекту эмоциональной напряженности, незаконченности высказывания. Тире является одним из тех пунктуационных знаков, которые обладают ярким стилистическим потенциалом и широко используются авторами произведений с целью создания особого художественного эффекта. Это касается тех случаев, когда действующие правила пунктуации дают возможность выбирать между тире и иным знаком, и тогда, когда правила не требуют какого-либо знака вообще. Выбор знака тире зависит от коммуникативного намерения автора и может быть объяснен исходя из контекста либо преимущественным использованием тире, являющимся одним из элементов стиля автора.

Ключевые слова: тире, пунктуация, знаки препинания, функции, структурно-семантические функции, экспрессивные функции

Для цитирования: Плисенко А. А., Агеева Г. А. О полифункциональности знаков препинания в современном немецком языке (на примере тире) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 240–246. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-240-246>, EDN: IYVOQN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the polyfunctionality of punctuation marks in modern German (on the example of the dash)

А. А. Plisenko , G. A. Ageyeva

Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia

Alevtina A. Plisenko, plisalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3015-9920>

Galina A. Ageyeva, galina.ageeva2707@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0611-7205>

Abstract. The article analyzes the functions of the dash in literary German-language texts. The purpose of the study is to clarify and describe the various functions of the dash, to determine its role in the transmission of the communicative intention of the author of the written text. It is established that the dash is a multifunctional punctuation mark which complicates and specifies its functions depending on the contextual conditions of its use and the communicative situation. Two main groups of functions were identified and described: structural-semantic and expressive. Within the framework of structural and semantic functions, the dash is an indicator of logical relations in an utterance – causal and contrast ones. Being a means of a written text division, the dash performs compositional functions: it signals the transition from one type of speech transmission to another, to a new microtheme, a change of the addressee-addresser of speech. The dash is a graphic means of creating expressiveness, marking expressive syntactic constructions (inserts, separations, introductory structures, attachments, parentheses), pauses in a character's speech, contributing to the compression of the utterance, the effect of emotional tension, the incompleteness of the utterance. The dash is one of those punctuation marks that have a vivid stylistic potential and are widely used by the authors in order to create a special artistic

effect. This applies both to cases where the current punctuation rules allow one to choose between a dash and another character, and when the rules do not require any character at all. The choice of the dash depends on the author's communicative intention and can be explained based on the context, or by the predominant use of the dash, which is one of the elements of the author's style.

Keywords: dash, punctuation, punctuation marks, functions, structural-semantic functions, expressive functions

For citation: Plisenko A. A., Ageyeva G. A. On the polyfunctionality of punctuation marks in modern German (on the example of the dash). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 240–246 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-240-246>, EDN: IYVOQN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из современных тенденций в функционировании знаков препинания является их многозначность. Наблюдения и анализ использования знаков препинания в художественных и публицистических текстах показывают, что их функциональные возможности намного шире тех правил, которые зафиксированы в справочниках.

Цель данной статьи – исследовать функциональное разнообразие тире в литературных немецких текстах.

Предполагается решение следующих задач:

- 1) определить принципы описания и обоснования пунктуационных правил;
- 2) уточнить и описать различные функции тире в художественных текстах;
- 3) показать роль тире в передаче коммуникативного замысла автора письменного текста и создании экспрессивно-стилистического эффекта.

Основу исследования составили методы семантико-синтаксического и контекстного анализа: анализ большого контекста, коммуникативной ситуации; метод лингвистического описания.

С развитием письменной формы немецкого литературного языка изменились и функции знаков препинания. Их первоначальной задачей было отражение ритмико-интонационных явлений устной речи в текстах, предназначенных для чтения вслух. По мере развития типографского дела читатель мог воспринимать и обрабатывать информацию, которую они сигнализировали, в обход проговаривания текста вслух. С этого момента знаки препинания перестают быть только показателями просодических характеристик текста и начинают действовать на уровне семантики. Эта эволюция в функционировании пунктуации легла в основу её принципов [1].

Большинство исследователей пунктуации считают, что в основе пунктуационных правил лежат структурно-синтаксический, ритмико-интонационный и семантический принципы. Бесспорно, на наш взгляд, позиция немецкого лингвиста В. Ментрупа, полагающего, что

определяющим является коммуникативный принцип. Опираясь на данный принцип, пишущий сообщает читателю: а) что он имеет в виду именно ту синтаксическую структуру, которую выбрал (подчиненность синтаксического принципа коммуникативному); б) что он, употребив запятую, точку с запятой или точку, придает разделяемым этими знаками частям текста большую или меньшую степень самостоятельности или завершает предложение; в) что он указывает на наличие паузы (ритмико-интонационный принцип); г) что он понимает данную последовательность слов как целое предложение, соответственно, завершает его и понимает его как высказывание, вопрос или восклицание и ожидает такого же понимания от читающего (семантический принцип). Эта информация пишущего читающему посредством знаков препинания служит лучшей обзорности и пониманию, а также передаёт особое намерение пишущего [2].

Знак тире, являющийся предметом изучения в данной статье, маркирует синтаксические конструкции, а также отличается разнообразной семантикой, яркими выразительными возможностями. Его функции усложняются и конкретизируются в конкретной коммуникативной ситуации.

Все описанные в статье функции тире представлены двумя группами – структурно-семантическими и экспрессивными. К структурно-семантическим функциям относятся:

- выражение логических отношений в высказывании (причинных и противопоставительных);
- оформление композиции (маркирование перехода от одного вида передачи речи к другому, переход к новой микротеме, смена адресата-адресанта речи) [3].

Особенность каузальности как логико-семантической категории заключается в том, что она может выражаться без использования специальных маркеров каузальной семантики – слов, союзов, предлогов. Причинно-следственные отношения в бессоюзных сложных предложениях проявляются в зависимости от

фактического содержания высказывания. При этом именно тире играет важную роль, являясь внешним показателем логико-смысловой соотнесённости причины и следствия между частями высказывания.

Als ob der Boden sich unter ihren Füßen neigte, machte Inga einen Ausfallschritt – sie hatte die Mappe im Zimmer des Commanders vergessen [4, S. 178].

Перефразирование предложения позволяет эксплицитно причинно-следственную связь между его частями:

Als ob der Boden sich unter ihren Füßen neigte, machte Inga einen Ausfallschritt, denn sie hatte die Mappe im Zimmer des Commanders vergessen.

Тире, отделяющее вторую часть предложения от первой, в отличие от запятой, придает большую семантическую самостоятельность и усиливает отношение каузальности. Вместе с тем тире, отделяя части высказывания, объединяет их, выступая внешним грамматическим показателем их внутренней смысловой соотнесённости.

Тире во взаимодействии с языковыми средствами других уровней выражает противопоставительные отношения в высказывании:

Wie lange das her war, nächtliches Spiel in einer Baracke, wie unbeschwert es begonnen hatte, ohne Geld – jetzt hatte sie Geld, doch die Leichtigkeit war dahin [4, S. 183].

Противопоставление проявляется не только графически, с помощью тире, но и с помощью лексико-грамматического состава. Грамматическая форма в части высказывания до тире, представляющая предпрошедшее время Plusquamperfekt (*hatte begonnen*), противопоставлена форме глаголов, выражающих прошедшее действие формой Präteritum (*hatte, war*). Противопоставление на лексическом уровне выражается отсутствием денег (*ohne Geld*) и их наличием (*hatte Geld*), обстоятельством *unbeschwert* и частью высказывания *doch die Leichtigkeit war dahin*.

Ещё один пример, где тире акцентирует внимание читающего на противопоставлении, выраженном отрицанием *nein*, и способствует лучшему восприятию смысла данного высказывания:

Die Tasche lag im Keller unter der Schmutzwäsche, Marianne nahm sich vor, Frau Seidler am nächsten Tag aufzusuchen – nein, Erik sollte es tun; ihnen blieben noch zwei Tage Frist [4, S. 215].

Письменная форма коммуникации требует от автора текста особых усилий, чтобы возможно более полно довести до реципиента авторский замысел. В арсенале создателя

письменного текста имеются разнообразные языковые средства, чтобы сделать переход от одной части текста к другой более явным для читающего. Одним из них является знак тире. Поскольку членение текста на определённые архитектурные единицы составляет один из компонентов композиции целого текста, мы предлагаем использовать для обозначения этой функции тире название «композиционная функция». В специальной литературе имеются различные толкования понятия «композиция». Мы пользуемся определением Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс, согласно которому композиция основывается на диалектическом единстве следующих компонентов: 1) организация сообщения по содержанию; 2) форма изложения материала, т.е. комбинирование видов передачи речи [5, S. 266].

В результате проведённого исследования установлено, что тире в качестве сигнала композиционной функции указывает на:

- смену одного вида передачи речи другим;
- смену микротемы;
- смену адресата-адресанта речи.

Рассмотрим конкретные примеры, иллюстрирующие данную функцию.

Сигнализируя переход от прямой речи к авторской, тире отделяет комментарий автора по поводу высказывания, принадлежащего другому лицу:

«Bitte am 30.8 um 10 Uhr zur nochmaligen Untersuchung in die Kinderklinik kommen». – Eine nüchterne Karte. Wer weiß da schon, was bevorsteht? [6, S. 137].

Автор как бы воспроизводит в своей речи речь чужую (чужое высказывание) с целью её дальнейшего комментария. Тире используется как знак, чётко показывающий границу чужой речи, являющейся предметом комментария, рассуждения, отделяет реакцию автора на высказывание другого лица. Данное явление достаточно широко представлено в художественной литературе.

В следующих примерах тире является сигналом несобственно-прямой речи, подчёркивающей психологическую напряжённость ситуации:

Ingas Befürchtung – den anderen mochte es gleich sein, sie durfte man nicht entdecken –, sie drückte sich in den Sitz und senkte den Kopf [4, S. 43].

Er war noch immer wütend – verdammt, er war auch heute, fast acht Monate später, noch wütend –, als er Amber das letzte Stück Pfirsichkuchen aus dem Kühlschrank holen sah, das er sich aufgespart hatte [7, S. 37].

*Ihre Idee, das restliche Geld nach **H** zu tragen, auf die Decke des Leutnants zu werfen – **Spiel damit, bezahl vom Gewinn deine Schulden, gib es mir wieder, ich lege es in den Schrank zurück** –, wurde angesichts der Summe kläglich [4, S. 179].*

В данных примерах мы наблюдаем свободную прямую речь, отражающую мысли персонажа. Такая форма передачи чужой речи, характерная для художественной литературы, не сопровождается кавычками, а представляет вставную конструкцию, выделяемую парным знаком тире. Следует отметить, что прямая речь отличается от авторской речи с помощью изменения шрифта.

Функция тире, указывающего на новую микротему в тексте, зафиксирована в справочной литературе по пунктуации. Её более детальный анализ даёт интересные результаты. Тире сигнализирует смену мысли в речи, принадлежащей одному и тому же персонажу:

(1) *«Überlegen Sie doch, Frau Riezy, überlegen Sie. Ist so ein krankes Kind bei Ihnen nicht besser aufgehoben als bei Menschen, die es quälen würden? Hat Gott damit nicht recht getan, indem Er Ihr Kind glücklich bei Ihnen werden ließ? Glücklich, weil Sie es lieben? – (2) Und wer sagt Ihnen denn, ich möchte Ihnen nicht zu nahetreten, aber wer sagt Ihnen denn, daß das andere Kind gesund geworden wäre? Hätte nicht ein noch größeres Elend über Sie hereinbrechen können? – (3) Ich betreue alle Eltern mit geistig behinderten Kindern in unserer Gemeinde. Alle stellen die gleichen Fragen: Warum ausgerechnet wir, warum nicht die andere» [6, S. 220].*

Высказывание представляет монолог воспитательницы детдома, обращённый к матери умственно и физически неполноценного ребёнка. Воспитательница, верующая женщина, пытается утешить отчаявшуюся мать. При этом она постоянно обращается к Богу. (1) Сначала речь в её монологе идёт о том, что больной ребёнок устроен у неё (матери) лучше, чем если бы он был у людей, которые бы его мучали. И что Бог поступил справедливо, сделав ребёнка счастливым благодаря её материнской любви.

(2) Затем воспитательница затрагивает тему ребёнка, который не родился у фрау Ризи. Она считает, что этот ребёнок мог бы тоже родиться больным и это была бы ещё бóльшая беда.

(3) Следующая тема её монолога о том, что все родители, имеющие больных детей, спрашивают её, почему именно их постигла такая участь. И никто не думает о том, что другие тоже несут свой крест.

С другой стороны, тире способствует здесь компрессии высказывания (замена целого отрезка времени), что позволяет говорить в данном случае о контаминации нескольких функций.

Важным является использование тире как сигнала смены адресата-адресанта прежде всего там, где отсутствуют кавычки, сопровождающие каждую реплику. Функционируя в качестве отделяющего знака препинания, тире сигнализирует смену лица, к которому обращается говорящий, облегчая тем самым читающему ориентацию в тексте:

«Schade, daß wir vor Ihnen dran sind. – Jutta, willst du wohl herkommen!!! – Sie ist ein kleines Biest, müssen Sie wissen. Die weiß ganz genau, daß sie eine Spritze kriegt, wenn wir hier sind. – Jutta!! Komm her! Mammi verspricht dir, daß du heute keine Aua-Aua vom Onkel Doktor bekommst. – Das glaubt die mir sowieso nicht mehr» [6, S.138].

Несомненно, что читающий при внимательном «вчитывании» в текст получит информацию о смене адресанта речи и в случае отсутствия знака тире, поскольку смена лица, к которому обращена речь, маркируется также сменой обращения-имени (wir – Jutta – sie – Jutta – die), а также изменением цели высказывания (повествование – повелительная форма – повествование – повелительная форма – повествование). Но при этом использование тире способствует более лёгкому и быстрому восприятию информации.

Таким образом, анализ художественных текстов, для которых характерно слияние, переплетение голосов персонажей, показывает, насколько интересным, разнообразным может быть использование тире в композиционной функции.

Тире является средством, способствующим созданию экспрессивности на графическом (пунктуационном) уровне.

Экспрессивной расчленённости текста и передаче экспрессивной информации служит тире, являясь маркером так называемых экспрессивных синтаксических конструкций (вставки, обособления, вводные конструкции, присоединения, парентезы и др.).

Приведем пример обособленного определения:

Die vielen Abend- und Nachtstunden raubenden Diskussionen – über Philosophie, über Kunst, bei denen, im Lauf der Zeit, immer öfter Meinung gegen Meinung stand, unversöhnlich und unverrückbar, Behauptung gegen Behauptung – diese Debatten, von denen Gina zuletzt hoffte, sie möchten in einer Explosion enden [8, S. 39].

Данное высказывание представляет пример актуализирующей прозы, для которой характерна ярко выраженная расчленённость текста, наличие нескольких обособлений (*im Lauf der Zeit, unversöhnlich und unverrückbar*), выделенных с помощью запятых, нарушение рамочной конструкции (*Behauptung gegen Behauptung*). Эти осложняющие текст конструкции находятся внутри обособленного определения, которое выделяется знаками тире, и тем самым достигается ясность синтаксических связей. Отсутствие тире затруднило бы восприятие текста читающим.

Вставные конструкции не экспрессивного характера отличаются смысловой ёмкостью (сообщение добавочных сведений, дополнительные пояснения, уточнения, оценки, оговорки и т.д.):

Wegen ungünstiger Ankunftszeit – das Flugzeug wird erst um elf Uhr nachts in Scheremetjewo sein – ist die Maschine nicht ausgebucht [8, S. 7].

Тире является одним из тех пунктуационных знаков, которые обладают яркими стилистическими возможностями. Особое пристрастие некоторых авторов к этому знаку неоднократно отмечалось исследователями. Это касается тех случаев, когда действующие правила пунктуации дают возможность выбирать между тире и иным знаком, и тогда, когда правила не требуют какого-либо знака вообще или требуется какой-либо другой знак, а не тире.

Выполняя функцию компрессии высказывания, тире заменяет отсутствующие члены предложения. Как правило, это изменяемая часть сказуемого, не обладающая важной семантической нагрузкой, безличное местоимение *es*. Приведём пример, где знак тире заменяет глагол-связку *sein* и местоимение *es*:

Einige Fahrzeuge waren voll mit getrocknetem Schlamm und Straßenschmutz – eine Folge der Nutzwassereinschränkung [9, S. 22].

Восстановив полную структуру, получаем следующее высказывание:

Einige Fahrzeuge waren voll mit getrocknetem Schlamm und Straßenschmutz, es war eine Folge der Nutzwassereinschränkung.

Ещё один пример, где вместо тире мог бы использоваться глагол *sein*:

«*Dallas' Stiefvater – der absolute Abschaum der Menschheit*» [9, S. 57].

«*Dallas' Stiefvater ist der absolute Abschaum der Menschheit*».

Следует отметить, что использование тире вместо отсутствующих частей речи не только

способствует компрессии высказывания, но и привносит в авторский вариант дополнительные эмоциональные, экспрессивные оттенки.

Многозначность, эмоциональность языка художественной литературы сказываются и на необычном употреблении одного, трёх или более знаков тире для передачи эмоциональной напряжённости той или иной коммуникативной ситуации. В следующем примере три знака тире также указывают на паузу перед неожиданным выводом:

«*Peter, Sie sind ein Narr, der zum Nachdenken zwingt – – – über die eigenen Narheiten!*» [10, S. 106].

Экспрессивный эффект, создаваемый тремя знаками тире, дополнительно поддерживается выделением шрифта разрядкой (*e i g e n e n*), подчёркивающего важное смысловое слово. Сочетание этих элементов передаёт позицию автора к высказываемому, намёк на подтекст; подсказку эмоциональной реакции, которую ожидают от читателя.

В конце структурно завершённого высказывания знак тире может быть сигналом экспрессивной незаконченности текста, тем самым побуждая читателя к размышлению о прочитанном.

Brügge berichtete mir nun, durch mein Interesse angeregt, von seiner Zuneigung zu Tieren, zur Malerei und Musik.

«*Waren Sie hier schon in der Galerie? Was halten Sie von Granach? Diese fleischfarbigen Töne!*

– – –

Und die holländischen Maler? Sagen Ihnen die mehr zu?»

Ich kannte nur Dix.

– – – [6, S. 83].

Экспрессию умолчания и одновременно эмоциональную напряжённость передают три знака тире в следующей коммуникативной ситуации: Брюгге предстаёт перед собеседницей – молодой дамой, испытывающей к нему симпатию и пытающейся ему понравиться, – человеком, хорошо разбирающимся в живописи и музыке. При этом он проявляет интерес к мнению молодой женщины, задаёт ей вопросы о том или ином художнике. Его собеседница – ей известен лишь один голландский художник. Три знака тире в обоих случаях передают чувство неловкости, а также говорят об отсутствии ответной реакции женщины, т.е. заменяют вербальные средства коммуникации.

В художественных произведениях тире служит для обозначения явлений, характер-

ных для разговорной речи, таких как паузы, интонация, ритм. Паузы, обозначаемые тире, могут передавать эмоционально-психологическое состояние персонажей, а в нейтральной речи являются средством членения речевого потока, т.е. выполняют синтаксическую функцию. Наблюдения над использованием знаков препинания в качестве сигнала пауз внутри показывают, что тире в такой функции может использоваться вместо восклицательного знака или запятой, например, после междометий:

«Ah – ich sehe, du weißt nicht», spottet er, «hast keine Ahnung – natürlich!» [8, S.192].

Предпочтение тире запятой характерно для авторов произведений, написанных с особым эмоциональным накалом с целью передать волнение, радость, удивление, нерешительность персонажей. Иногда тире связано с паузой, предусмотренной речевым этикетом, поиском подходящего слова, либо обусловлено индивидуальным стилем автора.

«Vielleicht – taucht es ja wieder auf» [4, S. 173].

В данном примере тире обозначает паузу в ситуации, связанной с исчезновением ценного животного, волнением персонажей и робко выраженными предположениями, что зверёк, возможно, снова появится.

«Ich – kann doch nicht –» [4, S. 219].

Тире отделяет подлежащее от сказуемого, маркируя паузу в прямой речи персонажа, возникшую из-за его нерешительности. Тире вместо точки в конце предложения свидетельствует о незаконченности высказывания.

В следующей ситуации паузы, обозначаемые знаком тире и многоточием, обусловлены отчаянием при виде пострадавшего от ожогов человека, отсутствием медицинской помощи.

«Was steht ihr herum wie die Schafe und glotzt? Ein Brett – legt sie auf ein Brett ... tragt sie weg... schnell ...» [11, S. 239].

Приведём пример, где тире как знак паузы подтверждается и авторским комментарием о том, что говорящий потерял мысль:

«Aber dann –» Der Gedanke entschlüpfte ihr. «– könnte ich es doch trotzdem genommen haben» [4, S. 231].

Таким образом, наблюдения над использованием знака тире в целях создания экспрессивности позволяют утверждать, что письменная форма языка обладает значительным выразительным потенциалом.

В результате исследования функций тире в художественных текстах можно сделать следующие выводы.

1. При постановке тире пишущий может руководствоваться структурно-синтаксическим, ритмико-интонационным и семантическим принципами, но в конкретной ситуации на первый план выдвигается то один принцип, то другой в зависимости от конкретных задач высказывания.

2. Установлено, что тире является полифункциональным знаком препинания, обладающим широкими и разнообразными функциями. Были выделены и описаны две основные группы функций – структурно-семантические и экспрессивные.

В рамках структурно-семантических функций тире является маркером логических связей в высказывании – причинно-следственных и противопоставительных.

Являясь средством членения текста, тире выполняет композиционную функцию: сигнализирует переход от одного вида передачи речи к другому, смену микротемы, адресата-адресанта речи.

Тире широко используется в качестве средства языковой компрессии, заменяя отсутствующие члены предложения, не несущие важной смысловой нагрузки (глагол-связка sein, безличное местоимение es).

В речи персонажа тире заменяет психологические и синтаксические паузы.

Наряду с другими знаками препинания тире создаёт экспрессивный эффект, маркируя экспрессивные конструкции: обособления, вставки, проlepsis, парентезы. При этом часто постановка тире представляет отклонение от пунктуационной нормы.

Несколько знаков тире (два, три) используются для передачи эффекта эмоциональной напряжённости описываемой коммуникативной ситуации.

В конце структурно завершённого высказывания тире указывает на экспрессивную незаконченность текста, тем самым приглашая читающего к осмыслению прочитанного.

3. Выбор знака тире, который несёт в себе информацию – смысловую, эмоциональную, модальную, – зависит от коммуникативного намерения автора и может быть объяснён исходя из контекста либо преимущественным использованием тире, являющимся одним из элементов стиля автора.

Выявленные в результате анализа функции тире свидетельствуют о развитии полифункциональности знаков препинания, их разностороннем использовании. Эта тенденция характерна и для других знаков препинания, которые также требуют тщательного изучения.

Список литературы

1. Плисенко А. А., Побокова О. А. О статусе и функциях дефиса в немецком языке // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 7 (102). С. 220–226. EDN: UBLORV
2. Mentrup W. Zur Zeichensetzung im Deutschen – die Regeln und ihre Reform oder: müssen Duden-Regeln so sein, wie sie sind? Tübingen : Narr, 1983. 244 S.
3. Плисенко А. А. Функционально-коммуникативный аспект знаков препинания в художественных, публицистических и научных текстах современного немецкого языка (на примере тире и двоеточия) : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1993. 167с.
4. Wallner M. Zwischen den Gezeiten : Roman. München : btb Verlag, 2009. 256 S.
5. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau : Verlag Hochschule, 1975. 314 S.
6. Geppert R. Die Last, die du nicht trägst: Roman. Halle ; Leipzig : Mitteldeutscher Verlag, 1978. 315 S.
7. Fielding J. Nur der Tod kann dich retten : Roman. München : Goldmann, 2009. 477 S.
8. Thurm B. Verlangen : Roman. Rostock : VEB Hinstorff Verlag, 1985. 239 S.
9. Henry J. Blutrote Nacht : Thriller. Berlin : Aufbau Taschenbuch Verlag, 2010. 391 S.
10. Altenberg P. Diogenes in Wien: Aphorismen, Skizzen und Geschichten. Berlin : Verlag Volk und Welt, 1979. 263 S.
11. Kosalik H. G. Heiß wie der Steppenwind : Roman. Bayreuth : Bastei Lübbe Verlag, 1984. 399 S.

Поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 12.05.2023

Научная статья

УДК 811.111'366.582

Семантика и контекст употребления перфекта в современном американском английском: корпусное исследование

М. В. Золотарев ✉, А. В. Попп

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Золотарев Михаил Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, mizrkb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1209-4759>

Попп Арина Владимировна, магистрант факультета иностранных языков и лингводидактики, alldia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6154-371X>

Аннотация. В статье определяются основные способы выражения перфектных значений в устной речи представителей США – носителей американского варианта английского языка. Необходимость подробного изучения особенностей функционирования глагольной категории перфекта в современном американском английском объясняется появляющимися сообщениями о функциональной нестабильности перфектных форм, употребляемых в речи американцами, которая заключается в потере ими способности выражать классические перфектные значения. Цель работы – доказать посредством обращения к теоретико-методологической базе корпусной лингвистики существование в американском английском тенденции к слиянию семантических зон перфекта и претерита, а также получить количественно подкрепленные сведения о контекстах, в которых претериальные формы чаще всего замещают формы перфекта в их традиционных значениях. На основании полученных сведений о частотности употребления перфектных и претериальных форм, встретившихся в специально составленном для исследования корпусе текстов, был проведен сопоставительный анализ особенностей употребления форм перфекта и претерита с целью определения процентного соотношения выражаемых ими перфектных значений. Было установлено, что сегодня в устной речи представительниц США в возрасте от 18 до 25 лет претериальные формы глагола замещают формы перфекта в его традиционных значениях почти в 1/3 контекстов. При этом претерит замещает перфект исключительно в его результирующем и экспериенциальном значениях. Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что граммема перфекта в американском варианте английского языка развивается по сценарию «прерванной» грамматикализации, где семантические зоны перфекта и претерита сливаются.

Ключевые слова: перфект, американский английский, глагольная категория, типология, семантика перфектных форм, кластер Мак-Коли, типы перфекта, слабый перфект, претерит

Для цитирования: Золотарев М. В., Попп А. В. Семантика и контекст употребления перфекта в современном американском английском: корпусное исследование // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 247–253. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-247-253>, EDN: HOEOYT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The semantics and contextualized use of the Present Perfect in modern American English: A corpus-driven study

М. В. Золотарев ✉, А. В. Попп

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mikhail V. Zolotarev, mizrkb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1209-4759>

Arina V. Popp, alldia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6154-371X>

Abstract. The article identifies the main ways in which the Present Perfect meanings are expressed in the oral speech of the US citizens speaking American English. The necessity to study in detail how the Present Perfect functions in modern American English is attributed to the emerging reports emphasizing the existing functional instability of these forms in the speech of Americans. This tendency shows that the Present Perfect loses its ability to express traditional perfect meanings. Therefore, the aim of the study is twofold: to apply the methods of corpus linguistics in order to confirm that the semantics of the perfect and preterite forms tend to merge in modern American English, as well as to collect and describe the contexts in which the preterite substitutes the Present Perfect forms in their traditional meanings. We created a corpus of oral texts and collected the data reflecting the frequency of the perfect and preterite forms found in the speech of the respondents. Based on the comparative analysis,

we carried out the research determining the percentage ratio of the perfect meanings expressed by the preterite forms. It was found that today in the oral speech of the US women aged 18–25 the preterite verb forms substitute the perfect verb forms in their traditional meanings in almost a third of the contexts. At the same time, the preterite replaces the perfect only in its 'stative' and 'existential' meanings. The findings confirm the hypothesis that the Present Perfect evolves in American English in accordance with the scenario of "arrested" grammaticalization where the semantics of the perfect and the preterite merge.

Keywords: perfect, American English, verbal category, typology, semantics of perfect forms, McCawley's cluster, types of perfect, "weak" perfect, preterite

For citation: Zolotarev M. V., Popp A. V. The semantics and contextualized use of the Present Perfect in modern American English: A corpus-driven study. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 247–253 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-247-253>, EDN: HOEOYT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Грамматически выраженный перфект встречается несколько менее, чем в половине языков мира [1, с. 299], однако разнообразие значений и особенностей употребления грамматической категории, называемой перфектом, представляет собой одну из трудностей для типологического описания данной граммы. Под термином «перфект» в широком смысле принято понимать особую грамматическую категорию, семантически отражающую видовременную соотнесенность некоторого действия с его результатом во времени. Другими словами, перфект обозначает «любой результат ситуации, релевантный в последующий момент» [1, с. 299], при этом «сама ситуация не может быть темпорально локализована с помощью конкретных наречий времени (временных детерминантов) или темпорально соотнесена с другой ситуацией» [2, с. 885], так как при употреблении перфекта соотнесение возможно только с «локализованным временным центром (a reference time), определяемым говорящим» [3, с. 73] (при употреблении The Present Perfect таким центром является момент речи).

Данное определение перфекта, по нашему мнению, включает в себе нетривиальную типологическую проблему, затрудняющую определение места перфекта в грамматической парадигме того или иного языка (является перфект граммой вида или времени). Ряд ученых (М.-Е. Ritz [2, р. 904], В. А. Плуноян [4, с. 15], В. Б. Кашкин [5, с. 31] и др.) в своих исследованиях отмечали, что место перфекта в языковой парадигме определяется в соответствии с характером эволюции данной граммы в языке.

Эволюция перфекта в языках мира также ставит перед лингвистами ряд трудноразрешимых задач. Согласно общепринятой точке зрения, перфект развивается из форм результата [2, р. 884; 4, с. 12; 6, с. 340; 7, с. 312]. Однако грамматизированные перфектные формы редко обладают диахронической стабильностью, и, как правило, спустя несколько столетий после их появления обнаруживаются явные следы пост-

перфектного развития. Результаты проведенных В. А. Плуноном типологических исследований позволяют говорить о существовании трех базовых сценариев эволюции перфектных форм в языках мира [4, с. 23]:

1) «расширенный перфект» – характерный для европейских языков (румынский, русский, польский и др.) сценарий, в соответствии с которым результатив эволюционирует до формы перфекта и далее становится перфективным или нейтральным претеритом, накапливая в себе результативные и нерезультативные характеристики; при этом, как правило, «старый» нерезультативный претерит исчезает, отдавая в какой-то момент свои функции эволюционирующему перфекту [4, с. 23–24];

2) «специализированный перфект» – сценарий, согласно которому грамма перфекта «отдаляется от результативного прототипа и специализируется в каком-либо одном из значений перфектного кластера, например, в экспериментальном или в имедиатном, но чаще всего в эвиденциальном» [4, с. 25]. Данный сценарий характерен для языковых систем Кавказа и Прибалтики;

3) «слабый перфект» – своеобразный сценарий «обратной» или «прерванной» грамматизации, при котором перфект в какой-то момент просто исчезает, передавая результативные употребления «старому» претериту или аористу [4, с. 25].

Общепризнанно, что перфект в большинстве индоевропейских языков развивается согласно первому сценарию, т.е. превращается в «новый» претерит [8, р. 133]. В этой связи развитие граммы перфекта в английском языке отражает уникальную ситуацию, так как для разных диалектов этого языка характерны различные сценарии трансформации перфектных форм. Так, например, в стандартном британском варианте английского языка перфект стабилен и сохраняет свои традиционные значения и случаи употребления [9, с. 287]. В австралийском английском в

определенных типах дискурса, в частности в полицейском, перфект вытесняет формы претерита в их канонических контекстах употребления (в нарративе) [10, р. 3402], в то время как для американского английского характерна обратная ситуация: перфектные формы вытесняются претериальными (сценарий «слабого перфекта») [4, с. 25].

В целом исследования сценариев трансформации перфектных форм в различных диалектах английского языка, на наш взгляд, позволяют сделать ряд важных выводов о механизмах, которые приводят к изменениям семантики перфекта. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения перфектных форм на синхронном уровне с целью раскрытия общих закономерностей диахронического изменения граммем перфекта, так как предполагается, что изменения, происходящие в языке в настоящий момент, являются следствием прошлых состояний и явлений.

Изменение семантики перфекта нередко становится главной целью типологических исследований (см., например: [9, с. 287; 11, р. 231]). Однако само определение семантики перфекта может представлять ряд трудностей, поскольку для многих языков мира характерна семантическая неоднородность перфектных форм. Наиболее авторитетным исследованием в области семантики английского перфекта признаны работы американского лингвиста Дж. МакКоли. Основным результатом проведенной Дж. МакКоли работы стало выделение в самостоятельный кластер четырех типов английского перфекта, а также описание классических семантических функций, выражаемых перфектом каждого из типов [12, р. 81].

1. Результативный перфект (или *Stative Perfect*) определяет, что действие, которое считается завершившимся к моменту речи, имеет существующий в настоящем результат (например, *'We have just opened the window'*).

2. Экспериенциальный перфект (или *'Existential Perfect'*) подчеркивает, что определенная ситуация к моменту речи уже происходила (возможно, неоднократно) (например, *'I have seen her three times since she broke up with Jason'*).

3. Перфект наличной ситуации (или *Universal Perfect*) акцентирует внимание на продолжительности некоторой ситуации: действие, которое началось в прошлом и длилось вплоть до момента речи, сохраняется в нем (например, *'She has studied at Oxford for 3 years'*).

4. Имmediатный перфект (или *'Hot News' Perfect'*) обращает внимание на текущую акту-

альность, новизну и важность для говорящего произошедшего недавно события (например, *'The woman accused of theft has been convicted'*).

Со времени выделения Дж. МакКоли четырех значений английского перфекта методы лингвистики значительно усовершенствовались во многом благодаря развитию корпусной лингвистики – одного из наиболее прогрессивных прикладных разделов языкознания, позволяющего ученому на практике определить и наглядно представить характер протекания в языке той или иной тенденции, так как «использование представительного массива языковых данных становится главным источником наших теорий о языке» [13, с. 14]. Так, например, корпусные методы успешно используются для описания типичных лексико-грамматических контекстов употребления различных единиц языка и дискурса, в частности национально-специфических прецедентных феноменов [14, с. 377].

Применение методов корпусной лингвистики позволило реализовать цель настоящего исследования – доказать существование в американском английском тенденции к слиянию семантических зон перфекта и претерита, а также получить количественно подкрепленные сведения о контекстах, в которых претериальные формы чаще всего замещают формы перфекта в их традиционных значениях.

Настоящее исследование проводилось нами в несколько этапов. На этапе подготовки были обозначены требования к респондентам, речь которых предстояло исследовать на наличие и частотность употребления в ней перфектных форм в традиционных значениях (согласно кластеру МакКоли) и претериальных форм в перфектном значении. В соответствии с положениями теории гендерного парадокса У. Лабова, в речи молодых женщин закрепляется наибольшее количество новых для языка грамматических форм и явлений, что способствует укоренению этих изменений в уже устоявшейся языковой парадигме [15, р. 261]. Таким образом, требовалось отобрать образцы речи девушек-респондентов, принадлежащих возрастной группе 18–25 лет.

Для повышения объективности исследования было принято решение анализировать речь американок-блогеров, еще получающих или уже получивших высшее образование, а также всю жизнь проживающих в штатах американского Севера (Нью-Йорк, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд и др.). Выбор района проживания респондентов обусловлен представлением ученых о Севере США как о территории, наиболее активно сопротивляющейся языковым изменениям, кото-

рые уже закрепились в южных штатах страны (чаще всего на фонетическом уровне) [16, р. 187].

Далее с соблюдением перечисленных требований были отобраны 40 американских видеоблогеров, размещающих свои видеозаписи на платформе YouTube. Для будущего электронного корпуса были взяты по два видеоролика каждого блогера (за 2017–2022 гг.). Длительность каждого видеоролика варьировалась от 10 до 20 мин. Другим критерием отбора было также то, что блогер выступал основным участником видеоролика (т.е. языковым материалом послужили тексты монологических высказываний).

На втором этапе проведения исследования с помощью компьютерной программы AntConc был составлен лингвистический корпус, в который вошли тексты, собранные с соблюдением перечисленных ранее требований, в количестве 80 единиц. Общий объем корпуса составил 124 786 словоформ. Всего в корпусе встретилось более 18 000 личных форм глагола, однако в рамках настоящего исследования работа проводилась с теми из них, которые семантически соотносят действие с его результатом во времени, т.е. выражают прототипическое значение перфекта.

В ходе работы с материалами составленного корпуса на последующих этапах исследования применение параметров автоматической выборки AntConc 'KWIC' ('Key Word in Context') и 'Cluster' позволило получить следующие данные о частотности употребления в речи респондентов глагольных форм перфекта и претерита в значении перфекта:

1) в корпусе содержится 706 контекстов, предполагающих употребление перфектных глагольных форм;

2) в 65,6% (463 контекста) всех выявленных контекстов, предполагающих употребление перфектных форм, носители американского варианта английского языка действительно употребляют формы перфекта, в то время как в 34,4% (243 контекста) встречаются формы претерита.

Из сказанного следует, что в текстах корпуса за передачу более 1/3 перфектных значений в устной речи американок отвечают именно претеритальные глагольные формы. Таким образом, материалы созданного нами корпуса устных текстов подтверждают гипотезу о том, что в американском варианте английского языка сегодня наблюдается тенденция к слиянию семантических зон перфекта и претерита в пользу последнего: часть семантической зоны, за выражение значений которой отвечает перфект, отходит претериту.

На следующем этапе исследования была проведена классификация эмпирического материала: выявленные в текстах корпуса контексты употребления форм перфекта (463 контекста) были сопоставлены с прототипическими перфектными значениями по кластеру МакКоли. На основании выражаемого ими значения перфектные формы в корпусе были разделены на четыре группы: 'Stative Perfect' (результативный перфект), 'Existential Perfect' (экспериментальный перфект), 'Universal Perfect' (перфект наличной ситуации или континуальный перфект), 'Hot News' Perfect' (иммедиатный перфект) (табл. 1).

Таблица 1

Частотность употребления перфектных форм в речи респондентов (по кластеру МакКоли)

Тип перфекта	Количество форм	% от числа перфектных форм в корпусе
'Stative' (результативный)	158	34,1
'Existential' (экспериментальный)	151	32,6
'Universal' (континуальный)	148	32,0
'Hot News' (иммедиатный)	6	1,3

Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют о том, что перфект первых трех типов встречается в речи информантов с одинаковой частотностью (34,1, 32,6 и 32,0% соответственно). Такие показатели нами объясняются отношением респондентов к блогу как средству взаимодействия с широкой аудиторией: рассказ о случившемся недавно событии подразумевает употребление блогером результативного перфекта, о собственном опыте – экспериментального перфекта, а о сложившейся в настоящем ситуации – континуального перфекта. Реже формы перфекта употребляются говорящим, когда требуется сообщить важную, по его мнению, новость. В таком случае оправданным считается использование формы IMMEDIATного перфекта (1,3% случаев).

На основании собранных данных о частотности и семантике перфектных форм в подготовленном нами корпусе текстов были сделаны следующие выводы.

1. В корпусе 'Stative Perfect' (результативный перфект) используется (чаще всего – с наречиями *just* и *already*) для обозначения: а) отдельного завершившегося действия, на которое

направлено внимание говорящего (147 случаев, или 93% от числа случаев употребления результативного перфекта): *'I've already brushed my teeth'*, *'I have taken a 'before' photo'*, др.; б) текущего состояния субъекта деятельности или объекта, испытывающего на себе его влияние, в случае если это состояние является следствием сложившейся к настоящему моменту ситуации (11 случаев, или 7%): *'I've just been scared okay'*, *'Now that I've poured my life out to you I'm going to go ahead'*, др.;

2. 'Existential Perfect' (экспериментальный перфект) в текстах корпуса отвечает за обозначение: а) ситуации, уже происходившей до момента речи, по крайней мере, один раз (95 случаев, или 63% от числа случаев употребления экспериментального перфекта): *'I've used this before'*, *'... Max's favorite place (that) I've already been twice'*, др.; б) длительной ситуации, представляющей собой некий опыт говорящего, с акцентом на факте ее наличия (отсутствия) в прошлом (56 случаев, или 37%): *'I honestly haven't vlogged Vermont at all'*, *'... a new color I've never seen'*, др. Чаще всего употребляется с маркерами *yet, already, before, never, ever*.

3. Употребление 'Universal Perfect' (континуального перфекта) с наречиями *always, so far, since, lately* и *still* оправдано в случае, когда речь говорящего идет о: а) «наличной» ситуации, начавшейся до момента речи и сохраняющейся в нем (123 случая, или 83% от числа случаев употребления континуального перфекта): *'I've had a really nice Saturday so far'*, *'She's been in my vlogs from day one'* др.; б) ситуации, длящейся некоторое время до момента речи и закончившейся рядом с ним (25 случаев, или 17%): *'... Tori who I haven't seen in a while'*, *'... and I haven't looked at it so long'*, др.

4. 'Hot News' Perfect (иммедиатный перфект) отвечает за выражение значения чрезвычайной актуальности описываемого действия, придавая высказыванию форму объявления, анонса (6 случаев, или 100%): *'I've started to take supplements so I got a (...) bigger medicine dispenser'*, *'His entire extended family have created their own little village on this huge piece of family land'* и др.

На заключительном этапе настоящего исследования для проведения сравнительно-сопоставительного анализа случаев употребления перфектных и претериальных форм в подготовленном корпусе текстов были описаны контексты, в которых употреблены формы английского претерита (the Past Simple), т.е. 243 случая (табл. 2).

Таблица 2

Контекст употребления претериальных форм в перфектном значении в речи респондентов

Контекст	Количество форм	Отношение к числу претериальных форм в перфектном значении, %
Just/finally	176	72,4
Never/ever/yet	15	6,2
Already/recently	27	11,1
V2 в значении предшествования	25	10,3

Из данных, приведенных в табл. 2, становится очевидным, что в абсолютном большинстве контекстов сочетание претериальных глагольных форм с наречиями *just* и *finally* определяет, что описываемое действие завершилось перед моментом речи (176 случаев, или 72,4% от числа случаев замены перфекта претеритом в корпусе): *'We just pulled into Walley World'*, *'... the first rough-cut of my video that I finally saved on to my computer today'*, др., что в стандартном варианте английского языка соответствует значению результативного перфекта.

Претериальные формы, употребленные в контексте с наречиями *never, ever* и *yet*, обозначают наличие или отсутствие у говорящего опыта в чем-либо (15 случаев, или 6,2%): *'They were always like way too expensive and I never like bought myself one'*, *'I didn't get bundles ever'*, др., что в стандартном варианте английского языка соответствует значению экспериментального перфекта.

Претерит, употребляемый с наречиями *already* и *recently* (27 случаев, или 11,1%), акцентирует внимание говорящего на важности некоторого события для настоящего момента: *'These I already showed all you guys'*, *'I actually already owned some pieces from them'* и др., что в стандартном варианте английского языка также соответствует значению экспериментального перфекта.

Наконец, претерит выражает значение предшества одного действия другому при указании на время совершения одного из действий (25 случаев, или 10,3%): *'This is a gorgeous color palette; by the way never used this one before'*, *'You guys already know the trend that I talked about before'*, др. (значение экспериментального перфекта в стандартном английском).

Итак, результаты проведенного комплексного исследования позволяют сделать некоторые выводы.

1. Формы претерита в текстах корпуса встречаются исключительно в контексте употребления результативного перфекта (72,4% контекстов, или 3/4 от числа случаев замещения перфекта) или экспериенциального перфекта (27,6%, или 1/4 от числа случаев замещения перфекта).

2. В текстах корпуса представлены 334 контекста, требующих употребления перфектной глагольной формы в результативном значении; 47,3% из них выражены перфектом, оставшиеся 52,7% – претеритом. Следовательно, более чем в половине контекстов, исторически предполагавших употребление результативного перфекта, данное значение сегодня выражается формами претерита.

3. Из 218 контекстов, подразумевающих употребление экспериенциального перфекта, перфектные формы встречаются в 69,3%, а претериальные – в 30,7%. Данные показатели свидетельствуют о том, что перфектным формам удается удерживать контроль над большей частью своих экспериенциальных значений. При этом претериту отходит почти 1/3 значений перфекта данного типа, и не исключено, что данный показатель в будущем увеличится.

4. В корпусе не было представлено ни одного случая замены претеритом перфекта в его континуальном и имедиатном значениях. Следовательно, данные значения в речи респондентов продолжают выражать исключительно перфектные формы.

Таким образом, применение в настоящей работе методов корпусной лингвистики позволило зафиксировать существование в американском варианте английского языка тенденции к утрате перфектом своих традиционных значений, что предполагает «передачу» данных типов употребления форм претерита.

Ценность перфекта как граммема, по нашему мнению, заключается в важности выражаемых им значений. Ученые считают перфект уникальной в своей сложности формой глагола, грамматикализовавшейся в языке для выражения комплексных аспектуально-темпоральных значений. Формы времени *The Past Simple*, в свою очередь, такой особенностью никогда не обладали. Тем не менее, в речи молодых американок сегодня четко прослеживается их склонность к замещению глагольных форм перфекта формами претерита, что последовательно ведет к упрощению грамматического строя американского английского, а также частичному исчезновению из него ряда перфектных форм, отвечающих за передачу результативного

и экспериенциального значений (на которые в анализируемом корпусе приходится в сумме порядка 67% случаев от общего числа употребления перфектных форм).

Таким образом, подтверждается гипотеза, в соответствии с которой граммама перфекта в американском варианте английского языка развивается по сценарию «прерванной» грамматикализации, где семантические зоны перфекта и претерита сливаются, а сам перфект сегодня перестает выражать уже почти 1/3 своих классических значений.

Интерпретация полученных в ходе исследования данных ставит достаточно сложный вопрос о причинах происходящих в американском варианте английского языка изменений. Учеными предпринимались попытки объяснить тенденцию замещения перфекта претеритом в американском варианте английского языка с помощью эффекта редукции (сглаживания различий между причастной перфектной формой и претериальной формой глагола ввиду ослабления вспомогательного глагола *to have*, который в устной речи часто используется в сокращенной форме) [11, р. 245], а также с помощью явления языкового сдвига, влекущего за собой «субстратные интерференционные процессы» [9, с. 312] (американский вариант английского языка формировался в сложных социолингвистических условиях, когда большие группы иммигрантов овладевали английским в качестве второго языка общения). Изучение степени влияния возможных причин описанного трансформационного процесса (т.е. замещение перфекта претеритом в американском варианте английского языка) представляется перспективным направлением настоящего исследования.

Список литературы

1. Плузьян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: учеб. пособие. Изд. 5-е, стер. М. : ЛЕНАНД, 2016. 384 с. (Новый лингвистический учебник).
2. Ritz M.- E. Perfect Tense and Aspect // *The Oxford Handbook of Tense and Aspect* / ed. by R. I., Binnick. Oxford : Oxford University Press, Inc., 2012. P. 881–907. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195381979.013.0031>
3. Понн А. В. К вопросу о семантической неоднородности перфекта в современном английском языке: социолингвистический анализ // *Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Саратов, 24–25 февраля 2022 г.)*. Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 72–82.

4. Плузьян В. А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 2. С. 7–36.
5. Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1991. 128 с.
6. Бондарь В. А. От результата к перфекту: из истории английского предпрошедшего времени // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2020. Т. 24, № 1. С. 339–352. <https://doi.org/10.30842/ielcp230690152407>
7. Ландер Ю. А. Перфект и обстоятельства конкретного времени // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой / сост. В. А. Плузьян, А. Ю. Урманчиева. М. : Индрик. 2002. С. 300–312.
8. Ritz M.- E. Perfect change. Synchrony meets diachrony // Historical Linguistics 2005. Selected papers from the 17th International Conference on Historical Linguistics. Madison, Wisconsin, 31 July – 5 August 2005 / ed. by J. C. Salmons, S. Dubenion-Smith. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2005. Vol. 284. P. 133–147. <https://doi.org/10.1075/cilt.284.11rit>
9. Бондарь В. А. Семантика перфекта и ее реализация в американском английском // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2018. Т. 14, № 1. С. 283–315.
10. Ritz M.- E. The perfect crime? Illicit uses of the present perfect in Australian police media releases // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42, № 12. P. 3400–3417. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.05.003>
11. Elness J. The present perfect and the preterite // One Language, Two Grammars? Differences between British and American English / ed. by G. Rohdenburg, J. Schluter. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 228–245.
12. McCawley J. D. Notes on the English present perfect // Australian Journal of Linguistics. 1981. № 1. P. 81–90.
13. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика : учебник. 3-е изд., перераб. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2020. 234 с.
14. Золотарев М. В. Грамматические структуры с прецедентными феноменами в современном американском молодежном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 376–380. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-376-380>
15. Labov W. Principles of Linguistic Change : in 3 vols. Vol. 2. Social Factors. Maiden, MA : Wiley-Blackwell, 2001. 592 p.
16. Labov W., Ash Sh., Boberg Ch. The atlas of North American English. Phonetics, Phonology, and Sound Change: A Multimedia Reference Tool. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. 318 p.

Поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 26.02.2023; accepted for publication 12.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 254–261

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 254–261

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-254-261>, EDN: HGRXPU

Научная статья

УДК [811.351.32:003.3](470.6+479.24)

Два алфавита для одного миноритарного языка как угроза его существованию (на примере лезгинского языка)

Р. М. Шамилов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

Шамилов Равиддин Мирзоевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, ravidin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-4397>

Аннотация. В статье речь идет о нереализованной программе внедрения в Азербайджанской Республике для лезгинского языка, с конца 30-х гг. XX в. и по сей день использующего кириллический алфавит, еще одного алфавита на основе латинской графики. Приводится краткая история письменности лезгинского языка с древнейших времен до наших дней. Проведен анализ текущего положения и состояния лезгинского языка в историческом ареале его распространения – в Республике Дагестан (Россия) и Азербайджанской Республике – и подтверждается его статус миноритарного и уязвимого языка. На основе латинизированного алфавита лезгинского языка, который использовался с 1928 по 1938 г. и, по всей видимости, был предложен в качестве варианта алфавита для лезгинского языка в Азербайджанской Республике, выявляются лингвистические недостатки потенциально возможного перевода лезгинского алфавита на латиницу. На примере лезгинского языка высказывается мнение, что попытка со стороны государства снабдить язык, имеющий в нем статус миноритарного и в некотором смысле даже миноризируемого языка, вторым алфавитом, равно как и отсутствие у этого языка письменности вообще, может расцениваться как настоящая угроза его существованию. Автор приходит к выводу, что, несмотря на наличие в мире других примеров двуписьменности языков, причем языков, имеющих статус мажоритарных и государственных, развитию и сохранению которых использование еще одного алфавита в другом государстве не представляет практически никакой угрозы, двуписьменность в случае лезгинского языка может деструктивно сказаться на его развитии и вызвать такие социальные риски для его носителей, как утрата этнической и национально-культурной идентичности, разделение народа на две самостоятельные, но лишённые этнического самосознания группы и их последующая необратимая ассимиляция.

Ключевые слова: языковая политика, латиница, кириллица, миноритарный язык, миноризируемый язык, лезгинский язык

Для цитирования: Шамилов Р. М. Два алфавита для одного миноритарного языка как угроза его существованию (на примере лезгинского языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 254–261. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-254-261>, EDN: HGRXPU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Two alphabets for one minority language as a threat to its existence (a case study of Lezgian)

R. M. Shamilov

Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Ravidin M. Shamilov, ravidin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-4397>

Abstract. The paper deals with the failed attempt of the Republic of Azerbaijan to introduce an additional Latin-based alphabet for the Lezgian language, which has been using the Cyrillic script since the late 30s of the 20th century to the present day. It provides a brief history of Lezgian script from ancient times to the present day, analyzes the current state and condition of Lezgian being spoken on the territory corresponding to its historical base – the Republic of Dagestan (Russia) and the Republic of Azerbaijan – and establishes its status as a minority and vulnerable language. With reference to the Latin-based alphabet of Lezgian which was in use from 1928 to 1938 and apparently has been offered as such in the Republic of Azerbaijan, linguistic disadvantages of the possible transition of Lezgian alphabet to the Latin script are revealed. The example of Lezgian suggests that an attempt by the state to provide a language which is recognized as a minority and, to some extent, even minorized language in it with an extra alphabet, as well as the lack of it at all, can be regarded as a real threat to the very existence of the language. The author concludes that despite the fact that there are a few other examples of biscriptalism represented by majority and official languages, to the development and existence of which the simultaneous use of another script in another country poses no threat, in case of Lezgian the biscriptal-

ism could have a destructive impact on its development and cause social risks such as the loss of ethnic and cultural identity of Lezgian speakers, the division of the Lezgi people into two separate groups totally devoid of ethnic consciousness and their subsequent irreversible assimilation.

Keywords: language policy, Latin script, Cyrillic script, minority language, minorized language, Lezgian

For citation: Shamilov R. M. Two alphabets for one minority language as a threat to its existence (a case study of Lezgian). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 254–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-254-261>, EDN: HGRXPU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время в мире насчитывается порядка 6–7 тыс. языков, подавляющее большинство которых продолжают оставаться бесписьменными и сегодня и обладают статусом так называемых миноритарных (или региональных) языков. Если руководствоваться определением, данным в Европейской хартии региональных и миноритарных языков (European Charter for Regional and Minority Languages), под миноритарным (или региональным) следует понимать язык «традиционно используемый в пределах определенной территории государства гражданами этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства» и «отличающийся от официального(-ых) языка(-ов) этого государства» [1, р. 2] (здесь и далее перевод наш. – Р. Ш.). Понятие «территория, на которой используется региональный или миноритарный язык» определяется как «географический район, в котором упомянутый язык является средством общения части населения» [1, р. 2]. Во избежание недоразумения при трактовке этой дефиниции в параграфе 34 Пояснительного доклада к указанной Хартии содержится важное, на наш взгляд, уточнение, которое заключается в том, что территория, на которой региональный или миноритарный язык используется значительной частью населения, даже если исключительно этническим меньшинством, должна соответствовать историческому ареалу распространения этого языка [2, р. 6].

Миноритарные языки, будучи наиболее уязвимыми к воздействию со стороны различных факторов, негативно сказывающихся на их витальности (жизнеспособности), нередко фигурируют в списках языков, занесенных в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» (далее – Атлас) [3], постоянно актуализируемого издания ЮНЕСКО, содержащего сведения о языках, которым в той или иной степени грозит участь вымирания. В зависимости от степени угрозы – если не брать в расчет категории «безопасный» (safe) и «стабильный, но не без угрозы» (stable threatened) – языки группируются по следующим пяти категориям:

– уязвимый (vulnerable). К этой категории относят языки, на которых говорит большинство детей, но употребление которых может ограничиваться отдельными сферами применения (например, дома в общении с родителями и более старшим поколением);

– есть угроза исчезновения (definitely endangered). Эта категория включает языки, которые дети больше не учат дома в качестве родного. Самое молодое поколение, говорящее на этом языке, – родители. Родители могут продолжать общаться с детьми на родном языке, но дети им на родном уже не отвечают;

– под серьезной угрозой исчезновения (severely endangered). Сюда относят языки, на которых говорит исключительно старшее поколение. Родители понимают этот язык, но не используют его в общении друг с другом и со своими детьми;

– на грани исчезновения (critically endangered). Эта категория объединяет языки, которыми владеют исключительно люди самого старшего поколения. Но даже в этом случае знание языка, как правило, частичное, и он используется крайне редко из-за недостаточного количества оставшихся носителей;

– вымерший (extinct). Вымершими можно считать языки, на которых больше никто не говорит и носителей которых не осталось [3, р. 11–12].

Упомянутый Атлас был разработан на основе данных, представленных в документе ЮНЕСКО [4], который содержит результаты исследования, проведенного специальной экспертной группой ЮНЕСКО. В этом документе перечисляются девять факторов, с учетом которых можно осуществить оценку жизнеспособности языка. Шесть из них – передача языка от поколения к поколению, общее количество носителей языка, доля носителей языка в общей численности населения, области употребления языка, использование языка в новых областях и СМИ, наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности (см.: [4, р. 7–12]) – ранжированы как основные, один – вид и качество документации (см.: [4, р. 16–17]) – служит, скорее, определению срочности документирования языка, нежели оценке его текущего состояния, а два – государственная политика в

отношении данного языка, включая его статус и использование, и отношение членов общины к родному языку (см.: [4, р. 13–16]) – авторами рассматриваются как дополнительные факторы. Логика не включать первый из двух последних факторов в число основных заключается в невозможности гарантировать сохранение языка и его долгосрочную жизнеспособность, вне зависимости от того, будет ли миноритарный язык в рамках избранной языковой политики государства запрещен к использованию вообще или наделен таким же юридически официальным статусом, каким обладает единственный государственный язык [4, р. 13]. Что же касается второго фактора, по мнению авторов, он не может быть отнесен к основным факторам по причине субъективности отношения к родному языку каждого отдельно взятого члена языкового сообщества: «Члены языкового сообщества, как правило, равнодушны к своему родному языку. <...> Когда отношение членов сообщества к языку положительное, язык может рассматриваться как символ их идентичности. Подобно тому, как люди ценят семейные традиции, праздники и общественные события, члены языкового сообщества могут расценивать язык как главную культурную ценность, жизненно необходимую для их сообщества и этнической идентичности. Если же члены сообщества видят в своем языке некое препятствие на пути к экономической мобильности и интеграции в мейнстримовое общество, то их отношение к родному языку может быть отрицательным» [4, р. 14].

Сомнение в целесообразности отведения упомянутым факторам в их значимости в сохранении жизнеспособности миноритарного языка второстепенной роли, исходя из собственного опыта полевого изучения исчезающих языков России, выражает Т. Б. Агранат: «...в последнее время у представителей миноритарных этносов возрастает этническое самосознание, которое, к сожалению, не всегда способствует сохранению языка. Но важно, что представители этносов, языки которых не имеют письменности, связывают возможность сохранения языка только с созданием письменности и преподаванием языка в школе. <...> Они связывают исчезновение языка с отсутствием письменности на нем. <...> Известны случаи, когда язык, благодаря наличию письменности, выучивается как иностранный представителями этноса и в какой-то степени продолжает развиваться, например, так происходит с ливским языком, который естественным путем давно перестал передаваться» [5, с. 405].

Опыт, сравнительно недавно пережитый автором этих строк, как, собственно, и представителями всего языкового сообщества, к которому он принадлежит, позволяет ему сделать вывод о первостепенности роли, которую играют в сохранении жизнеспособности родного языка факторы языковой политики государства и отношения членов общины к родному языку. Правда, в отличие от случая, описанного в предыдущем разделе, в настоящей статье речь пойдет о миноритарном языке, у которого уже имеется письменность, а именно о лезгинском языке. Цель статьи заключается в том, чтобы на примере несостоявшегося опыта внедрения для лезгинского языка, числящегося наряду с другими нахско-дагестанскими языками в Атласе в категории «уязвимый» (см.: [6]), еще одного алфавита продемонстрировать, какую опасность может представить подобный шаг со стороны государства для жизнеспособности миноритарного языка, а также предостеречь государство от любых планов по введению дополнительных письменностей для языков проживающих в них этнических меньшинств.

Лезгинский язык считается миноритарным в Российской Федерации и Азербайджанской Республике. Если анализировать текущее положение и состояние лезгинского языка в этих двух государствах, то можно будет установить, что лезгинский язык в какой-то степени оказывается еще и минорируемым. Таким прилагательным, производным от французского глагола *minorer* (преуменьшать, недооценивать, оценивать снизу), в работах франкоязычных исследователей, в частности у К. Джорджевич, характеризуется «язык, области использования которого ограничены юридически и фактически» или, говоря другими словами, язык, который «расценивается как менее значимый и легитимный в силу навязанной ситуации диглоссии» (цит. по: [7, с. 1091–1092]). Ж.-М. Касбарян предлагает десять социолингвистических критериев, с помощью которых можно охарактеризовать минорируемый язык, причем исследователь допускает, что минорируемый язык может характеризоваться как по всем десяти, так и лишь по части данных критериев (подробнее см.: [7, с. 1093–1094]). Если применить предлагаемые Ж.-М. Касбаряном критерии к лезгинскому языку в Российской Федерации, вернее в Республике Дагестан, где он наряду с рядом других национальных языков, в том числе русским, обладает статусом государственного, и в Азербайджанской Республике, где он такого статуса не имеет, то выяснится, что по совокупности некоторых из

критериев лезгинский язык в обеих республиках можно признать минорируемым. Эта совокупность включает такие критерии, как: а) отсутствие официального статуса, т.е. лезгинский язык не является официальным, ко-официальным и др. (в Азербайджане); б) отсутствие институционализованного использования, т.е. лезгинский язык не используется при составлении текстов официального или административного характера (в Дагестане и Азербайджане); в) ограниченность социальной значимости, что не дает преимуществ для носителей лезгинского языка в плане социальной мобильности или профессионального роста (в Дагестане и Азербайджане); г) отсутствие доступа к таким средствам массовой информации, как радио и телевидение (в Азербайджане). «Соответствие» лезгинского языка, а на самом деле и всех остальных национальных языков Дагестана, указанным критериям минорирования в республике можно проследить на примере многочисленных публикаций, выступлений, интервью представителей дагестанской интеллигенции, неравнодушных к судьбе своих родных языков и не скрывающих своей обеспокоенности по поводу их текущего состояния (см., например: [8]). О ситуации с лезгинским языком в Азербайджане, где и была несколько лет назад предпринята попытка внедрения для лезгинского языка еще одной письменности, речь пойдет ниже.

В 2018 г. 9-й номер общественно-политической газеты «Самур» (лезг. Самур), издаваемой одноименным лезгинским национальным центром в городе Баку (Азербайджан), вышел со статьей на первой странице под названием: «SOS!!! Один народ – два алфавита?» (азерб. SOS!!! Bir xalqın iki əlifbası?, лезг. Са халкъдиз къве алфавит?) [9]. Написанной одновременно на двух – азербайджанском и лезгинском – языках статья со столь настораживающе пугающим заголовком вряд ли мог ожидать даже самый преданный подписчик и заядлый читатель газеты. О том, что побудило авторов написать эту статью, становится ясно с первых же строк. Речь идет о том, что из различных источников до редакции газеты дошла весть (а позднее как бы в качестве подтверждения правоты доносившихся слухов в их руки попал и сам учебник по лезгинскому языку) о том, что в Баку для школ Азербайджана, в которых преподается лезгинский язык, а если быть точнее, для обучающихся 1-х классов этих школ издан учебник под названием «Алфавит». Событие действительно знаменательное. Однако, ко всеобщему изумлению, он был издан не на основе кириллицы, как это можно было бы

ожидать, а с использованием латиницы. Мало того, что учебник был издан с использованием непривычной для лезгиноязычного населения страны графики, его составление, судя по содержащимся в учебнике многочисленным грамматическим и речевым ошибкам, было поручено, по мнению редакции газеты, непрофессионалам, людям, не являющимся специалистами в области языкознания, а то и вовсе не имеющим высшего образования.

Попробуем абстрагироваться и уйти от соблазна поспешно трактовать упомянутое событие как продукт реализации целенаправленной языковой политики, проводимой в Азербайджанской Республике, в частности, применительно к языкам национальных меньшинств, и взглянем на развитие письменности лезгинского языка в исторической ретроспективе. Как известно из достоверных исторических источников, первая письменность лезгинского народа (а также всех остальных близкородственных лезгинскому народов, языки которых составляют лезгинскую языковую подгруппу нахско-дагестанской группы языков) была на основе албанского алфавита времен Кавказской Албании. Состоявший из 52 букв – 9 гласных и 43 согласных – и полностью отражавший все звуковое многообразие лезгинского языка, этот алфавит оставался в употреблении вплоть до V в. н. э. В V в. албанский алфавит был упрощен великим армянским ученым-языковедом Месропом Маштоцем, и число букв в нем было сокращено до 37: в таком упрощенном виде алфавит использовался в V–VII вв., до завоевания Кавказской Албании арабами. После арабского завоевания лезгины, как и другие дагестанские народы, были вынуждены пользоваться так называемой аджамской письменностью, в основе которой лежал алфавит, представлявший собой объединение букв арабского языка и 12 букв албанского алфавита для передачи гортанных звуков. Несмотря на то, что аджамская письменность обладала очевидными недостатками, например, она не передавала ряд звуков, а для передачи некоторых качественно отличающихся друг от друга согласных (г, гъ, к, кк, кI, къ) применялась одна и та же буква, она продолжала использоваться, как показывают сохранившиеся исторические материалы, вплоть до 30–40-х гг. XX в. Стоит ли говорить, что подобного рода недостатки вызывали трудности у читателя, которому приходилось, полагаясь исключительно на свой языковой опыт, самому распознавать, какой именно звук передается в данном конкретном случае, и тем самым осуществлять «дешифровку» слова.

Подобное неудобство в пользовании письменностью привело к тому, что в конце XIX в. лезгинские просветители начали задумываться над созданием нового алфавита. Такая попытка была предпринята в 1871 г. известным лезгинским ученым Казанфар беком Зульфикаровым из села Мамрач, расположенного в Южном Дагестане. Казанфар беком был издан учебник «Кюринская азбука», в котором был представлен новый алфавит и содержались написанные с его использованием тексты для чтения [10]. Позднее, в 1896 г., этот же алфавит предстает в монографии великого русского кавказоведа, лингвиста, этнографа Петра Карловича Услара (1816–1875), обучавшегося фонетике и морфологии лезгинского языка у Казанфар бека и являвшегося соавтором алфавита. Разработанный Казанфар беком и П. К. Усларом алфавит состоял из 49 букв – 7 гласных и 42 согласных [11, с. 8–20]. Сами буквы были взяты из трех языков: русского (37 букв), латинского и грузинского (в совокупности 12 букв). На основе алфавита Казанфар бека и П. К. Услара в 1911 г. была издана книга для чтения «Кюринский язык и первая книга для чтения» [12]. Указанным алфавитом пользовались до 20-х гг. прошлого столетия, но, к сожалению, он не получил широкой поддержки в народе, прежде всего по причине того, что и он не передавал в полном объеме звуковое многообразие языка.

Возникла необходимость продолжения поиска новых вариантов решения проблемы с письменностью. И таким решением, на первый взгляд многообещающим, оказалось внедрение в 1928 г. для некоторых народов Дагестана, в том числе лезгинского, латинского алфавита. Причем, как свидетельствуют материалы тех лет, латиница была в буквальном смысле навязана народам Дагестана без выяснения их мнения по этому поводу. Однако и этот алфавит не оправдал себя. Его жизнь оказалась чрезмерно короткой – всего лишь десять лет. Причины, по которым алфавит очень скоро прекратил свое существование, кроются все в той же неспособности охватить и учесть все фонетические особенности языка, не говоря уже об очевидном недовольстве в среде населения. В 1938 г. латинский алфавит был заменен кириллицей. Несмотря на то, что и этот алфавит не лишен недостатков (не учитываются 12 лезгинских фонем, привнесены ненужные буквы ё, щ, э, ю, я), он, тем не менее, отличается рядом преимуществ перед латиницей. Так, кириллический алфавит позволяет передавать согласные без придыхания. Благодаря наличию в кириллице таких графем

как **ь** и **ъ**, стало возможно обозначить на письме ряд специфичных фонем (гъ, гь, къ, кь, хъ, хь, уь) и заимствовать слова из русского языка в их исходном написании и др. Добавление в кириллицу графемы **І** позволило передавать на письме все взрывные гортанные согласные лезгинского языка (кІ, пІ, тІ, цІ, чІ). Неудивительно, что современный лезгинский язык, независимо от того, где на нем говорят и пишут (в Азербайджане или России (Дагестане)), продолжает использовать именно кириллицу.

Как видно из небольшого экскурса в историю письменности лезгинского языка, попытка внедрения латиницы для лезгинского языка в современном Азербайджане вовсе не считается новаторской. Удивительно лишь то, что те, кто задались этой идеей, по всей видимости, не хотят извлекать уроков из прошлого. Если задумка с внедрением латинского алфавита потерпела неудачу тогда, в конце 20-х гг. XX в., когда политические, социальные и экономические условия, казалось бы, были куда более благоприятные, чем сейчас, неужели «доброжелатели» думают, что она увенчается успехом сегодня, когда лезгинский народ имеет статус разделенного между двумя государствами?

Поражают ответы заместителя министра образования Азербайджанской Республики на встрече с делегацией сотрудников лезгинского национального центра «Самур». На поставленные вопросы и сделанные замечания о состоянии лезгинского языка в принципе (за последние 42 года для обучающихся 1-х и 2-х классов было издано всего лишь два учебника по лезгинскому языку; за последние 50 лет в стране не было подготовлено ни одного высококвалифицированного кадра для преподавания лезгинского языка и литературы, а единственный педагогический техникум, в котором велась подготовка преподавателей лезгинского языка и литературы для начальных классов, и тот был недавно закрыт; количество часов на преподавание лезгинского языка в школах сокращено с 2 до 1 академического часа в неделю и т.д.) (подробнее см.: [13]) конкретного ответа получено не было.

В подтверждение последнего тезиса можно привести данные из официального еженедельного издания Министерства образования Азербайджанской Республики «Учитель Азербайджана» (азерб. *Azərbaycan müəllimi*), в котором на постоянной основе в преддверии нового учебного года публикуются указы Министра образования об утверждении учебных планов для общеобразовательных учреждений на очередной учебный год. Если обратиться к

Приложениям 3 и 4 к Приказу Министерства образования Азербайджанской Республики от 28 июля 2022 г. № F-462 «Об утверждении учебных планов для общеобразовательных школ на 2022–2023 учебный год», можно обнаружить, что в этом учебном году, как, собственно, и в предыдущие учебные годы, на изучение лезгинского языка с 1-го по 9-й класс (в 10-м и 11-м классах занятия по лезгинскому языку почему-то не предусмотрены) действительно отводится по одному академическому часу в неделю [14].

А что касается поразившего лезгинскую общественность плана по внедрению латиницы, был получен следующий ответ: «По поводу Вашего вопроса могу сказать, что решение о замене алфавита принимает не Министерство образования. Мы являемся исполнительным органом. Этот вопрос не находится в нашей компетенции. Мы руководствуемся мнением и предложением Национальной академии наук. Свою работу мы выполняем в соответствии с государственной политикой. Другие малочисленные народы перешли на латиницу, и их язык преподается им на основе латиницы. И в этом смысле мы решили не отделять лезгинский язык от других языков. Да и мы сами, как народ, перешли на латиницу. Конечно, это было не просто. Мы столкнулись со множеством проблем. Но нам удалось преодолеть их. Не будем забывать, что во всем мире начинают все чаще пользоваться именно латиницей» [13]. Что касается учебника по лезгинскому языку на латинице, уже вышедшего в свет, в министерстве опровергли информацию о том, что подобный учебник уже напечатан, и заявили, что всякий учебник может быть выпущен в свет только после тщательной проверки со стороны специалистов, устранения всех содержащихся в нем недочетов и недостатков и получения положительной общественной оценки.

Подобные суждения из уст высокопоставленного чиновника все-таки побуждают нас (как бы нам ни хотелось удержаться!) поддаться соблазну заявить, что внедрение латиницы для лезгинского языка является четко продуманным шагом языковой политики, проводимой в Азербайджане в отношении языков национальных меньшинств. Страшно даже представить, какими могут быть последствия, если эта политика в ближайшей перспективе все-таки будет реализована. В настоящее время, насколько нам известно, эта программа «заморожена», потому что не нашла должного отклика у народа. Очень важную роль в этом сыграла своевременная, мгновенная реакция со стороны лезгинской общественности, как интеллигенции, так и простых граждан. К

сложившейся ситуации не остались равнодушны и лезгины по другую сторону реки Самур, проживающие в Республике Дагестан. Реакция выражалась как в форме официальных публикаций в газетах и журналах, в том числе электронного формата, так и в форме публикаций в различных группах в социальных сетях (см., например: [15]).

Несмотря на то что программа внедрения латиницы для лезгинского языка заморожена и в открытом доступе практически нет никаких материалов, которые могли бы предоставить более или менее точные сведения о том, как выглядит предлагаемый алфавит, представление о нем все же можно сформировать, если руководствоваться единственным, но надежным источником информации, доступным в сети Интернет. Речь идет об интервью, данном кандидатом педагогических наук, ученым и преподавателем лезгинского языка Гасанбалой Мамедовым (1947–2022) главному редактору лезгинского культурного журнала «Алам» и канала «Алам-ТВ» Кямрану Курбаналиеву [16]. Из слов Г. Мамедова, имевшего возможность в качестве руководителя комиссии по экспертизе учебников по лезгинскому языку при Министерстве образования Азербайджанской Республики лично ознакомиться с проектом учебника на основе латиницы, становится ясно, что алфавит не является продуктом целенаправленной деятельности какой-нибудь специальной группы, которой было поручено разработать новую письменность, а представляет собой ту самую версию латиницы, которая была в употреблении в советскую эпоху, с 1928 по 1938 гг. Общеизвестно, что этот алфавит выглядел следующим образом (рисунок) [17, с. 317].

Aa	Bb	Cc	Çç	Dd	Ee	Ff	Gg
Qq	Hh	Ii	Jj	Kk	Ƙƙ	Ll	Mm
Nn	Oo	Pp	ƢƢ	Qq	Qq	Rr	Ss
Şş	Ss	Tt	ƤƤ	Uu	Vv	Xx	ƞƞ
ƞƞ	Yy	Zz	ƷƷ	ƹƹ	'		

Лезгинский алфавит

Если представленный выше алфавит действительно был использован в учебнике (пусть даже с незначительными изменениями в виде замены двух букв двумя новыми, о чем без конкретики говорится в интервью Г. Мамедова), то можно предположить, что в учебнике с большой долей вероятности нашли отражение и те лингвистические недостатки, о которых применительно к латинице советской эпохи пишут в своей статье

«Из истории лезгинского алфавита» (азерб. *Ləzgi əlifbası tarixindən*) С. Керимова и М. Меликмамедов [18, s. 5]. Назовем эти недостатки.

1. Алфавит не в состоянии воспроизводить 17 губных фонем, из-за чего язык «теряет» на письме порядка 250 слов. Так, если после букв **g** [г], **q** [гъ], **z** [з], **k** [к], **q** [къ], **q** [кь], **q** [кИ], **s** [с], **t** [т], **t** [тИ], **x** [х], **x** [хъ], **z** [цИ], **ç** [чИ] и не предусмотренных для записи письма на латинице диграфов в форме удвоенных согласных **kk** [кк], **tt** [тт], **s/s** [цц], не использовать дополнительную букву **v** [в], передающую соответствующую губно-зубную фонему, то возникает риск неправильного прочтения слова и распознавания заключающегося в нем лексического значения по причине сходства со словами с другим значением, в которых указанная буква не используется. Например, *qvar* | гъвар (бревно) – *qar* | гъар (борона); *qvel* | гъвел (крошка) – *qel* | гъел (сани); *qvana* | къвана (пошёл (о дожде, снеге)) – *qana* | къана (охладился); *qvət* | кIватI (комоч, сборище) – *qat* | кIатI (ящик для хранения снега); *svas* | свас (невеста) – *sas* | сас (зуб); *sval* | свал (горный воробей) – *sal* | сал (огород); *tvar* | тIвар (имя) – *tar* | тIар (боль) и др.

Следующие два недостатка связаны с отсутствием в алфавите в качестве отдельных букв знаков для передачи непридыхательных глухих согласных, три из которых, кстати, уже были упомянуты в предыдущем разделе. Эти согласные условно можно было бы обозначить в виде диграфов из удвоенных соответствующих придыхательных согласных: **kk** [кк], **tt** [тт], **pp** [пп], **s/s** [цц], **çç** [чч].

2. Алфавит не учитывает свойственный лезгинскому языку фонетический принцип, связанный с буквами **k** [к], **t** [т], **p** [п], **s** [ц], **ç** [ч]. В лезгинском языке эти графемы используются для передачи одновременно как придыхательных, так и непридыхательных (**kk** [кк], **tt** [тт], **pp** [пп], **s/s** [цц], **çç** [чч]) согласных. Важность этого принципа в высшей степени проявляется в тех случаях, когда от произношения согласного будет зависеть значение слова. Например: *çil* | чил (сеть) – *çil* [ççil] | чил [ччил] (земля), *çuru* | чуру (испорченный) – *çuru* [ççuru] | чуру [ччуру] (борода), *kar* | кар (дело) – *kar* [kkar] | кар [ккар] (рана), *tar* | тар (тар (музыкальный инструмент)) – *tar* [ttar] | тар [ттар] (дерево). Иногда ошибка в произношении может привести прямо к противоположному эффекту. Ср. *çuru* [ççuru] *tun* | чуру [ччуру] тун (оставить бороду, не бриться) – *çuru* *tun* [ççuru ttun] | чуру тун [ччуру ттун] (сбрить бороду).

3. Не учитывается еще один фонетический принцип, при котором звонкие взрывные согласные **b** [б], **g** [г], **d** [д], **q** [гъ], **z** [ж], **z** [з] в ударных слогах превращаются в соответствующие непридыхательные глухие согласные **pp** [пп], **kk** [кк], **tt** [тт], **s/s** [цц], **çç** [чч] (например, *qab* | къаб (посуда) – *qapar* [qappar] | къапар [къаппар], *rad* | рад (кишка) – *ratar* [rattar] | ратар [раттар], *mug* | муг (гнездо) – *mukar* [mukkar] | мукар [муккар], *mez* | мез (язык) – *mes'er* [mes's'er] | мецер [меццер]). По причине отсутствия в алфавите указанных диграфов передача на письме букв так, как они слышатся, не представляется возможной.

Справедливости ради стоит отметить, что последние два недостатка свойственны и современному алфавиту лезгинского языка на основе кириллицы. Так же, как и в латинской версии, в кириллическом алфавите диграфы **кк**, **тт**, **пп**, **цц**, **чч** отсутствуют в виде отдельных букв и за исключением отдельных авторов, принципиально употребляющих в своих работах эти диграфы в упомянутых выше лексико-фонетических случаях и в связи с этим высказывающих мнение о целесообразности включения этих диграфов в алфавит, практически не используются.

В заключение статьи хотелось бы ответить на важный вопрос, поставленный главным редактором газеты «Самур» в упомянутой ранее статье: «То есть получается, что лезгины Дагестана будут пользоваться кириллицей, а лезгины, проживающие в Азербайджане, – латиницей, то есть у одного народа должно быть два алфавита. Интересно, есть ли в мире еще какой-нибудь народ, у которого было бы два алфавита? ...» [9]. Есть. И как это ни парадоксально будет звучать, этим народом является азербайджанский народ, который в зависимости от страны (региона) проживания использует не два, а целых три алфавита: латиницу – в Азербайджанской Республике, кириллицу – в Республике Дагестан (Россия), письменность на основе арабского алфавита – в Иране. И тут важно сделать оговорку, дабы исключить всякую попытку отождествить рассмотренный в работе случай лезгинского языка с посвоему уникальным случаем азербайджанского языка: отличие между актуальным состоянием азербайджанского языка от состояния лезгинского языка на настоящем этапе его развития заключается в том, что сохранности и развитию первого абсолютно ничего не угрожает хотя бы потому, что в одном из упомянутых государств – Азербайджанской Республике – он обладает статусом мажоритарного и единственного государственного языка. Применение аналогич-

ного сценария в отношении языка миноритарного и минорируемого, коим, безусловно, является лезгинский язык, может сулить непоправимые последствия для его носителей, такие как затухание этнического самосознания, разрушение этнической идентичности, ускорение ассимиляции и в конечном счете полное исчезновение народа. Учитывая непростую, обусловленную совокупностью социальных, политических и экономических факторов ситуацию, в которой в настоящее время пребывает лезгинский народ, думается, что именно общая письменность продолжает оставаться, пожалуй, единственным связующим элементом, не дающим языку и народу расколоться на два самостоятельных языка и народа.

Список литературы

1. European Charter for Regional or Minority Languages. Strasbourg, 5.X.1992. 14 p. (European Treaty Series № 148).
2. Explanatory Report to the European Charter for Regional or Minority Languages. Strasbourg, 5.X.1992. 22 p. (European Treaty Series № 148).
3. Atlas of the World's Languages in Danger / editor-in-chief Ch. Moseley. 3rd ed. Abbeville : Imprimerie Leclerc, 2010. 222 p.
4. Language Vitality and Endangerment / International Expert Meeting on UNESCO Programme Safeguarding of Endangerment, Paris 10–12 March 2003. 27 p.
5. Агранат Т. Б. Миноритарные языки и письменность в эпоху глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014 г.): Доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко; Ин-т языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М. : Ин-т языкознания РАН, 2014. С. 403–409.
6. Map 11 Caucasus // Atlas of the World's Languages in Danger / editor-in-chief Ch. Moseley. 3rd ed. Abbeville : Imprimerie Leclerc, 2010. P. 26–27.
7. Паско А. Миноритарный язык, минорируемый язык, миноризируемый язык или язык в миноритарной ситуации? Опыт дефиниции и использования в ситуации // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 4. С. 1084–1102. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102>
8. Приймак А. Магомеды без родства // Звезда. 2015. 24 сент. URL: <https://zavtra.ru/blogs/magomedyi-bez-rodstva> (дата обращения: 30.09.2022).
9. Са халкъдиз къве алфавит? // Самур. № 9 (325). 28.11.2018. S. 1.
10. Кюринская азбука / авт.-сост. Казанфар-бек. Темиръ-Ханъ-Шура : Типография Штаба войскъ Дагестанской области, 1871. 57 с.
11. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание : в 6 т. Т. 6. Кюринский языкъ. Тифлисъ : Типография канц. Главноначальст. гр. ч. на Кавказъ, Лорисъ-Мел. ул., д. каз., 1896. 640 с.
12. Кюринская азбука и первая книга для чтения. Тифлисъ : Типография Канцелярии Намъстника Его Императорского Величества на Кавказъ, 1911. 67 с.
13. Kərimova S., Məlikməmmədov M. Görüş oldu, amma düyün açılmadı // Самур. № 2 (238). 28.02.2019. S. 2.
14. Ümumi təhsil müəssisələrinin tədris planları // Azərbaycan müəllimi. № 30 (8999). 05.08.2022. S. 4.
15. Один народ – два алфавита? // Федеральная лезгинская национально-культурная автономия, 14.03.2019. URL: https://fnka.ru/jizn_obshin/12973-odin-narod-dva-alfavita.html (дата обращения: 30.09.2022).
16. Алам ТВ-дин мугъман Гъасанбала Мамедов // АЛАМ-ТВ, 09.02.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DFzPPe-MPSY> (дата обращения: 04.11.2022).
17. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М. : Наука, 1979. 350 с.
18. Kərimova S., Məlikməmmədov M. Ləzgi əlifbası tarixindən // Самур. № 10 (326). 20.12.2018. S. 4–5.

Поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 12.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 262–268

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 262–268

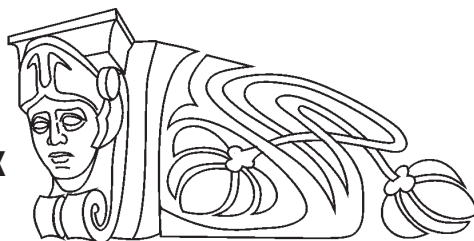
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-262-268>, EDN: EOQSCG

Научная статья

УДК 811.134.2'373.2

Иноязычное имя собственное в испанских фразеологизмах и паремиях

Е. В. Богданова

Московский педагогический государственный университет, Россия, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Богданова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков им. В. Г. Гака, ev.bogdanova@mpgu.edu, <https://orcid.org/0000-0003-3062-2508>

Аннотация. В статье представлено рассмотрение испанских устойчивых выражений, содержащих в своей структуре иноязычный оним. Анализу подвергаются как фразеологические единицы, так и паремии, зарегистрированные в ведущих испаноязычных лексикографических трудах. Изучение ономастического (онимического) компонента сопряжено с описанием происхождения выражения, уточнением его значения и степени актуальности в языке. Исследование отобранного корпуса фразеологизмов и паремий показало, что ряд иноязычных онимов может быть отнесен к разряду интернациональных прецедентных имен собственных (антропонимы, мифонимы, поэтонимы и пр.). Указанные онимы, являющиеся элементами общемирового культурного наследия, входят в ономастический фонд многих языков и представляют собой своеобразную константу, сформированную в ходе истории человечества. Специфика испанской культурно-исторической традиции наиболее ярко отразилась в устойчивых выражениях, имеющих в своем составе иноязычный топоним или антропоним. Как правило, речь идет о паремиях и фразеологизмах, которые являются отсылкой к конкретным историческим событиям и выступают в качестве свидетельства военно-политической активности Испании на мировой арене, ее культурных и языковых контактах в различные периоды. Обращение к истории происхождения выражений и выявление их мотивирующего признака позволили определить наиболее характерные источники пополнения фразеологического и паремиологического фонда испанского языка иноязычными именами собственными: мировая литература и кинематограф, античная мифология, Библия, военно-политическая сфера. С точки зрения хронологии большинство исследуемых устойчивых единиц возникло в Средние века и в Новое время, однако процесс пополнения лексического состава испанского языка иноязычными именами собственными по-прежнему актуален, что подтверждается рядом фразеологизмов и паремий, возникших в последние столетия.

Ключевые слова: фразеологизм, паремия, ономастика, антропоним, топоним, поэтоним

Для цитирования: Богданова Е. В. Иноязычное имя собственное в испанских фразеологизмах и паремиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 262–268. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-262-268>, EDN: EOQSCG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A foreign proper name in Spanish idioms and proverbs

E. V. Bogdanova

Moscow Pedagogical State University, 1/1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russia

Elena V. Bogdanova, ev.bogdanova@mpgu.edu, <https://orcid.org/0000-0003-3062-2508>

Abstract. The article deals with Spanish set expressions that include a foreign proper name. The study overviews phraseological units, as well as proverbs and sayings included in the most important Spanish lexicographical works. Dealing with an onomastic (onymic) component requires the description of idioms, their origin, meaning and the degree of linguistic actuality. The study of the selected number of set expressions and proverbs has revealed that some proper names may be considered as international precedent onyms (anthroponyms, mythonyms, poetonyms, etc.) This type of proper names may be interpreted as part of the world cultural legacy, since they are present in the onomastic fund of many languages and are considered a sort of linguistic constant formed throughout human history. Spanish national and cultural identity may be illustrated by idioms with a foreign toponym or anthroponym. Generally, those are set expressions and idioms that allude to some historical events and reflect Spanish military and political activities in the world arena, Spanish cultural and linguistic contacts in different periods. The study of idiomatic phrases, their origin and motivation has revealed the key sources to replenish the Spanish phraseological fund, which are world literature, cinema, classical mythology, the Bible, military and political activities. Chronologically, the majority of the analyzed idioms was created in the Middle Ages and the Modern period, however, foreign proper names continue to replenish the Spanish lexis, since there are many expressions and proverbs with a foreign onym that have been created in the recent centuries.

Keywords: idiom, proverb, onomastics, anthroponym, toponym, poetonym

For citation: Bogdanova E. V. A foreign proper name in Spanish idioms and proverbs. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 262–268 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-262-268>, EDN: EOQSCG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Во фразеологическом и паремиологическом фонде многих языков присутствует особый класс устойчивых выражений, которые отличаются высокой степенью информативности и отражают уникальность мировоззрения народа, особенности его духовной эволюции и специфику самосознания, – фразеологизмы и поговорки с компонентом-онимом. Различные виды имен собственных (далее – ИС) позволяют составить впечатление о системе ценностей конкретного языкового сообщества, его историческом пути и месте в общемировом культурном пространстве.

Уникальный национальный колорит и ярко выраженный лингвокультурный потенциал заложен в выражениях с ИС, возникшими внутри языка, наиболее характерными из которых являются единицы национального антропонимона (*da igual Juana que su hermana; como un perepe; algo va de Pedro a Pedro*), топонимии (*yo tengo un tío en Alcalá, que ni es tío ni es na; quien se fue a Sevilla, perdió su silla; estar en Babia*) и пр. Однако не меньший интерес для исследователя представляют фразеологические единицы (далее – ФЕ) и поговорки, содержащие в своей структуре онимы, пришедшие из других языков. Анализ ИС данного типа позволяет определить степень открытости лексической системы языка, описать особенности взаимовлияния культур, выявить значимые для национального самосознания явления и персоналии.

В настоящей статье рассмотрены испанские фразеологизмы и поговорки, в составе которых представлены иноязычные ИС различных классов (антропонимы, топонимы, поэтонимы). Указанная тематика отвечает актуальной тенденции лингвистического изучения фразеологического и паремиологического пространства языка с позиции его взаимосвязи с прочими языками и культурами. Отметим, что ранее иноязычные онимы, интегрированные в испанские устойчивые выражения, подвергались анализу в научных работах комплексного характера и не выносились в качестве самостоятельного объекта изучения.

Материалом исследования послужили испанские поговорки и фразеологизмы, отобранные методом сплошной выборки из испаноязычных лексикографических трудов: «*Florilegio o Ramillete alfabético de refranes y modismos <...>*» (Sbarbi y Osuna, 1873), «*Personajes, personas y personillas que corren por las tierras de ambas Castillas*» (Montoto y Rautenstrauch, 1921), «*Vocabulario de*

refranes y frases proverbiales y otras fórmulas <...>» (Correas, 1924), «*Del hecho al dicho*» (Doval, 2010), «*Diccionario de dichos y frases hechas*» (Buitrago, 2014), «*Diccionario de refranes, dichos y proverbios*» (Junceda, 2015), «*Diccionario fraseológico documentado del español actual*» (dir. por M. Seco, 2017).

Для начала представляется необходимым четко определить ключевые термины настоящего исследования. Так, под фразеологизмом в статье понимается «воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [1, с. 27]. Термин «поговорка», или «паремиологическая единица» (далее – ПЕ) в узком смысле выступает в качестве понятия, объединяющего пословицы и поговорки. В широком смысле поговорки объединяют цельнооформленные высказывания прецедентного характера (пословицы, поговорки, цитаты, афоризмы). Кроме того, некоторые авторы также относят к поговоркам загадки, басни, песни, анекдоты и пр. [2, с. 60, 65, 89; 3, с. 4], т. е. любой прецедентный текст, который отличается воспроизводимостью, образностью, семантической устойчивостью и постоянством компонентного состава.

Анализ корпуса отобранных ФЕ и ПЕ позволил определить два класса иноязычных ИС: интернациональные прецедентные онимы и иноязычные онимы, соотносимые с историко-политическими реалиями Испании.

Элементы общемирового культурного наследия представлены в ФЕ и ПЕ с компонентом-мифонимом. Так, во многих языках мира зарегистрированы устойчивые выражения с именами героев мифов и легенд. Преимущественно речь идет о древнегреческой мифологии. К примеру: **(Pasar por) el suplicio de Tántalo** (испытывать танталовы муки);

Abrir la caja de Pandora (открыть ящик Пандоры);

El hilo de Ariadna (нить Ариадны).

Представленные ИС восходят к древнегреческому языку (Τάνταλος, Πανδώρα, Αριάδνη соответственно), из которого они перешли в латынь, как и многие теонимы (Zeus, Afrodita, Poseidón и пр.)

К разряду интернациональных могут быть отнесены имена библейских персонажей, широко представленные во фразеологическом и

паремиологическом фонде испанского языка. ИС, восходящие к Священному Писанию, могут трактоваться как своеобразная ономастическая константа языков стран, принадлежащих христианскому миру.

Como la burra de Balaam (букв. как ослица Валаама ≈ неожиданно изречь мудрость, истину). ФЕ отсылает к сюжету из Пятикнижия Моисея, согласно которому, увидев пред собой Ангела Господня, ослица «легла под Валаамом. И воспылал гнев Валаама, и стал он бить ослицу палкою», но «отверз Господь уста ослицы», она заговорила с Валаамом (ивр. אֲשֶׁרָא; др.-греч. Βαλαάμ) и помогла ему узреть Ангела (Числа 22: 24–36) [4, с. 152]. В русском языке выражение «валаамова ослица», как правило, используется с иронией для обозначения молчаливого человека, неожиданного высказавшего свое мнение.

Tener más paciencia que el santo Job (букв. быть терпеливее св. Иова ≈ иметь ангельское терпение, стойко переносить невзгоды). В основу указанного компаративного фразеологизма лег ветхозаветный сюжет о страданиях и лишениях Иова (ивр. יוֹב), которым его подверг Сатана, заставляя отречься от веры Христовой. Следует отметить безусловно положительную коннотацию, коей обладает имя святого, ставшего в христианском мире символом терпения и смирения.

Ser el benjamín (букв. быть Вениамином ≈ свет очей, любимый младший ребенок). В приведенном фразеологизме представлено имя сына ветхозаветных персонажей Иакова и Рахили. В испанском языке ИС «Benjamín» (ивр. בְּנִימִינ) подверглось деонимизации и может выходить за рамки ФЕ, функционируя самостоятельно для обозначения младшего ребенка в семье.

Отметим, что имена как библейских персонажей, так и мифологических героев давно закрепились в испанском языке и полностью ассимилировались. Мотивирующий признак каждой из приведенных устойчивых единиц не был полностью утрачен и может быть легко восстановлен благодаря сохранившимся текстам (мифам, священным текстам).

Ярко выраженным национальным колоритом обладает топонимический компонент испанских ФЕ и ПЕ. Подавляющее большинство названий географических объектов, представленных в анализируемых источниках, относятся к топонимии Испании (*amantes de Teruel, tonta ella, tonto él; de Madrid al cielo* и пр.).

С оговорками (учитывая этимологию топонима) к разряду иноязычных можно отнести ИС «Londres» (от кельт. Llyndŷn → лат. Londinium),

входящее в состав архаичной паремии **Londres, con que te honres** (букв. Лондон – и ты будешь в почете ≈ лучше ткани не сыскать). Выражение отсылает к английскому текстилю, который импортировался в европейские страны и славился своим качеством [5, р. 270].

Ценным источником информации культурно-исторического характера представляются выражения, отражающие реалии военно-политического свойства. Именно в подобных фразеологизмах и паремиях сокрыта «историческая память о войнах, победах, поражениях и человеческих потерях», формирующая неотъемлемый компонент самосознания нации [6, с. 223]. ФЕ и ПЕ военно-исторической тематики призваны запечатлеть различные военные кампании и последующую трактовку их результатов. Подтверждением этому служат выражения, отражающие события европейских кампаний Испании XVI–XVII вв. Возникшие в обозначенный период ПЕ и ФЕ, как правило, являются отсылкой к сложной политической обстановке в Нидерландах (Фландрии) и конфликты с Францией:

¿Estamos aquí, o en Flandes? (букв. мы тут или во Фландрии? ≈ быть на луне). Выражение используется для порицание несвоевременного и неподобающего действия [7]. Компонент-топоним «Flandes» (нидер. Vlaanderen, фр. Flandre) соотносится с исторической западноевропейской областью, входившей некогда в состав Испанской империи. Очевидно, что ИС интегрировано в выражение с целью усиления высказывания и призвано подчеркнуть, что лицо или понятие оторваны от действительности.

Длительные войны во Фландрии, стремившейся выйти из состава империи, породили несколько ФЕ: **poder pasar por las picas de Flandes** (преодолеть трудности), **poner una pica en Flandes** (столкнуться с трудностями). По указанию Х.-М. Сбарби, значение выражений мотивировано сложностями, с которыми столкнулась испанская армия при наборе рекрутов, «готовых взять в руки пику» и отправиться на службу во Фландрию [8, р. 111]. Если последние из приведенных ФЕ обладают негативной коннотацией, отражая кровопролитное и затяжное противостояние испанской короны попыткам Фландрии обрести независимость, то архаичное выражение **no hay más Flandes** (букв. нет большей Фландрии ≈ лучше некуда) обладает подчеркнуто положительной коннотацией и служит для восхваления красоты и качества лица или предмета. Предположительно значение устойчивой единицы мотивировано общим представлением о плодородности земель региона.

Franceses, ¿por qué razón fuisteis del Russillon? (букв. французы, что же вы покинули Руссильон? ≈ почему тебя и след простыл?). Архаичная поговорка дословно воспроизводит строку шуточной песни, возникшей после событий 1503 г., когда французская армия под командованием Ж. Рье вторглась на территорию Руссильона (фр. Roussillon), но была вынуждена отступить под натиском арагонского войска.

Llevarlo todo por lo de Pavía es demasiada (букв. бросать все на Павию – это слишком ≈ ставить все на одну карту). В данной поговорке отражена одна из наиболее славных побед испанской армии – триумф над французами в битве при Павии (ит. Pavia) в 1525 г. По словам Л. Хунседы, выражение призывает быть благоразумным и не рисковать всем ради достижения конкретной цели, «как это сделал король Франции Франциск I в битве при Павии» [9, р. 317].

Armarse la de San Quintín (букв. слушаться как при Сен-Кантене ≈ заварить кашу, устроить переполох). Приведенная разговорная ФЕ используется для обозначения «большого переполоха» [10, р. 777] и является отсылкой к битве между испанцами и французами при Сен-Кантене (фр. Saint-Quentin) в 1557 г.

Исторические персоналии общемирового значения являются своеобразной универсалией паремиологического и фразеологического фонда языка. Как правило, речь идет о заимствовании уже существующих в других языках выражений с компонентом-антропонимом. К примеру, **La ley de Murphy** (букв. закон Мерфи ≈ закон подлости, закон бутерброда) или **El asno de Buridán** (буриданов осел). Примечательной является ФЕ, пришедшая из русского языка, **Las aldeas (los pueblos) de Potemkin** (потемкинские деревни). В свою очередь, французский язык стал источником выражения **El cuarto de hora de Rabelais** (букв. четверть часа Рабле ≈ сложная ситуация, требующая немедленного решения). Все представленные устойчивые единицы имеют свои эквиваленты в ряде языков мира и отличаются устойчивой семантикой. Мотивирующий признак со временем может быть утрачен, а его выявление порождает многочисленные гипотезы, однако интегрированный антропоним, бесспорно, соотносится с конкретным денотатом – реальной исторической личностью (Э. Мёрфи, Ж. Буридан, Г. Потёмкин, Ф. Рабле).

Интересным представляется разговорный фразеологизм **No te enrolles, Charles Boyer** (букв. заканчивай, Шарль Буайе ≈ закругляйся). Гипотезы происхождения данного выражения спорны. Предположительно в ФЕ отражен один из не-

достатков известного в 40–50 гг. XX в. актера – его чрезмерная болтливость. Однако нельзя исключать, что имя Шарля Буайе интегрировано исключительно для рифмы (enrolles – Boyer) и выбрано ввиду популярности артиста.

Значимым источником лингвокультурной информации выступают выражения с ИС известных личностей, зарегистрированные исключительно в испанском языке. Так, имя персидского врача и философа Авиценны (перс. ابو علی حسین بن عبدالله بن سینا) стало компонентом испанской ПЕ **Más mató la cena, que sanó Avicena** (букв. ужин убил больше людей, чем Авиценна вылечил ≈ ешь вполсыта, проживешь век до полна).

Фамилия немецкой семьи Фуггеров (нем. Fugger) представлена во фразеологизме **Ser un fúcar** (букв. быть Фуггером ≈ быть богачом). Предположительно ФЕ возникла во времена расцвета финансовой деятельности семьи в XVI в. Именно Фуггеры активно способствовали восхождению на престол Священной римской империи Карла I (V) Габсбурга. Кроме того, дом Фуггеров имел свое представительство в Мадриде [8, р. 133]. Таким образом, ФЕ сопряжена с историко-культурным контекстом.

Исторические события и культурные реалии национального значения запечатлены в антропонимах арабского происхождения, являющихся своеобразным языковым наследием Реконкисты.

En Calatañazor, Almanzor perdió el tambor (букв. в Калатаньясоре Аль-Мансур потерял барабан ≈ потерпеть поражение). Поговорка отсылает к легендарному военачальнику мусульманской Испании X–XI вв. Аль-Мансуру (в испанской огласовке – Альмансор), де-факто сосредоточившему в своих руках всю власть в государстве. После череды побед над христианами войска Аль-Мансура потерпели сокрушительное поражение в битве при Калатаньясоре в 1002 г. Именно к этому сражению отсылает рассматриваемая поговорка, использующая в испанском языке с целью выразить «шутливое отношение к какой-либо неудаче» [9, р. 214]. Примечательна трактовка лексической единицы «tambor», чья интеграция в поговорку обусловлена очевидным стремлением к рифме. С одной стороны, «tambor» в значении «барабан» соотносится с сигнальным инструментом мусульманской армии. С другой стороны, существует спорное свидетельство епископа г. Туи, согласно которому поговорка восходит к песне некоего рыбака, который в день победы христиан напевал следующие строки: «In Calatanazor perdidit Almanzor tynibalum sirve sistrum, hoc est, loetitiam suam». Уточнение «hoc est, loetitiam suam», позволяет заявить, что

ЛЕ «tambor» использована в переносном значении – «радость», «ликование» [11, р. 63–64].

Horro Mahoma, y diez años por servir (букв. *свободен от рабства Мухаммед, но еще 10 лет ему служить* ≈ конца-края не видно). В данной паремии представлено одно из наиболее типичных имен арабского происхождения – Мухаммед (араб. محمد). Паремия выражает иронию и используется для обозначения ситуации, при которой человек ошибочно полагает дело завершённым [9, р. 292]. Оговоримся, однако, что Г. Корреас отмечает возможность использования ПЕ без оттенка иронии со значением «свободный, но без заработка» [5, р. 595]. Можно предположить, что антропоним «Mahoma» употребляется для создания собирательного образа мусульманина, обезличенного представителя исламского мира.

Ряд ФЕ и ПЕ с именем «Mahoma» стали архаичными и вышли из активного употребления:

Preguntar por Mahoma en Granada (букв. *искать Мухаммеда в Гранаде* ≈ искать иголку в стоге сена). Выражение фиксирует реалии мусульманской Испании: во времена Реконкисты Гранада была одним из основных центров исламского мира, а Гранадский эмират стал последним оплотом мусульман на территории Испании в XV в. Рассматриваемое выражение в ироничной форме отражает количество мусульман с именем Мухаммед, проживавших в Гранаде в эпоху Реконкисты.

Говоря об ИС «Mahoma» необходимо отметить зарегистрированное во многих языках мира выражение **Pues no va Mahoma al otero, vaya el otero a Mahoma** или **Si la montaña no va a Mahoma, Mahoma va a la montaña** (если гора не идет к Магомету, то Магомет сам пойдет к горе) Представленное в паремии ИС отсылает к фигуре пророка Мухаммеда. Источник происхождения выражения доподлинно неизвестен. Похожий сюжет представлен в восточном фольклоре и связан с фигурой Хаджи Насреддина, решившего однажды выдать себя за святого и заявившего, что в качестве доказательства заставит подойти к себе пальмовое дерево. Более достоверной представляется гипотеза, согласно которой в своей современной версии выражение пришло из труда Ф. Бэкона «Опыт, или Наставления нравственные и политические»: «Магомет вновь и вновь взывал к горе; когда же гора не тронулась с места, он, ничуть не смущаясь, сказал: “Если гора не идет к Магомету, Магомет придет к горе”» [12, с. 337].

Анализ мотивирующего признака устойчивых единиц осложняется отсутствием достоверной информации. Так, доподлинно неиз-

вестны причины использования ИС «Muza» во ФЕ **El moro Muza** (букв. *мавр Муса* ≈ Пушкин). Приведенный фразеологизм может иметь несколько вариантов с глагольным компонентом: **ser el moro Muza; ser algo del moro Muza**. Согласно М. Секо, Муса – это имя вымышленного персонажа, некоего важного человека, а само выражение призвано усилить высказывание [10, р. 533]. Правомерным будет предположить, что представленное ИС восходит к Мусе ибн Нусайру (араб. موسى بن نصير) – знаменитому полководцу, возглавившему покорение Испании. Также нельзя исключать вероятности, что имя «Муса» было характерно для представителей мусульманской знати.

Отметим, что многие из выражений с компонентом-антропонимом арабского происхождения со временем вышли из употребления (**Más vale ser horro de Hamete que cautivo de fí de Alí; nunca matarás moro que se llame Halí; si vos Aja, yo Alí** и др.), однако сведения о мотивирующем признаке выражений сохранились. Так, приведенное ИС «Alí» (Али) ассоциировалось с представителями высших слоев общества, выступая синонимом «noble» (благородный, знатный), и часто противопоставлялось именам представителей низших сословий (Hamete).

Рассматривая понятие «паремия» в широком значении, к разряду ПЕ можно отнести строки из известной песни **Mambrú se fue a la guerra** (Мальбрук в поход собрался). Испанская версия является переложением французской песенки «Marlbrough s'en va-t-en guerre», повествующей о событиях Войны за испанское наследство и герцоге Мальборо (англ. Marlborough), командовавшем английской армией в Битве при Мальплаке (1709). Оговоримся, что указанная французская песня также была переведена на русский язык и обрела популярность в XVIII–XIX вв. В частности, ее упоминание можно встретить в «Мертвых душах»: «...мазурка оканчивалась песнею: “Мальбруг в поход поехал”, а “Мальбруг в поход поехал” неожиданно завершился каким-то давно знакомым вальсом» [13, с. 86].

Источником пополнения фразеологического и паремиологического фонда любого языка служат также литературные произведения и фольклор. Так, в испанском языке зарегистрирован ряд устойчивых выражений с именами персонажей художественных сочинений и эпосов других стран.

К примеру, британский цикл легенд о короле Артуре стал источником ФЕ **Saber más que Merlín** (букв. *знать больше, чем Мерлин* ≈ мудрый как сова), в которой представлен волшебник Мерлин – наставник и приближенный короля [14,

р. 594]. Существуют предположения, что персонаж имеет реального прототипа – британского рыцаря Амвросия Аврелиана [9, р. 532; 15, р. 272], который фигурирует в испанских источниках под именем «Ambrosio Aureliano» или «Ambrosio Merlín».

К разряду интернациональных ФЕ можно отнести выражение **Los Borregos de Panurgo** (панургово стадо), в котором представлено ИС одного из героев произведения Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Фразеологизм является отсылкой к событиям, описанным в книге 4, главе VIII «Как Панург потопил в море купца и баранов» [16, с. 468].

Общеизвестным представляется выражение **Elemental, querido Watson** (элементарно, Ватсон), восходящее к цитате из произведений А. Конан Дойля, посвященных приключениям Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

Список подобных выражений с компонентом-литературным антропонимом (поэтонимом) довольно объемный. Многие ИС стали нарицательными и используются для обозначения определенных качеств характера (**tartufo** – лежец, лицемер; **quasimodo** – 1. горбун; 2. уродливый человек и пр.)

Развитие и последующая популярность киноиндустрии обусловили появление фразеологизмов и поговорок с именами персонажей, ставших символами мирового кино. Наглядным примером может послужить ФЕ **Dar la patada de Charlot** (букв. *пнуть, как бродяга* ≈ избавиться, распрощаться). Лексическая единица «Charlot» восходит к франкоязычному прозвищу героя (фр. Charlot, англ. The Tramp), созданного Чарли Чаплином в серии немых фильмов начала XX в. («Бродяга», «Малыш», «Золотая лихорадка», «Огни большого города» и др.). Выражение, по-видимому, является отсылкой к уникальной пластике и неповторимой походке героя, способного выбросить через плечо окурки и отбросить его ногой не глядя. М. Секо также указывает дополнительное значение фразеологизма – «уволить с работы» [10, р. 621].

Американское кино прошлого столетия пополнило испанский язык еще одним фразеологизмом – **El camarote de los hermanos Marx** (букв. *каюта братьев Маркс* ≈ как селедки в бочке), которое может интегрироваться в выражение компаративного характера **Estar como el camarote de los hermanos Marx**. ФЕ восходит к одной из сцен фильма 1935 г. «Ночь в опере», в которой в тесную каюту героев поочередно заходят гости до тех пор, пока в помещении совсем не остается места.

Именно киноиндустрия поспособствовала деонимизации некоторых литературных антропонимов. К примеру, после экранизации в 1931 г. романа М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» нарицательным стало имя протагониста (**frankenstein** – монстр). В свою очередь, серия фильмов про Джона Рэмбо, снятая по произведению Д. Моррелла «Первая кровь», сделала нарицательным имя **rambo** (стойкий боец) [17, с. 380–381].

Искусство фотографии также нашло свое отражение во фразеологическом и паремиологическом фонде многих языков мира, в том числе и в испанском. ФЕ **Violin de Ingres** (*скрипка Энгра* ≈ второе призвание, серьезное увлечение) восходит к имени французского художника Жана Огюста Доменика Энгра, увлекавшегося игрой на скрипке и гордившегося своим музыкальным талантом. В своем современном варианте выражение пополнило ряд языков благодаря знаменитой фотографии М. Рея 1924 г., являющейся своеобразной отсылкой как к творчеству художника, так и к его хобби.

Таким образом, представленные в испанском фразеологическом и паремиологическом фонде иноязычные ИС относятся к различным классам (антропонимам, топонимам, мифонимам, поэтонимам) и обладают разной степенью лингвокультурного потенциала. Многие онимы, пришедшие из других языков в прошлые столетия (как правило, через латынь), являются своеобразной константой ономастического корпуса ряда языков, представляя собой элементы общемировой культуры. В испанском языке данные ИС полностью ассимилировались, а выражения, в которые они интегрированы, обладают устойчивым значением.

Национально-культурное своеобразие фразеологизмов и поговорок наглядно представлено в выражениях с компонентом-топонимом и компонентом-антропонимом. Устойчивые единицы именно с данными онимами позволяют составить впечатление об историческом пути страны, ступенях ее военно-политического развития. Наиболее яркий след в испанской фразеологии оставили события времен Реконкисты, отраженные в антропонимах арабского происхождения. Период наибольшего могущества королевства запечатлен во ФЕ и ПЕ с компонентом-топонимом. Память о славных победах и завоеваниях сформировали актуальное видение прошлого страны и нации, понимание роли и места Испании в мировом военно-историческом контексте.

Испанский язык открыт влиянию общемировой массовой культуры, о чем свидетельствуют представленные в рассмотренных выражениях иноязычные ИС последних столетий. Как правило, речь идет об именах известных личностей, литературных героев или киноперсонажей. Правомерно предположить, что в эпоху открытого медиапространства и глобальной массовой культуры испанский язык продолжит активно пополняться иноязычными ИС, функционирующими как в рамках устойчивых выражений, так и самостоятельно в виде имен нарицательных.

Список литературы

1. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. СПб. : Специальная литература, 1996. 184 с.
2. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М. : Наука, 1970. 240 с.
3. Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия. Краснодар : Изд-во КГУ, 1999. 250 с.
4. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М. : Российское библейское общество, 2014. 1371 с.
5. Correas G. Vocabulario de refranes y frases proverbiales. Madrid : Tip. de la Rev. de archivos, bibliotecas y museos, 1924. 662 p.
6. Богданова Е. В. Историческая память о военных победах и поражениях (на материале испанских паремий) // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Института иностранных языков / под ред. Е. А. Никулиной, Е. Е. Беляевой. М. : МПГУ, 2018. С. 223–225. EDN: YTWHFJ
7. Diccionario de la lengua española. URL: <https://dle.rae.es/Flandes> (дата обращения: 09.08.2022).
8. Sbarbi y Osuna J.-M. Florilegio o Ramillete alfabético de refranes y modismos comparativos y ponderativos de la lengua castellana, definidos razonadamente y en estilo ameno. URL: <https://archive.org/details/florilegioorami00osungoog/page/n117/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 09.08.2022).
9. Junceda L. Diccionario de refranes, dichos y proverbios. 5ª ed. Madrid : Espasa Calpe, S. A., 2015. 750 p.
10. Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles / dir. por M. Seco. 2ª ed. Madrid : JdeJ Editores, 2017. 961 p.
11. Montoto y Rautenstrauch L. Personajes, personas y personillas que corren por las tierras de ambas Castillas. T. 1. Sevilla : Tip. Gironés, 1921. 359 p.
12. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Субботина. Т. 2. М. : Мысль, 1978. 575 с.
13. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М. : Художественная литература, 1967. 622 с.
14. Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas. 3ª ed. Barcelona : Espasa Libros, S. L. U., 2014. 982 p.
15. Doval G. Del hecho al dicho. Barcelona : Editorial Alba Libros, S. L. U., 2010. 423 p.
16. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М. : Художественная литература, 1973. 783 с.
17. Богданова Е. В. Литературные антропонимы в испанском языке // Преподаватель XXI век. 2020. № 4. С. 372–385. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-4-372-385>, EDN: GXAAPY

Поступила в редакцию 11.08.2022; одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 11.11.2022; accepted for publication 12.05.2023

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 269–277

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 269–277

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-269-277>

EDN: CZCUZU

Научная статья

УДК 821.161.1.09+929

«Новая женщина» или «сверхженщина»? Проект Серебряного века

М. В. Михайлова , А. В. Назарова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Михайлова Мария Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, mary1701@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-6588>

Назарова Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, raznastas@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3579-861X>

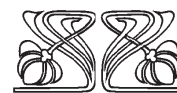
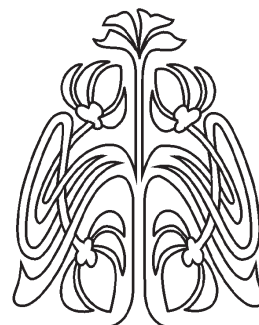
Аннотация. В статье проанализированы художественные тексты и критические выступления женщин и мужчин-литераторов рубежа XIX – начала XX вв., в которых наиболее ярко и оригинально разработаны гендерные ролевые модели – «новая женщина» и «сверхженщина». Обе модели женственности отразили ломку привычного гендерного порядка и формирование новой системы ценностей, в том числе в самой литературе. Связанный с названными типами комплекс феминистских идей интересовал не только представителей «высокой» словесности. На проблему женской эмансипации также откликнулись создатели продукции для массового читателя, которая впитала в себя и реалистические традиции, и открытия модернизма. Модель «сверхженщины» с опорой на ницшеанское видение попытались представить Н. М. Минский в пьесе «Альма» и В. Я. Брюсов в «Последних страницах из дневника женщины». Поле деятельности для «новой женщины» наметили Е. А. Нагродская и А. А. Вербицкая в романах «Гнев Диониса» и «Ключи счастья». Тем не менее во всех этих произведениях героини терпели крах, так как или становились преступницами, или вставали перед неразрешимой проблемой: осуществление репродуктивной функции или творческая самореализация. Альма теряла силы в борьбе за личную свободу, брюсовская Натали становилась убийцей, Татьяна Нагродской возвращалась под семейный кров, Маня Вербицкой, добившись высот в искусстве балета, все же кончала с собой. И только М. Горький предложил «решение» вопроса в романе «Мать». Сделав свою героиню возрастной женщиной, он вывел ее из детородного возраста. Таким образом, она смогла стать матерью всех обездоленных, борцом за свободу. Так пролетарский писатель наметил пути вызволения женщин из тенет гендерного неравенства. Ниловну действительно можно считать «новой женщиной». И этот утопический проект оказалось возможным реализовать в советское время, проигнорировав реальные проблемы гендерных противоречий.

Ключевые слова: «новая женщина», «сверхженщина», Серебряный век, массовая литература, бестселлер, женское творчество, материнство, Ницше, марксистский феминизм

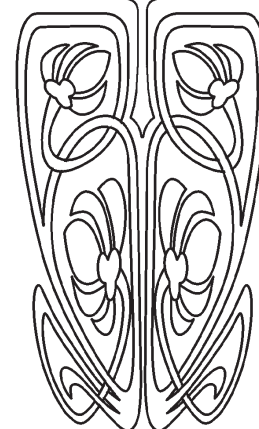
Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-78-10100).

Для цитирования: Михайлова М. В., Назарова А. В. «Новая женщина» или «сверхженщина»? Проект Серебряного века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 269–277. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-269-277>, EDN: CZCUZU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

A “new woman” or a “superwoman”? A Silver Age project

M. V. Mikhailova , A. V. Nazarova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Maria V. Mikhailova, mary1701@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-6588>

Anastasia V. Nazarova, raznastas@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3579-861X>

Abstract. The article analyzes literary texts and critical speeches of women and men-writers of the turn of the 19th – early 20th centuries, where the gender role models of the “new woman” and “superwoman” received the most vivid and original embodiment. Both models of femininity reflected the breaking of the usual gender order and the formation of a new system of values, in literature itself as well. The complex of feminist ideas associated with these types of models interested not only representatives of “high” literature. The creators of products for the mass reader, which absorbed both realistic traditions and the discoveries of modernism, also responded to the problem of women’s emancipation. N. M. Minsky in the play *Alma* and V. Bryusov in *The Last Pages from the Diary of a Woman* tried to present the model of the “superwoman” based on the Nietzschean vision. The field of activity for the “new woman” was outlined by E. A. Nagrodskaya and A. A. Verbitskaya in the novels *The Wrath of Dionysus* and *The Keys of Happiness*. Nevertheless, in all these works, the heroines failed, because they either became criminals, or faced an insuperable problem: actualizing the reproductive function or creative self-realization. Alma lost strength in the struggle for personal freedom, Bryusov’s Natalie became a murderer, Nagrodskaya’s Tatiana returned to the family shelter, Verbitskaya’s Manya, having achieved success in the art of ballet, committed suicide. And only M. Gorky in the novel *Mother* offered a solution: he put his Nilovna past the childbearing age and made her a freedom fighter for others. Thus, he managed to outline ways to rescue women from the snares of gender inequality. Nilovna can really be considered a “new woman”. And this utopian project turned out to be possible to implement in Soviet times by ignoring the real issues of gender controversies.

Keywords: “new woman”, “superwoman”, Silver Age, mass literature, bestseller, women’s creativity, motherhood, Nietzsche, Marxist feminism

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10100).

For citation: Mikhailova M. V., Nazarova A. V. A “new woman” or a “superwoman”? A Silver Age project. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 269–277 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-269-277>, EDN: CZCUZU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 1860-х гг. наравне с идеей построения «нового человека» начала формироваться особая социальная конструкция «новой женщины» [1]. Будучи мужчинами, «новые люди» обладали многими привилегиями, которых были лишены их современницы, что понимали и сами радикалы-шестидесятники. Именно по этой причине им казалось, что в «настоящих условиях» именно женщина «всего легче способна сделаться “новым человеком”»: в отличие от нее представители сильного пола нуждаются в освобождении «не столь остро» [1, с. 45], а значит, не способны быстро отказаться от предрассудков и привычных норм поведения. Тем самым в «нулевом» социальном положении женщины носители прогрессивных идей видели «благодатную почву для антропологических экспериментов» и стремились раскрепостить ее «самым энергичным образом» [1, с. 45]. В результате в отечественной литературе появилась целая галерея «новых женщин». В произведениях И. С. Тургенева («Накануне», «Новь»), Н. С. Лескова («Некуда», «На ножах»), И. А. Гончарова («Обломов», «Обрыв»), в книгах писателей демократического направления – Н. Г. Чернышевского, В. А. Слепцова, И. А. Кушневского, а также в антинигилистических романах А. Ф. Писемского, В. В. Крестовского, В. П. Ключникова и других авторов можно обнаружить образ «женщины не только с

пробудившимся сознанием, но и со стремлением отстаивать свободу собственной личности и выразить себя в активной деятельности» [2, с. 3].

Очередной виток популярности типа «новой женщины» пришелся на рубеж XIX–XX вв.: ее фигура появляется в художественных текстах, принадлежащих перу как реалистов (М. Горький, А. И. Куприн и др.), так и представителей модернистского течения (З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсов и др.). В то же время стоит отметить, что в числе авторов, осмысливших в этот период новую модель женственности, оказались не только художники слова, которых в современной науке о литературе принято относить к ее «высокому» пласту, но и создатели продукции для массового читателя (А. А. Вербицкая, Е. А. Нагродская и др.). Думается, этот факт свидетельствует о том, что в начавших стремительно меняться общественно-экономических и культурных условиях героиня, которая решила изменить свою судьбу, освобождаясь из-под власти социальных и моральных законов, давала ответ на главный вопрос, вставший перед большинством современниц в новую историческую эпоху: как соотносить выполнение природного предназначения и участие в социальной жизни? Иными словами, как выполнять обязанности жены и матери и при этом состояться в профессии?

Вместе с тем распространение идей эмансипации и возрастающая популярность философии Ф. Ницше привели к появлению в литературе Серебряного века еще одной ролевой модели – «сверхженщины». И хотя Ницше не предполагал соперницы для своего «сверхчеловека», такое неминуемо должно было произойти, если следовать исторической логике. Как и «новая женщина», «сверхженщина» также отвергала существующий общественный порядок распределения гендерных ролей, следовала непривычным для большинства правилам поведения, отрицала утвердившиеся морально-этические установки. Она отстаивала «самостоятельность, бунтарство», противостояние «стереотипам и ожиданиям женской роли в семье и обществе, особенно в области сексуальности» [3, с. 56]. Но если в представлении читательской аудитории главными характеристиками «новой женщины» были следование высокому идеалу общечеловеческой любви и служение делу освобождения угнетенных, то «сверхженщина» на первое место выдвигала принципиально иные ценности: культ красоты, самообожествление, идею абсолютной свободы, в том числе свободы от романтических чувств и «от любви к детям» [4, с. 87]. Однако в реальности все же больше дискутировали о месте «новой женщины» в социуме, раскованной, освобождающейся от принуждений патриархального общества, активно включающейся в общественную деятельность.

К программным заявлениям русского феминизма можно отнести эстетическое обоснование сферы деятельности «новой женщины», которое предприняла Л. Д. Зиновьева-Аннибал, написавшая об этом в рецензии на роман Жоржет Леблан, элегантно обошедшая острые углы. Она призвала женщин любить свой пол, обожествлять свою красоту и творить добро. В унисон с французской писательницей она заявила: «...мечтаю о женщине, образом своим и мыслью воплотившей наибольшую меру возможной красоты и совокупившей свою силу с моей силой, чтобы вместе служить одинаковым идеям» [5, с. 61]. И так, красота составляет условие идейного объединения женщин, которое повлечет за собой раскрытие «доброй красоты всех вещей» [5, с. 61].

Впрямую об оттеснении материнства как главной обязанности женщин на второй план заговорила марксистка Александра Коллонтай. Причем сделала это, опираясь на литературный материал – роман Е. А. Нагродской «Гнев Диониса» (1910), пользовавшийся в обществе колоссальным успехом (он выдержал за 7 лет больше 10 изданий). Другие критики в большинстве сво-

ем сосредоточились на том, как автор восприняла и интерпретировала теорию Отто Вейнингера о женских и мужских компонентах в личности человека. Коллонтай же предпочла обсудить финал романа, который прочла как капитуляцию женщины перед трудностями самореализации. В нем она увидела авторскую «клевету» на «свою Таню», которая на протяжении текста произведения неизменно являла себя «смелой, цельной» личностью [6, с. 13]. Ее вывод был однозначен: если автор хотела показать «новую женщину», ей следовало отбросить притязания мужчин (мужа и любовника) на обладание ее душой и телом, забрать ребенка и отправиться в неизвестность будущего, созидая и совершенствуя свою личность. Правда, Коллонтай не конкретизировала, как и на какие деньги будет Тата содержать ребенка, как ей удастся выкраивать время для занятий живописью. Главное было произнести заветное: новая женщина должна ощущать себя свободной и действовать, преследуя цель самореализации в профессиональной сфере. Тогда она станет полноценной личностью, реализовав заложенные в ней таланты. Заметим, что Коллонтай исключала из сферы самореализации любовное чувство. О любви не шла речь. Это потом, позже, она отведет любви подобающее ей, весьма незначительное место: возникнет версия «любви пчел трудовых», которая есть «лишь одна из сторон» жизни подлинно «новой женщины», где «много других смыслов» [7, с. 89].

В то же время в произведениях некоторых современниц Коллонтай отчетливо звучало предостережение об опасности для «новой женщины» утраты способности глубоко и самозабвенно любить, заботиться о близких. В полном отказе от традиционной роли они видели угрозу перерождения женщины в едва ли не бесполое существо, лишенное своей уникальной феминной, а по сути, собственно человеческой природы. Наиболее яркой и наглядной иллюстрацией возможных последствий этого процесса стало творчество Н. А. Лухмановой, которая в прозе, драматургии и публицистике неоднократно обращалась к проблеме эмансипации, «освещающей проблемы различных социальных слоев» [8, с. 134]. И хотя писательница была убеждена в необходимости активного вовлечения женщин в общественную жизнь, достойной оплаты их труда, изменения подходов к воспитанию и образованию девочек и девушек, семья всегда оставалась для нее незыблемой ценностью, что позволяет охарактеризовать ее взгляды, сколь бы парадоксально ни звучало это определение, как «охранительный феминизм».

На формирование позиции Лухмановой в немалой степени повлияли непростые личные обстоятельства: все ее попытки построить семью окончились неудачей, а наиболее тяжелые воспоминания писательницы были связаны с первым браком, когда она, рано оставшаяся сиротой, усилиями предприимчивых родственников была выдана замуж за человека гораздо старше себя [9, с. 338]. По этой причине в своем творчестве Лухманова не раз затрагивала тему неравных браков, которые называла «легальным убийством», а одним из центральных образов в ее произведениях стал образ «девочки-жены», насильно выданной замуж и осознавшей всю трагичность своего положения [9, с. 338]. Тем самым писательница стремилась не только осмыслить собственный опыт, но и вскрыть подлинную сущность такого рода союзов, что помогло бы избежать ловушки несчастливой брака многим ее современницам.

Лухманова была убеждена, что главной причиной, по которой молодая женщина часто оказывается жертвой возрастного мезальянса, является потребительское отношение к браку в современном обществе. В основе такого положения вещей она видела укоренившийся гендерный порядок, в результате которого женская красота и юность превратились в товар, а их обладательница, находясь в условиях экономической и социальной зависимости, вынуждена фактически продавать себя или быть проданной родней тому, кто предложит за ее физические достоинства самую высокую цену. Таким образом, в творчестве писательницы брак по расчету отождествлялся едва ли не с легализованной проституцией, что, по ее мнению, закономерно вело к разрушению самого института семьи. Но не только женщины, но и мужчины виделись Лухмановой жертвами установившегося порядка. Они нередко попадали в сети авантюристок и «ложных детей» (т. е. тех, кто изображает молодость и невинность). А это грозило неизбежным разорением обманутого «покровителя», а подчас и его гибелью. Так, в произведениях Лухмановой возник новый тип, который она назвала «женщина-андрожин» (т. е. андрогин) [9, с. 339]. Вот в него-то и переродилась «девочка-жена», использующая все преимущества возрастной инфантильности.

Этот тип появляется в прозе и публицистике писательницы («В плену страстей», 1896; «Андрожин», 1904; «Стильная женщина», 1904). А в одноактной пьесе «Новая женщина» (1902) вокруг него разворачивается сюжетная коллизия. На первый взгляд, в основе конфликта лежит традиционное противостояние свекрови и невестки. Мать мужа Настасья Андреевна

недолюбливает его жену Евгению Павловну. Но причина ее неприязни кроется отнюдь не в борьбе за главенство в доме или в материнской ревности. Свекровь смущают легкомыслие невестки, ее безудержные траты на наряды, любовь к удовольствиям и нежелание иметь детей, т. е. отсутствие у той «сознания своего положения замужней женщины» [10, с. 353]. Настасья Андреевна пытается вразумить сына (а заодно и своего мужа, также потакающего капризам молодой женщины), который не может отказать жене в ее бесконечных просьбах, но в этом столкновении безоговорочную победу одерживает Евгения Павловна. Она с легкостью разбивает все доводы Настасьи Андреевны единственным аргументом: нормы поведения женщин прошлого безнадежно устарели. Если ее предшественницы «были страшно добродетельны» и целиком посвящали себя мужу и детям, то представительница нового поколения открыто заявляет: «...мы хотим только жить и наслаждаться жизнью. Мы ненавидим слезы, <...> ненавидим драмы, <...> не молим у судьбы детей – без них удобнее», а «из своих мужей делаем себе веселых и милых товарищей» [10, с. 355–356]. Однако обе позиции в трактовке автора представляются в равной мере уязвимыми. Если свекровь чрезмерно идеализирует былые времена, то юная жена демонстрирует «холодную расчетливость» [9, с. 339]. И хотя мужчины семейства Зиновьевых считают Евгению Павловну ребенком, в действительности они поменялись с ней ролями. Именно героиня с легкостью манипулирует мужем, свекром, а также поклонником, с помощью комплиментов и небольших «спектаклей» заставляя их поступать так, как нужно ей: «Надо так мало женщине умной, чтобы получить так много от мужчин» [10, с. 343], – со смехом говорит она.

При этом мужчины в качестве объектов романтических притязаний совершенно не интересуют Евгению Павловну. Героиня жаждет не любви, а мужского восхищения, она отвергает кокетство и адюльтер, т. е. остается добродетельной, что и вызывает у мужа, выступающего в пьесе в качестве резонера, «безумную страсть» [10, с. 356]. Сама же при этом всегда остается «холодной». Евгения Павловна ищет не любовных утех, а успеха, хочет быть покорительницей сердец, примеряет на себя роль, которая обычно отводится в обществе мужчинам. Она, по собственным словам, желает «всем нравиться», чтобы «меня любили все окружающие меня, чтобы <...> в моем присутствии забывали всех женщин» [10, с. 355]. Тем самым героиня фактически вступает на мужскую территорию и сознательно следует

мужской модели поведения, искусно пользуясь личиной женственности. Муж прекрасно понимает суть ее характера: «она кажется хрупкой, как игрушка, и у нее железная сила воли во всем, она обожает тряпки, наряды и в то же время в хозяйстве знает цену последнего гроша» [10, с. 356]. То есть ей оказываются присущи такие традиционно приписываемые мужчинам качества, как напористость, решительность, рациональность и даже жесткость, что можно рассматривать как своего рода «мутацию» женской природы (намеком на это служат и слова свекрови о самообожании [10, с. 355]).

В результате «мужской стиль» поведения накладывает отпечаток не только на поступки и склад личности Евгении Павловны, но и на ее внешность. Героиню нельзя назвать мужеподобной, однако в описании ее облика не раз подчеркивается худоба: она «стройна, тонка, очень “декадентна”» [10, с. 341], носит узкое, сильно декольтированное платье [10, с. 342], которое открывает спину, где «виден каждый позвоночек» [10, с. 344]. Евгения Павловна напоминает скорее подростка, нежели сформировавшуюся и готовую к материнству женщину. Таким образом, Лухманова подчеркнула не только желание героини следовать последней моде, но и отсутствие у нее как внешней, так и внутренней мягкости, т. е. душевного тепла, нежности и сострадания, которые исконно ассоциируются в сознании социума с женской природой. По той же причине эта милая особа равнодушна не только к роли матери и хранительницы очага, но и женскому труду. Например, во время примерки она мнет шляпы, которые принесла модистка, не задумываясь о том, что стоимость испорченных вещей будет вычтена из без того скудного жалования работницы, а горничную, по собственному признанию, «никогда не считала выше комнатной собачки» [10, с. 347]. Лухманова осуждает столь презрительное отношение героини к другим женщинам, однако она убеждена, что ответственность за подобный взгляд современных ей представительниц слабого пола на мир и их стремление к реализации лишь в сфере наслаждений, а не трудовой деятельности или семейной жизни, лежит прежде всего на мужчинах. Недаром муж Евгении Павловны в разговоре с матерью признается: «...такой мы, мужчины, ее сделали, она не годится быть матерью, она не может быть женой в высоком смысле», но тут же добавляет: «она пара мне, мне с ней спокойно, легко, весело» [10, с. 356].

По мысли автора пьесы, чтобы выжить, женщина вынуждена приспособливаться к

миру мужчин, в результате чего она учится обманывать, удовлетворяя потребности мужской половины человечества и делая вид, что это нравится и ей. Постоянное же лицедейство и погоня за материальными благами незаметно, но необратимо искажают женское начало, так как копирование мужской модели поведения неизбежно оборачивается «появлением подобных хищных типов» [9, с. 340]. По мнению Лухмановой, подобный «зигзаг» меняет цели эмансипации: вместо освобождения женщина попадает в новую кабалу навязываемых стереотипов. Евгения Павловна и оказывается тем бесполом «андрожином», который не приспособлен ни к какой плодотворной функции. Вот почему в названии пьесы – «Новая женщина» – слышится горькая ирония автора.

Однако для многих писательниц, которые, как и Коллонтай, не соглашались с утверждением, что интересы женщин ограничиваются любовной сферой, стало задачей изображение женщины, способной ощутить полноценное существование, только освободившись от любовного чувства. В этом плане новаторской можно считать повесть Веры Рудич «Ступени» (1913), где восхождение женщины на вершины человеческой индивидуальности соответствует постепенному отказу от любовных отношений. Лидия становится «новой» женщиной, когда преодолевает желание любить и быть любимой. И последней «ступенью» для героини оказывается возможность реализации именно в творчестве. Причем творческий процесс подменяет сексуальное наслаждение и четко ассоциируется с оргазмом: нечто «неведомо откуда встает в мозгу и таким вихрем клубится там, что подымает с места: встаешь и ходишь по комнате с невидящими глазами, с остановившейся улыбкой, вся напряженная до боли» [11, с. 71]. А «потом яркий миг, когда напряжение выливается в творческом порыве. И потом на время та же усталость и какое-то холодное, иногда неприязненное даже отчуждение от того, что за минуту заслоняло весь свет» [11, с. 73–74]. Причем качество создаваемых текстов оказывается принципиально неважным, однако этот значимый для Рудич момент остался незамеченным современниками. Можно предположить, что тем самым писательница намеренно выводила женские творения из поля эстетической оценки, носителями которой всегда выступали мужчины, и выдвигала на первый план именно «неистощимую потребность» женщин в творчестве, способную как ничто иное подарить им «немыслимое ощущение счастья» [12, с. 227].

Как видим, этот тип совершенно не укладывается в ту градацию, которую вслед за Ю. М. Лотманом воспроизводят современные исследователи: любящая женщина со свойственными ей покладистостью, сострадательностью и признанием главенства мужчины в их союзе; героический тип, обладающий «выраженными лидерскими качествами», стремящийся к проявлению себя в публичном пространстве; «демонический характер, смело разрушающий все условности созданного мужчинами мира» [13, с. 52; 14, с. 107]. Совершенно очевидно, что это ни то, ни другое, ни третье, а нечто совершенно новаторское.

Еще более радикальным выглядит проект, предложенный нелепой Надеждой Санжарь, над желанием которой реализоваться в рождении «нового человека», зачатого от мужчины-гения, как известно, потешались все представители мужского культурного сообщества Петербурга. Сакраментальный вопрос, заданный Блоком Иванову: «Дан ли зародыш. Не скупитесь» [15, с. 373], – казалось, уничтожил всю выстроенную ею конструкцию. Однако все было не столь однозначно: Санжарь не отказывалась от биологического функционирования женского организма. Напротив, именно свое тело она видела как некий исходный материал для сотворения принципиально нового существа. В подобном взгляде нельзя не увидеть подспудной ассоциации себя с Богородицей, о чем также свидетельствует и разрешение самой «конфликтной» сцены в ее «Книге о человеке» (1916), когда, поняв, что для зачатия избранник не подходит, она переворачивает ситуацию, делая потенциального любовника своим ребенком. Он «робко» расстегивает ей блузку, «благочестиво» целует грудь, прикладывается к ней, «как верующие прикладываются к иконе»: «Мамочка, прости меня, дурака, Христа ради!» [16, с. 156]. И, воскресая, он шепчет: «Да, да, мамочка! Я понял, ты не женщина, ты сверхъестественное существо, ты что-то такое, чего еще на свете не было» [16, с. 155]. Произошедшее позволяет ей удовлетворенно констатировать: «И так добытых, так переделанных сыновей у меня уже есть немало» [16, с. 156]. Перед ней находился уже не «грубый властелин», каким был мужчина прежде, а «дитя, дитя, мною рожденное» [16, с. 156]. Следовательно, она становится не «новой женщиной», но тем существом, которое можно, наверное, назвать и «сверхженщиной» (если убрать из слова негативную ницшеанскую коннотацию), которое способно одаривать мир «новыми людьми». Все это выглядит довольно кощунственно и провокационно по отношению

к традиционным религиозным ценностям, но Санжарь намеренно идет до конца. Позднее она воспримет свое тело уже как ««станок», как верстак, как двигатель» [17], способный порождать «духовных детей», т. е. книги. И название знаменитого романа Виктора Маргерита «Твое тело принадлежит тебе» (1927) как нельзя более применимо к жизненной практике Санжарь.

Надо заметить, что отказ от индивидуального материнства и замена его «коллективным», в результате чего ребенок оказывается «общественным достоянием, своего рода “сыном полка”», становится характерным признаком «новой женщины» уже советского образца [18, с. 155]. Недаром можно говорить о появлении столь большого количества учительниц в произведениях писателей 1920–1930 гг. Например, «Галина» (1918) А. С. Серафимовича, Ксения в «Одеяле из лоскутьев» (1934) Любви Копыловой, прошедшая искусы и соблазны Серебряного века, отринувшая его красоты, но воспринявшая его духовное начало.

Еще более интересным представляется вопрос о генезисе образа «сверхженщины», тем более что Санжарь и себя устами собеседника, как уже упоминалось, характеризовала как «сверхъестественное существо» [16, с. 155]. Является ли он вариацией одного из вышеназванных типов или представляет собой самостоятельную и принципиально новую для русской литературы модель героини? В «сверхженщине» можно обнаружить отзвуки «демонического» и «героического» типов. Так, в большинстве случаев отказ от традиционных ценностей и гендерной роли приводит представительниц «демоническо-рокового типа» к трагическому итогу жизни: самоубийству или убийству, которое совершает мужчина, планомерно доведенный до этого шага ее происками и интригами [14, с. 108].

Яркий пример подобного «возмездия» можно обнаружить в принадлежащем перу Е. А. Нагородской сценарии «художественной кинодрамы» «Ведьма» (1916). В финальной сцене один из обманутых авантюристок, выдававшей себя за актрису, выступавшую под экзотическим именем Нея Рей, мужчин заманивает ее на уединенную дачу и, привязав к колонне, поджигает. Его поступок объясняется постепенным умопомешательством, виновницей которого является героиня, поссорившая его «с большой выгодой для себя» с двумя друзьями, погубив заодно и их [19, с. 280]. Однако такое завершение «кинодрамы» свидетельствует о понимании ее автором задач массового искусства, играющего «на низменных потребностях толпы (жажда

впечатлений, наслаждение от страданий, кровожадность») [19, с. 281], но обеспечивающих им сверхпопулярность у аудитории, и сознательном балансировании на грани между идейностью и популярностью.

Тем не менее, бесовство «демонических женщин» порой позволяет им удачно миновать все западни, как это делает брюсовская Natali из его повести «Последние страницы из дневника женщины», провоцируя убийства и самоубийства окружающих ее мужчин, но сама успешно избегающая расставленных ловушек. И такое поведение «коварной искусительницы», ее стремление к свободе и осуществлению собственных целей, за которым видится попытка «бороться с мужчинами на их поле и в их мире», представляется «неженским» и осуждается обществом [14, с. 109], о чем заявила Е. А. Колтоновская, увидевшая в Natali «отпечаток» индивидуальности самого Брюсова. На мужской территории действует и героическая женщина (к этому типу относятся так называемые «пифагоры в юбках» и «горячие сердца»), которая, как правило, преодолевает «какие-либо трудности, препятствия» [13, с. 55], связанные с желанием творческого, научного или общественного самоосуществления. Но в отличие от демонической женщины последняя не стремится использовать мужской пол в корыстных целях, скорее, она просто отказывается вступать с ним в какие-либо отношения. Но нередко ею движет альтруизм и человеколюбие, поэтому в общественном сознании деятельность женщины героического типа могла вызывать и одобрение. Так, на рубеже XIX–XX вв. героические женщины, хотя уже и выступили как террористки, но при этом не подверглись ostracismу (ср. Маруся из «Рассказа о семи повешенных» Л. Н. Андреева).

Какие же дополнительные коннотации включил в себя образ «сверхженщины» и что обьявлялось обязательным условием счастья для нее? А главное – каков мог быть итог ее жизненного существования в глазах писателей и, что немаловажно, писательниц начала XX в., число которых стремительно увеличилось в эту эпоху? Ответ на этот вопрос попыталась дать А. А. Вербицкая в романе «Ключи счастья» (1909–1913), ставшем одним из бестселлеров начала XX столетия. В основе произведения история превращения бедной воспитанницы женского института Мани Ельцовой, обреченной на незавидную судьбу гувернантки, во всемирно известную балерину-босоножку и рассказ о ее любовных увлечениях, которые тоже способствуют формированию новой модели существо-

вания. Но мелодраматический сюжет, в основу которого лег «миф о Золушке» [20, с. 70], был нужен Вербицкой, чтобы проследить духовную эволюцию героини, чьей главной целью является абсолютная свобода, в том числе и в сфере женско-мужских взаимоотношений. Запечатлевая этапы преобразования души Мани, каждый из которых отмечен встречей с «принцем» (Яном Сицким – князем, революционером и проповедником новой морали; Николаем Нелидовым – аристократом-помещиком и черносотенцем, Марком Штейнбахом – бароном и миллионером), писательница демонстрирует, как отказ от прежней женской роли грозит претендентке на статус сверхженщины, заводит Маню в тупик. И все оборачивается жизненным крахом, поскольку Маня не может ощутить гармонической слаженности образующих ее личность ипостасей. Надо при этом напомнить, что Маня является и матерью, и ее совсем не тяготят материнские обязанности. Будучи богатой, она вполне может не в ущерб роли матери заниматься творчеством. Но героиня постоянно мучается чувством необъяснимой неудовлетворенности и внутренней пустоты: «Я узнала радость творчества, радость борьбы и победы. Я добилась независимости и богатства. И Боже мой! До чего я бедна и жалка сейчас! Все мои сокровища оказались простыми булыжниками» [21]. Маня лишена внутренней цельности. И это, может быть, главное открытие Вербицкой, выводящей на поверхность конфликт природного и общественного в жизни женщины.

Причина личностного фиаско Мани, на первый взгляд, может быть объяснена жанровой спецификой «Ключей счастья», детерминированной «принципом серийности» [22, с. 102]. Дробление текста на части (роман, как известно, создавался в течение пяти лет) остро ставит вопрос целостности произведения, поэтому изображаемая картина мира должна оставаться незыблемой. То же касается и характеров персонажей, которые также являются константами в созданном автором художественном «универсуме». Но герои в итоге оказываются лишены личностного роста, так как это условие позволяет читателю оставаться в «зоне психологического комфорта» и, следовательно, сохранять интерес к произведению [22, с. 102–103]. Меняются только обстоятельства, усложняется событийный ряд. Однако все же героиня Вербицкой изменяется. Она как бы примеряет на себя различные роли, которые в совокупности и должны сделать ее «сверхженщиной». Но это-то желание и обуславливает трагический финал жизни Мани. Она убеждается, что полнота переживаний бы-

тия, основанная на отказе от всех социальных и межчеловеческих связей, иллюзорна, поскольку ведет, по сути, к полной утрате человечности, вот почему «нищанка», легко переступающая через чужие жизни, отказавшаяся от любви как главного человеческого чувства, остается лишь теоретической фантазией автора «Ключей счастья», вынесшей приговор «сверхженщине». В итоге феминизм Вербицкой оказывается мнимым: она возвращается к давней установке: главное содержание жизни женщины заключается в любви.

Предшественницей Мани можно считать Александру, или Альму, как ее называют близкие, появившуюся в «трагедии из современной жизни» Н. М. Минского «Альма» (1900). Альма последовательно «убивает» в себе все жизненные инстинкты, отказываясь от любимого человека и ребенка, а затем уходя из дома в приют для прокаженных (отзвуки ибсеновской «Норы» довольно ощутимы в этой пьесе). Этим она стремится доказать свою принадлежность к новому человеческому типу и одновременно изменить окружающих ее людей, помочь им избавиться от всех привязанностей и таким образом обрести абсолютную свободу. Однако цель Альмы оказывается неосуществимой, ведь, разорвав связь с миром, отказавшись от привязанности к жизни и людям, героиня оказывается отрезана от живых людей, хотя и жаждет помочь им. Чаемая ею безграничная индивидуальная свобода в осуществлении желаний наперекор принятым установкам оборачивается своеволием, выглядит как самолюбование и в итоге приводит к небытию. И хотя подруга Альмы Софья перед смертью той клянется продолжить ее начинания, можно усомниться в успехе этого намерения, ведь выступающая своеобразным двойником героини, она в духовном плане очевидно слабее нее. Любовь к мужу она заменяет преданностью Альме и, узнав, что та заразилась проказой, из жалости дает ей яд, т. е. так и не может избавиться от «слишком человеческой» («низменной», по убеждению Альмы) части своей природы и приблизиться к сверхчеловеческому идеалу. В результате читатель приходил к заключению, что сверхженщине нет места в реальной действительности, поскольку ее устремления входят в противоречие с самой жизнью, вот почему она обречена на гибель. Чтобы ею стать, она должна убить в себе все «женское».

Как представляется, подобный неутешительный для сверхженщины (а часто и «новой женщины») вывод свидетельствует в немалой степени о том, что большинству авторов (неважно – мужчин или женщин), пытавшихся скон-

струировать этот тип в своих произведениях, так и не удалось выйти за рамки традиционной культурной парадигмы, в которой представительница слабого пола отождествляется «исключительно с телом и его функциями – детородными и сексуальными» [23, с. 179], даже если происходила подмена биологического – духовным. То есть разговор так или иначе сводился к любви.

Неожиданное решение предложил М. Горький, который в романе «Мать» (1906), выведя свою Ниловну из детородного возраста, сумел дать ей поле деятельности для подлинного воскресения и раскрепощения. Таким образом, борцом за свободу становилась женщина, уже не мучающаяся «раздвоением». Перед Ниловной не стоит выбор: рожать или отдаться борьбе. Она свободно выбирает второе, исполнив в прошлом свой долг. Это можно считать своеобразной уловкой, которую позволил себе мастер, спасовав перед неразрешимостью гендерных проблем. Но в то же время выбор этой героини раскрывает и суть горьковского понимания материнства, в котором писатель видел не только бескорыстную любовь и абсолютное всепрощение, но прежде всего предельную активность и нравственное соучастие, и с этой точки зрения Ниловну действительно можно считать «новой женщиной». Немаловажно и то, что предложенный Горьким утопический проект оказался реализуем в советское время, когда функция материнства перестала предусматривать погружение в хозяйственно-бытовые вопросы и ограничивалась рождением новых членов социалистического общества, которое «берет на себя организацию воспитания, здравоохранения и обучения, тогда как женщина в первую очередь остается равноценным членом трудового общества и коллектива» [24, с. 22]. Правда, здесь игнорировались именно материнские чувства, не обсуждалось, как это скажется на психологии ребенка. Вот почему, например, звучащий в ряде рассказов современника Горького Н. Н. Никандрова мотив «отчуждения» детей от матери, неспособной выполнять свои обязанности, получает отчетливо негативный оттенок, намекая читателю, что состоявшийся в реальности «разрыв связи мать/ребенок» [18, с. 155] в будущем грозит социуму большими бедами. Однако подступы к осуществлению этого проекта были намечены еще в Серебряном веке.

Список литературы

1. Гончарова О. М. Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1. С. 44–53.

2. Иванова Т. Н. «Новый» тип русской женщины в изображении И. С. Тургенева и Н. С. Лескова: Романы «Накануне» и «Некуда»: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 205 с.
3. Экконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 393 с.
4. Андрейчук К. Р. Русский ибсенизм и «женский вопрос»: героини Х. Ибсена в критической и литературной рецепции Н. М. Минского и Д. С. Мережковского // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. 80–93. <https://doi.org/10.17223/18137083/79/6>
5. Аннибал Л. Georgette Leblanc. La choix de la vie // Весы. 1904. № 8. С. 60–62.
6. Коллонтай А. В. Новая женщина // Коллонтай А. В. Новая мораль и рабочий класс. М.: Всерос. центр. испол. ком. сов. р. к. и к. д., 1918. С. 3–35.
7. Айвазова С. Г. Свобода и равенство советских женщин // Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. С. 66–99.
8. Левицкая Т. В. «Женский вопрос» в освещении Н. А. Лухмановой // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 3. С. 133–142.
9. Левицкая Т. В. Чего хочет «новая женщина»? // Писатели и критики первой половины XX века: предшественники, последователи (незабытые и забытые имена) / под ред. Л. А. Колобаевой, С. И. Кормилова, А. В. Назаровой, сост. А. В. Назарова. М.: Common Place, 2021. С. 337–340.
10. Лухманова Н. А. Новая женщина // Писатели и критики первой половины XX века: предшественники, последователи (незабытые и забытые имена) / под ред. Л. А. Колобаевой, С. И. Кормилова, А. В. Назаровой, сост. А. В. Назарова. М.: Common Place, 2021. С. 341–358.
11. Рудич В. И. Ступени. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1913. 79 с.
12. Михайлова М. В. Эротическая доминанта в прозе русских писательниц Серебряного века // Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: эпоха модернизма: сб. ст. / под ред. Д. Г. Иоффе. М.: Ладомир, 2008. С. 221–240.
13. Кардапольцева В. Н. Женские лики России. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. 158 с.
14. Потехина Е. А. Культурные модели феминного: роковая женщина и женщина-вамп // XX юбилейные Царскосельские чтения: материалы Междунар. науч. конф., 20–21 апреля 2016 г.: в 3 т. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. Т. 1. С. 106–111.
15. Блок А. А. Письма к Вяч. Иванову (1907–1916) // Блоковский сборник II: Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту: [б. и.], 1972. С. 373–384.
16. Санжарь Н. Д. Книга о человеке: Первая. М.: Типолит. «Т. д. И. Ефимов, Н. Желудкова и К°», 1916. 188 с.
17. Санжарь Н. Д. Письмо А. К. Гастеву // РГБ. Ф. 266. Карт. 7. № 37. Л. 5. б/д.
18. Михайлова М. В. Материнство в рабочей среде (по произведениям Ник. Никандрова) // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016, г. Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк. М.: Смоленск: ИЭА РАН, СмолГУ, 2016. Т. 2. С. 153–155.
19. Михайлова М. В., Инь Л. Творчество хозяйки «нехорошей квартиры», или Феномен Е. А. Наградской. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова. Филологический факультет, 2018. 526 с.
20. Грачева А. М. Бестселлеры начала XX в. (К вопросу о феномене успеха) // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Имена. Проблемы. Факты. Вып. 1. М.: Изд-во Московского ун-та. С. 61–75.
21. Вербицкая А. А. Ключи счастья. URL: <https://litlife.club/books/218490/read?page=85&ysclid=lb0iaj2nbm869143078> (дата обращения: 28.11.2022).
22. Кленова Ю. В. Творческие доминанты авторов женского романа (На примере произведений А. Вербицкой и Д. Донцовой) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54): в 4 ч. Ч. 4. С. 101–104.
23. Трофимова Е. И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 178–188.
24. Хлопонина О. О. Женский мир в русской культуре рубежа XIX–XX вв.: типологические характеристики и художественная репрезентация // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия, социология, культурология. 2014. № 7. С. 19–24.

Поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 14.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 12.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 278–284

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 278–284

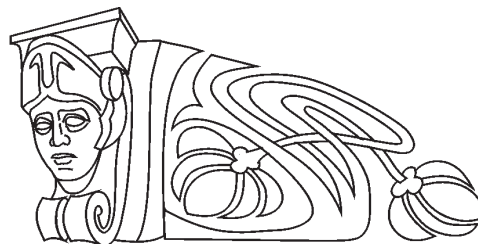
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-278-284>, EDN: QOLQJU

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Бунин

«Странная мистическая деревня» в повести И. А. Бунина «Суходол»: к проблеме источников

Н. В. Мокина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мокина Наталия Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, nat.mokina2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6314-0823>

Аннотация. Предмет исследования в статье – образ Суходола в повести Бунина и его возможные источники. Автор полагает, что основными прецедентными текстами для бунинской повести и воплощенной в ней концепции национальной жизни и национального характера являются романы Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» (что уже отметили исследователи) и А. Белого «Серебряный голубь». Бунин и полемизирует с писателями, и развивает их представления о сущности русского человека и русской жизни. Знаками «присутствия» романа Достоевского, а также фактов биографии писателя оказываются основные сюжетные коллизии, особенности психологического комплекса суходольцев (их странность, «горячее сердце», актерство и др.) и топонимы. На роман А. Белого указывают ключевые антиномии в осмыслении судьбы русского человека (Запад – Восток, цивилизация – первобытно-грубый мир, сакральное – демоническое, рай – ад), локусы (усадыба и деревня), вещные детали и имена героев. В то же время в суходольской жизни можно увидеть и проявление универсальных законов, представление о которых у Бунина складывается и под влиянием художественных открытий Э. По, автора новеллы «The Fall of the House of Usher». Об этом свидетельствуют основополагающая для поэтики двух произведений мысль о связи внешнего, в том числе и неорганического, мира, души и судьбы человека и формы ее репрезентации (общие опорные мотивы и цветовые доминанты в описании усадьбы, природного мира, облика героев, строя их души и др.), а также система образов.

Ключевые слова: Бунин, «Суходол», Достоевский, «Братья Карамазовы», А. Белый, «Серебряный голубь», Эдгар По, «Падение дома Эшер», параллели

Для цитирования: Мокина Н. В. «Странная мистическая деревня» в повести И. А. Бунина «Суходол»: к проблеме источников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 278–284. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-278-284>, EDN: QOLQJU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“A strange mystical village” in Bunin’s short novel *Dry Valley*: To the problem of sources

N. V. Mokina

Saratov State University, 83, Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia.

Natalia V. Mokina, nat.mokina2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6314-0823>

Abstract. The subject of research in the article is the image of the *Dry Valley* in Bunin’s short novel and its possible sources. The author believes that the main precedent texts for Bunin’s short novel and the concept of national life and national character embodied in it, are the novels by Fyodor Dostoevsky *The Brothers Karamazov* (as the researchers have already noted) and *The Silver Dove* by Andrey Bely. Bunin both argues with the writers and develops their ideas about the essence of the Russian character and the Russian life. The signs pointing at the ‘presence’ of Dostoevsky’s novel, as well as the facts of the writer’s biography, are the main plot collisions, special features of the psychology of the Dry Valley dwellers (their strangeness, warm-heartedness, posing etc.) and place-names. The novel by A. Bely is referred to by key antinomies in understanding the fate of the Russian person (West – East, civilization – primitive world, sacred – demonic, heaven – hell), loci (manor and village), material details and the names of the heroes. At the same time, in the Dry Valley life one can also see the manifestation of universal laws, the idea of which Bunin develops under the influence of the artistic discoveries of Edgar Allan Poe, the author of the short story *The Fall of the House of Usher*. This is evidenced by the idea, fundamental for the poetics of the two works, about the connection of the external world, including the inorganic one, with the soul and the fate of a person, and the form of its representation (common reference motifs and color dominants in the description of the estate, the nature, the appearance of the characters and their inner worlds, etc.), as well as the system of images.

Keywords: Bunin, *Dry Valley*, Dostoevsky, *The Brothers Karamazov*, A. Bely, *The Silver Dove*, E. A. Poe, *The Fall of the House of Usher*, parallels

For citation: Mokina N. V. “A strange mystical village” in Bunin’s short novel *Dry Valley*: To the problem of sources. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 278–284 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-278-284>, EDN: QOLQJU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Уже в первых рецензиях на повесть И. Бунина «Суходол» (1911) описанная в ней «странная мистическая деревня» истолковывалась как «общая родина» и «символ Руси» [1, с. 338], а суходольцы – как «символические российские граждане» [1, с. 330]. В современных исследованиях это представление о Суходоле дополняется наблюдениями об универсальных аспектах образа бунинской деревни как модели мира, структурообразующей в которой является дихотомия «рая» и «ада» [2, с. 211].

Признавая правомерность и обоснованность такого истолкования образа Суходола, остановимся на его источниках и системе приемов, с помощью которых реализуется тенденция к генерализации и в частном, конкретном открывается «родное» и «вселенское».

Примечательно, что доминирует в повести, на первый взгляд, антитетичная тенденция: рассказчики (представитель дворянского рода Хрущевых и бывшая крепостная Наталья) подчеркивают необычность и странность суходольского мира – быта и нравов [3, с. 134], преданий, любви и ненависти суходольцев [3, с. 158], их характера. Суходольцы – «страстные лентяи, мечтатели» [3, с. 137] и «страстные любители воспоминаний» [3, с. 135], они «горячие, как порох» [3, с. 135, 144], склонны к актерству и к любованию «ролью, взятой на себя» [3, с. 165], суеверны, готовы верить в «непреложность того, что будто бы должно быть», хотя сами же «и выдумывают это должное» [3, с. 171], и др.

Осмысление необычности суходольцев и ее причин составляет предмет рефлексий рассказчика – Хрущева, определяет развитие сюжета (формируемого историями о «необычной» любви и ненависти суходольцев и об их «нелепой» гибели [3, с. 158]) и поэтику композиции, ключевую роль в повести «парных» эпизодов, призванных указать на сходство судеб странных обитателей Суходола.

Источник этой общей необычности и «почти одинаковых жизней» [3, с. 134] дворян Хрущевых и их крепостных рассказчик видит в самом Суходоле, и порождающем «душу суходольскую».

Признание зависимости души и жизни человека от внешнего мира, природы и быта (в ранней редакции воплотившееся и в мотиве «рабства» у Суходола [3, с. 425]) имплицитно содержится в расширении семантики топонима Суходол (не только названия деревни и усадьбы, но и метонимического обозначения владельцев и дворовых), а также в общих опорных мотивах

в описании суходольцев, суходольской природы и интерьеров барского гнезда. Это, прежде всего, мотив огня – небесного и земного.

Грозовые пейзажи (небо, «полное огня» [3, с. 180–181], «огненные змеи молний» [3, с. 138]), интерьеры «много раз горевшего дома» [3, с. 139] поразительно соответствуют «горячим, как порох» суходольцам: их «горячим» жестам [3, с. 167], «прожигаящим» «глазищам» [3, с. 170], произносимым ими «первобытно-грозным» словам [3, с. 181].

Единство внутреннего и внешнего миров передается и с помощью цветовой гаммы, в которой доминирует черный цвет – один из знаков стихии огня [4, с. 31]: он сопутствует описанию неба (черно-лиловых туч [3, с. 138]), дома («черного» [3, с. 147] с «пустыми черными горницами» [3, с. 141], с черно-лиловыми бабочками, залетающими в гостиную [3, с. 141], с «черными иконами» [3, с. 180]) и суходольцев, во внешнем облике которых подчеркиваются «неправдоподобно-черные глаза» [3, с. 166], черные волосы [3, с. 160]. Обитательницы Суходола и называются черными женщинами [3, с. 173].

На сходство суходольской души и Суходола указывают и устойчивый эпитет «страшный» («страшной» считает историю рода Хрущевых рассказчик [3, с. 136], «страшная градовая туча» встает над Суходолом [3, с. 147], в «страшную ночь» приходит Юшка [3, с. 180] и др.), и мотивы глухоты и глуши. Эти мотивы также повторяются в описаниях местности (в «глушь» Суходола [3, с. 146] ведет «заглохшая дорога» [3, с. 137]), дома, окруженного «глухой крапивой» [3, с. 148] и «глухой, сумрачной» жизни суходольцев [3, с. 185]: «глухим голосом» читает Тоне Хрущевой балладу Жуковского влюбленный в нее Войткевич [3, с. 159], «глухой зловещей скороговоркой» произносит заговорные слова над Тоней колдун [3, с. 175], «глухо, странно, как во сне» бормочет Бодуля, рассказывая о смерти в «глухом поле» барина [3, с. 183, 184].

Однако акцентированию уникальности Суходола сопутствует и антитетичная тенденция – стремление обнаружить в частностях общее, что сам писатель признавал характерным для его восприятия жизни [5, с. 136], а исследователи считают основополагающим законом бунинского мировидения [6, с. 46]. Как и в других произведениях 1910-х гг., Бунин освещает рассказ о своих героях «огнями “вечных” маяков» [7, с. 30], и эсхатологический образ Суходола все более отчетливо обретает значение символа Руси.

Представление о Суходоле как «общей родине» формируется с помощью разных приемов: например, повторения в авторских словах о Руси «суходольских» мотивов – огня, глуши и глухоты, имплицитных единство «страшного», «огненного» мира суходольской «глуши» и «глухой Руси» [3, с. 140], с ее природными или космическими катастрофами («грозами и пожарами», вести о которых приходят в Суходол «отовсюду» [3, с. 177], кометой, «наводившей ужас на всю страну» [3, с. 183]).

Та же задача – изобразить Суходол как символ русского мира – определяет включение в повествование о суходольцах образов и мотивов сказок (об аленьком цветочке [3, с. 152–153], о Бабье-Яге [3, с. 139, 142, 186]), аллюзий на былички о черте [3, с. 170–171, 182], на «Повесть о Петре и Февронии», которая начиналась с упоминания о «неприятном летающем змее», посланном дьяволом к жене князя [8, с. 417]. Эта коллизия повторяется в видениях Тони Хрущевой, которую душил по ночам «змей эдемский, иерусалимский» [3, с. 180], и в историях о дьявольских наваждениях, пережитых матерью Тони и крепостной Натальей [3, с. 181].

Формой репрезентации «общерусскости» описываемого мира является и соотнесенность событий из жизни суходольцев с историческими событиями (Отечественной войной 1812 г., Крымской войной, крестьянской реформой), с христианскими праздниками, причем нередко в их «народных» именовании: «на Покров, престольный праздник в Суходоле, Петр Петрович назвал гостей» [3, с. 158], и ранним утром после праздника «нелепо» погибает старый барин; с конца Петровок начинаются новые драматические события в жизни Суходола (усиливаются «страх гроз, пожаров», «ожидания бед», болезнь барышни Тони [3, с. 176]); «в ночь под Илью Надеящего, древнего Огнеметателя» сбывается первый страшный сон Натальи, изменивший ее жизнь [3, с. 180], и т. д.

В целом элементы фольклорной поэтики, аллюзии и устойчивые в описании усадьбы опорные мотивы представляют «дикий, сказочный, первобытно-грубый мир» Суходола [3, с. 175–176] символом той Руси, какой видел ее Бунин – «еще не прожившей своих сказочных времен...» [9, с. 389]. Бунинская Русь напоминает и мир в его первозданности, и «тот свет» русских сказок, на что указывают демонические приметы в описании героев, доминирование в повествовании черного цвета и мотивов огня, безумия [10, с. 89], смерти. Танатологические коннотации содержит и название локуса-символа – Суходол

(сухой – знак мертвого [11, с. 108]), явно анти-тетичного мифологеме «Мать-сыра-земля» [12, с. 193], и небесный знак-символ – «горящее» над Суходолом созвездие Скорпиона, напоминающее «могильный голубец» [3, с. 143].

Дополнительные аспекты в образ Суходола-Руси включают аллюзии на произведения писателей, предшественников и современников, также поддерживающие тенденцию к генерализации. Это очевидные отсылки к роману Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» (уже частично отмеченные исследователями) и – менее отчетливые – к роману Андрея Белого «Серебряный голубь», инспирированные и бунинским стремлением высказать свое отношение к иным версиям национального характера и бытия.

По мнению Н. Л. Елисеева, в «Суходоле» Бунин вел «яростную» полемику с Достоевским и его концепцией русской души [13, с. 695]. Думается, «анти-достоевский пафос» повести преувеличен: создавая свою модель русской жизни, Бунин и развивает мысли Достоевского.

Подчеркнутое «присутствие» Достоевского в повести можно увидеть на разных уровнях текста: в выборе центрального топонима – Суходол, явной параллели к Сухому Поселку, описанному в «Братьях Карамазовых» [13, с. 698], – месту, вызвавшему у Мити Карамазова чувства отчаяния и смерти [14, т. 14, с. 342]; в психологическом рисунке образов «символических русских граждан», в настойчивом акцентировании их странности (скорее всего, аллюзии на утверждение Достоевского о чудаках как «носителях» «сердцевины целого» [14, т. 14, с. 5]); в сюжетных коллизиях, в поэтике, в обращении к тем «достоевским» приемам, которые определяют «особую природу многоплановости» «Братьев Карамазовых», возникающую «внутри узких пространственных границ» [15, с. 271], и помогают автору романа представить провинциальный город моделью национальной жизни. В частности, это включение элементов фольклора, древнерусских житий и литературных аллюзий в повествование о героях.

Рассказывая свою «историю одной семьи» и описывая странности ее членов, Бунин наделяет суходольцев странностями именно Карамазовых, воплотивших характерные типы русских людей: горячность суходольцев содержит отсылку к «горячему сердцу» [14, т. 14, с. 93] Мити Карамазова, актерство Хрущевых и их крепостных – к стремлению главы карамазовского семейства «представляться, вдруг проиграть <...> какую-нибудь неожиданную роль» [14, т. 14, с. 11]. Судьбоносной для Кара-

мазовых и Хрущевых становится и «страстная жажда страдания», осмысляемая Достоевским как национальная черта [14, т. 21, с. 36] и источник душевного возрождения, а Буниным – также как общерусская черта (неслучайно в ключевых эпизодах повести упоминается семейная икона с образом великомученика Меркурия Смоленского [3, с. 163, 184 и др.], просившего Бога «послать ему мученическую смерть» [16, с. 741]), но знак душевного излома и стремления к «самоуничтожению» [3, с. 426].

«След» Достоевского очевиден и в описании взаимоотношений «отцов» и «детей» Хрущевых: ненависть лакея Герваськи к барину-отцу, его дружба-соперничество с законным сыном барина Аркадием, «стыд и злоба» Петра Петровича из-за отца [3, с. 159] проецируются на взаимоотношения в семье Карамазовых. Можно отметить и сюжетные параллели: между «паясническими сценами» [14, т. 14, с. 84], устроенными главой карамазовского семейства, и «глупой церемонией», придуманной Петром Кириллычем для приема гостей [3, с. 158–159]; между историей «трагической и темной кончины» [14, т. 14, с. 7] «помешанного старикашки» [14, т. 14, с. 251] Федора Павловича Карамазова, убитого незаконным сыном и слугой, и смертью «тихого помешанного» Петра Кириллыча [3, с. 147] по вине его незаконного сына и лакея Герваськи.

Аллюзию, правда, не на роман, а на убийство крепостными отца Достоевского содержит и смерть в «глухом поле» Петра Петровича, «сильно озлобившего против себя дворню побоями» [3, с. 183]. Думается, об этой трагедии в семье Достоевских и одновременно о коллизиях романа «Братья Карамазовы» (весьма симптоматичных для русской жизни) призван был напомнить и еще один топоним в «Суходоле» – село Чермашное [3, с. 174], откуда в усадьбу приходит колдун. С деревнями Черемошня, купленной отцом Достоевского, и Чермашня, упомянутой в «Братьях Карамазовых», был связан мотив смерти: во время поездки в Черемошню был убит отец Достоевского [17, с. 3], в романе и поездка в Чермашню Ивана Федоровича, и отказ от поездки означали нежелание сына помешать убийству отца [14, т. 14, с. 254–255].

Знак «присутствия» Достоевского в повести о «страшном Суходоле» [1, с. 339] – и повторяющееся в описании суходольцев ключевое определение «страшный»: оно устойчиво сопутствовало и повествованию о семье Карамазовых [14, т. 14, с. 16, 18, 20 и др.]).

Подчеркнутая «оглядка» на последний роман Достоевского, отразивший раздумья

писателя «о судьбе России и, может быть, мира в целом» [15, с. 185–186], открывает дополнительные аспекты замысла «Суходола»: Бунин в полемике именно с Достоевским создает свою версию русской трагедии. Трагическую основу русской души [18, с. 31] для автора «Суходола» составляет не жажда жизни (которой Достоевский наделил Карамазовых [14, т. 14, с. 209]), а «жажда гибели, самоуничтожения, разора» [3, с. 426] – главная причина «суходольской непригодности к человеческому существованию» [3, с. 425], которую порождает «страшный» Суходол-Русь. Вере Достоевского в «бесконечность жизни во всех ее проявлениях – земном, плотском, и духовном, идеальном, – при условии временной гибели и разложения <...>» [15, с. 253] Бунин противопоставляет мысль о власти смерти над душой своих «символических российских граждан».

«Жажду гибели, самоуничтожения, разора» Бунин во многом объясняет влиянием «степи» и предков – степных кочевников. Эту мысль, наиболее акцентированно прозвучавшую в финале, можно считать «репликой» Бунина и в заочном «диалоге» с автором романа «Серебряный голубь». На А. Белого как на «собеседника» Бунина указывают также ключевые и для романа, и для повести антитезы (европейская культура – «дикий, сказочный первобытно-грубый мир» Руси, сакральное – демоническое, рай – ад) и основные локусы (усадьба – деревня), являющиеся слагаемыми более сложной и масштабной оппозиции Запад – Восток, в свою очередь, восходящей к инвариантной схеме противостояния Космоса / Хаоса [19, с. 91].

В романе А. Белого символом Запада и европейской культуры выступала усадьба баронессы Тодрабе-Граабен – своего рода рай (Космос), но разрушающийся. Мотив разрушения сопутствовал описанию и усадьбы, и ее владельцев, сама фамилия которых была образована от слов, содержащих танатологические значения (Tod (смерть), Grab (могила), Rabe (ворон) [20, с. 190]). О том, что европейцы «вырождаются» [21, с. 169], говорил и барон Павел Павлович, потомок европейских рыцарей.

Но если Запад, утративший свой потенциал и энергию, уже казался неспособным быть спасительным ориентиром для ищущей свой путь России, то Восток А. Белый воспринимал как воплощение Хаоса, несущего России гибель. Восток и его представителя – колдуна Кудярова, подчинившего своей власти село Целебево и город Лихов – русский мир, автор романа явно демонизировал, о чем свидетельствовали

аллюзии на Симона-волхва (Деян. 8: 18–24), отождествляемого с Антихристом, в повествовании о Кудеярове [21, с. 171–173].

В созданной Буниным модели русской жизни и русской истории важнейшим слагаемым и антитезой Западу выступает не Восток («доисторический Рай» для автора повести), а «азиатчина» [12, с. 23]. Эта оппозиция западной культуры и «азиатчины» Буниным переносится из внешнего пространства в «пространство души» всех суходольцев – и дворян Хрущевых, и их крепостных, так как усадьба и деревня «слиты воедино» «древней семейственностью» [3, с. 136]. «Суходольская кровь» – азиатско-западная: «среди легендарных предков» Хрущевых, подчеркивает Бунин, было много «людей вековой литовской крови да татарских князьков» [3, с. 136]. И кровь степных кочевников [3, с. 185] оказалась сильнее «вековой литовской крови».

Знаки победы «азиатчины» – исчезновение примет западной культуры в барском доме и, как и в романе А. Белого, смена одежды героев и ее цветовой гаммы. В «Серебряном голубе» надетая главным героем Петром Петровичем Дарьяльским в день ухода из усадьбы в Целебеево красная рубаха (аллюзия на гоголевскую демоническую красную свитку) символизировала власть над ним «тьмы с Востока». В повести Бунина перемена одежды молодым баринком Петром Петровичем (вероятно, неслучайно носящем имя героя романа А. Белого) также обретает символический смысл. Молодой офицер, вынужденный остаться в Суходоле, подчиняется «власти степи», ее «косному быту», и он меняет военный мундир на «дорогие архалуки» и «балует» свои маленькие ноги «красными татарскими туфлями» [3, с. 158].

В финале Бунин называет последних владельцев Суходола только «потомками степных кочевников» и подчеркивает их отличие от потомков рыцарей [3, с. 185]. Имплицитно мысль о сходстве последних суходольцев с кочевниками содержится в описании «полудикой простоты их существования» под «морозными сарматскими ветрами» [3, с. 186]. И эта победа «азиатчины» признается Буниным одной из причин вырождения потомков «”мужей именитых”, ближайших сподвижников, даже родичей царей», и бесследного исчезновения «с лица земли» «целого сословия» [3, с. 185]. В сущности, иллюзорный суходольский «рай» все более очевидно превращается в царство смерти.

Итак, «оглядка» на произведения предшественников и современников – это и способ подтверждения «общерусскости» «необычных»

суходольцев, и возможность для Бунина уточнить собственную версию русской жизни и русской истории.

Не менее сложные функции выполняет и еще один «”вечный” маяк», «огонь» которого освещает повествование о древнем русском роде: он позволяет автору обнаружить универсальные закономерности в судьбах дворян Хрущевых. Это новелла Эдгара По «The Fall of the House of Usher».

Бунинских высказываний об Э. По найти не удалось, но маловероятным кажется предположение, что экспансия творческого наследия американского романтика в русское культурное пространство в конце 1890 – начале 1900-х гг. [22, с. 50–130] не затронула Бунина. Активизация интереса русских читателей и писателей к творчеству Э. По была во многом связана с выходом в свет собрания его сочинений в переводах К. Д. Бальмонта. Первый том, куда была включена новелла «The Fall of the House of Usher» (в версии Бальмонта «Падение Дома Эшер»), чье «присутствие» в бунинской повести кажется особенно заметным и значимым, был издан в 1901 г., причем новеллы переводчик назвал «сказками».

Параллели между описаниями суходольской усадьбы и усадьбы Эшеров можно было бы объяснить общностью темы угасания рода. Но эти параллели весьма масштабны: они очевидны в стремлении Бунина создать «готическую атмосферу», «смягченную и смешанную с духом психологической извращенности» [22, с. 80], в доминировании демонических и танатологических мотивов (черноты, света / тьмы, огня, враждебной стихии, глухоты-глухости), сопутствующих описаниям разрушающихся домов и вырождающихся родов Эшеров и Хрущевых (последними представителями которых в новелле и повести являются брат и сестра), в психологических рисунках образов Эшеров и суходольцев, с их склонностью к безумию, к вере в непреложность фантазий и снов и их способностью быть «рабами страха» [23, с. 304].

К новелле, возможно, также восходит и акцентирование необычности персонажей. Эпитеты «необычный», «необыкновенный» устойчиво повторялись в описании внешности Эшера (его «необычайно блестящих глаз», «необыкновенной бледности» [23, с. 305] и др.), его «необыкновенной тоски» [23, с. 305]. Они сопутствовали и описанию леди Мэдиляйн, ее «необычайной болезни» [23, с. 306], а также последней ночи в жизни Эшеров, когда рассказчик увидел «необыкновенное сияние» «странного света» над разрушающимся домом [23, с. 320], причем эпитет «необыкновенный» обретал здесь демонические коннотации.

Можно отметить и более глубокие параллели. Думается, и бунинская концепция человека, ключевая для замысла повести и ее поэтики идея связи души, судьбы представителей рода и окружающего мира (ландшафта и устройства дома) формируется не без участия автора новеллы.

В предисловии к первому тому собрания сочинений Э. По Бальмонт писал о «художественной, полной волнующих намеков, связи между человеческой душой и неодушевленными предметами <...>» [23, с. X], воплощенной в «сказках», как об открытии американского писателя. Эта мысль и эксплицируется автором новеллы, и имплицитно содержится в отождествлении дома и семьи, зафиксированном в названии, и в параллелях между душевным миром его героев (их переживаниями, эстетическими вкусами и пр.), их внешним обликом и миром, который их окружает.

Так, приметы «внешнего разложения» и смерти, определяющие опорные образы пейзажа (это «мрачная осень», «седые обветшавшие деревья», «черный мрачный пруд» [23, с. 297–298]), описания внешнего вида дома (его окон, напоминающих «глазные впадины» [23, с. 297], и крыши, с которой свешивались «тонкой перепутанной тканью» «мелкие грибки» [23, с. 300]) и мрачного интерьера [23, с. 301–302] составляют параллель переживаниям владельца дома и знаком его физического вырождения («мертвенной бледности» и волосам, которые, «как тысячи паутинок», развевались вокруг лица и делали его непохожим на человеческое существо [23, с. 302–303]).

Мысль о связи души Эшеров и внешнего мира, даже о «рабстве» души у мира высказывают и герой-рассказчик, отмечающий «полное соответствие характера местности с установившимся характером ее обитателей» [23, с. 299], и сам Эшер. «Своеобразные черты душевного состояния, которые переживал Эшер», рассказчик объясняет его «порабощенностью» «какими-то суеверными ощущениями»: «<...> они были связаны с домом, где он жил и откуда, уже много лет, не решался выйти <...>; он говорил, что своим материальным составом и самой формой семейный дом, точно тяжким бременем, налег на его душу, – что элементы *физические*, эти седые стены и домовые башни, и темный пруд, куда они гляделись, наложили свою властную печать на его *внутреннее* существование» [23, с. 304–305].

Рассказчик подчеркивает «силу самозабвения» Эшера, верящего в способность дома чувствовать (что он объясняет «известной фор-

мой соединения» серых камней, «из которых был выстроен дом его предков» [23, с. 310]) и в существование «собственной атмосферы» вокруг дома, «фатально влияющей» на владельцев и на их судьбы. Именно это «фатальное влияние» и сделало Эшера таким, каков он есть [23, с. 310–311].

Антропологические открытия Э. По, формирующие замысел новеллы и ее виртуозную поэтику, думается, дают импульс и бунинским размышлениям о природе человека, о предопределенности его душевных качеств, его характера и судьбы родным для него миром (природой и бытом) или даже о «рабстве» у усадьбы, способной лишить «и счастья, и разума, и облика человеческого» своих владельцев [3, с. 135].

Но очевидно, что Бунин эти антропологические открытия Э. По воспринимает как «точку отправления»: делая акцент на первозданности и неизменности мира, породившего усадебный быт, характеры и судьбы суходольцев, явно увеличивая масштаб описываемого мира и отождествляя его с миром национальным, он стремится к познанию и изображению не уникального, а общего, не сиюминутного, а вечного, не частного, а «родного» и «вселенского». Характерно бунинским оказывается и восприятие вырождения как проявления общественного регресса [12, с. 21], безумия – как «чувства давнего существования» [12, с. 21]. И эти ключевые для бунинской концепции человека идеи также позволяют говорить о «странной мистической деревне» как об универсальной модели мира, где действуют не только общенациональные, но и общечеловеческие (вечные) законы.

Список литературы

1. Колтоновская Е. Бунин как художник-повествователь // Вестник Европы. 1914. № 5. С. 327–341.
2. Брыгина О. Н. Антиномии «рая» и «ада» в повести-поэме «Суходол» // Брыгина О. Н. Образ рая: от мифа к утопии. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 208–212. (Symposium. Вып. 31).
3. Бунин И. А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 3. М. : Художественная литература, 1965. 504 с.
4. Потехина А. Символ и миф в народной культуре. М. : Лабиринт, 2007. 480 с.
5. Бабореко А. Поэзия и правда Бунина: дневники, воспоминания и письма современников // Подъем. 1980. № 1. С. 132–140.
6. Сливичкая О. В. Бунин и русский космизм // Studia Rossica Posnaniensia. 1996. Vol. 27. С. 43–51.
7. Михайлов О. Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Т. 84 : в 2 кн. Иван Бунин. М. : Наука, 1973. Кн. 1. С. 7–56.

8. *Ермолай-Еразм*. Повесть о Петре и Февронии // Слово Древней Руси / сост., вступ. ст. О. В. Гладковой. М. : Панорама, 2000. С. 415–428. (Библиотека славянской литературы).
9. *Бунин И. А.* Автобиографические и литературные записи // Литературное наследство. Т. 84 : в 2 кн. Иван Бунин. М. : Наука, 1973. Кн. 1. С. 381–395.
10. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.
11. *Новичкова Т. А.* Эпос и миф. СПб. : Наука, 2001. 248 с.
12. *Мальцев Ю.* Иван Бунин, 1870–1953. Frankfurt a/M ; Moskau : Посев, 1994. 432 с.
13. *Елисеев Н. Л.* Бунин и Достоевский // Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей : антология. СПб. : Изд-во РХГА, 2001. С. 694–699.
14. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1988. Т. 14. 512 с.; Т. 21. 551 с.
15. *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2007. 640 с.
16. Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 44. С. 741–745.
17. *Прохоров Г. С.* «Дело о смерти Михаила Андреевича Достоевского», или Над чем корпели судьи полтора года // Неизвестный Достоевский. 2017. № 2. С. 3–22. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2017.3161>
18. *Бунин И. А.* Избранные письма // И. А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей : антология. СПб. : Изд-во РХГА, 2001. С. 30–82. (Русский путь).
19. *Полонский В. В.* Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М. : ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.
20. *Долгополов Л. К.* Андрей Белый и его роман «Петербург». Л. : Советский писатель, 1988. 413 с.
21. *Белый А.* Собрание сочинений. Серебряный голубь. Рассказы / под общ. ред. В. М. Пискунова М. : Респубблика, 1995. 333 с.
22. *Гроссман Дж. Д.* Эдгар По в России. Легенда и литературное влияние / пер. М. А. Шерешевской. СПб. : Академический проект, 1998. 198 с.
23. *По Э.* Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. М. : Книгоиздательство «Скорпион», 1901. 326 с.

Поступила в редакцию 03.11.2022; одобрена после рецензирования 24.12.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 03.11.2022; approved after reviewing 24.12.2022; accepted for publication 30.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 285–289

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 285–289

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-285-289>, EDN: ABLTRA

Научная статья

УДК [821.161.1.09+378.4.096](470.44-25)+929[Бочкарев+Скафтымов]

«...Рано вылетел из скафтымовского “гнезда”»: В. А. Бочкарев об А. П. Скафтымове

В. Ш. Кривонос

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67

Кривонос Владислав Шаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения, vkriwonos@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8138-0057>

Аннотация. Статья посвящена истории отношений В. А. Бочкарева, выпускника Саратовского университета 1930 г. и первого аспиранта А. П. Скафтымова в 1930–1933 гг., впоследствии доктора филологических наук, профессора, многолетнего заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы Куйбышевского (Самарского) педагогического института (университета), автора фундаментальных трудов о русской исторической драматургии, и А. П. Скафтымова, основателя и создателя саратовской филологической школы, ученого с мировым именем, оставившего исключительно ценное по своей научной значимости филологическое наследие и воспитавшего многих учеников, птенцов скафтымовского «гнезда», как их стали со временем называть, некоторые из которых, включая В. А. Бочкарева, заняли достойное место в науке о литературе. Речь в статье идет о той важной роли, которую сыграл А. П. Скафтымов в личной и научной судьбе В. А. Бочкарева, навсегда сохранившего благодарную память о своем учителе, в становлении его как ученого и педагога. Приводятся важные мемуарные свидетельства В. А. Бочкарева о содержании и структуре прочитанных А. П. Скафтымовым лекционных курсов, которые ему довелось посещать в бытность его студентом и аспирантом, о тематике специальных семинаров, которые вел А. П. Скафтымов, и о подготовленных под его руководством докладах, о требованиях научного руководителя к студенческим и аспирантским работам, о методике проведения им научных консультаций, о присутствии А. П. Скафтымову внутреннем демократизме, проявлявшемся в его поведении как руководителя кафедры и факультета. Рассматриваются восприятие и оценка В. А. Бочкаревым, отраженные в его воспоминаниях и в письмах к саратовским коллегам, научных, нравственных и педагогических уроков А. П. Скафтымова, усвоенных им на всю жизнь.

Ключевые слова: В. А. Бочкарев, А. П. Скафтымов, Саратовский университет, скафтымовское «гнездо», скафтымовская школа, уроки А. П. Скафтымова

Для цитирования: Кривонос В. Ш. «...Рано вылетел из скафтымовского “гнезда”»: В. А. Бочкарев об А. П. Скафтымове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 285–289. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-285-289>, EDN: ABLTRA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Left Skaftymov’s ‘nest’ too early”: V. A. Bochkarev about A. P. Skaftymov

V. Sh. Krivonos

Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxima Gorkogo St., Samara 443099, Russia

Vladislav Sh. Krivonos, vkriwonos@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8138-0057>

Abstract. The article discusses the relationship of V. A. Bochkarev, a graduate of Saratov University in 1930, the first postgraduate student of A. P. Skaftymov in 1930–1933, subsequently Doctor of Philology, professor, the head of the department of the Russian and Foreign literature of Kuybyshev (Samara) Pedagogical Institute (University) for many years, the author of the fundamental works on the Russian historical drama, and A. P. Skaftymov, the founder and the creator of Saratov School of Philology, a scientist of world renown. A. P. Skaftymov left philological legacy exclusively valuable in its scientific magnitude and he educated many students, the nestlings of Skaftymov’s “nest”, as they were called afterwards, some of them, including V. A. Bochkarev, have taken the rightful place in the literature science. The article covers the important role that A. P. Skaftymov played in the personal and scientific life of V. A. Bochkarev in his formation as a scientist and a teacher, who retained a grateful memory of his tutor. Some important memoir evidence by V. A. Bochkarev is presented, in which he dwells on the content and structure of the lecture courses given by A. P. Skaftymov, that V. A. Bochkarev chanced to attend as a student and a postgraduate, on the topics of the special seminars that A. P. Skaftymov used to teach, on the reports that were prepared under his supervision, on the requirements of the scientific supervisor to the students’ and postgraduates’ papers, on the methods of scientific counselling, on A. P. Skaftymov’s inherent feeling of democracy, that was revealed in his behavior as the head of the department and the faculty. The article considers how V. A. Bochkarev perceived and evaluated the scientific, moral and educational lessons of A. P. Skaftymov, which he appropriated for his life and reflected in his memories and letters to his colleagues in Saratov.

Keywords: V. A. Bochkarev, A. P. Skaftymov, Saratov University, Skaftymov’s “nest”, Skaftymov’s school, A. P. Skaftymov’s lessons

For citation: Krivonos V. Sh. "Left Skaftymov's 'nest' too early": V. A. Bochkarev about A. P. Skaftymov. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 285–289 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-285-289>, EDN: ABLTRA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В предлагаемой заметке речь пойдет о Викторе Алексеевиче Бочкареве, выпускнике Саратовского университета, многолетнем заведующем кафедрой русской и зарубежной литературы Самарского (Куйбышевского) педагогического института (университета), крупном специалисте в области русской исторической драматургии, ученике А. П. Скафтымова, навсегда сохранившем благодарную память о своем учителе. Из оставленных им воспоминаний и опубликованным писем к саратовским коллегам, с которыми его связывали добрые и доверительные отношения, видно, насколько важной для его самосознания, научного становления и профессионального самоопределения была личность Скафтымова, выдающегося ученого, педагога, наставника в главном деле жизни.

На Скафтымовских чтениях, проходивших 23–28 октября 1990 г. в Саратове, Бочкарев, выступив с докладом о пушкинском «Борисе Годунове», поделился также воспоминаниями о Скафтымове; они были напечатаны позднее по сохранившейся рукописи [1]. Поездка в родной Саратов, участие в чтениях и научное общение не просто запомнились и отложились в памяти, но произвели на него, как он признается в письме к Е. П. Никитиной, профессору Саратовского университета, «такое сильное впечатление» [2, с. 232], что побудили к размышлениям о необходимости приложить как можно больше усилий для популяризации в филологической среде и «пропаганды наследия Скафтымова» [2, с. 233].

Захватившее его впечатление оказалось настолько сильным, что через некоторое время он вновь пишет тому же адресату: «Я до сих пор постоянно думаю о Скафтымовских чтениях, о Саратове, о встречах и беседах с Вами и Вашими коллегами» [3]. И, сожалея, что в коротком выступлении не удалось как следует высказаться, заново формулирует свои мысли о методологических «уроках Скафтымова», о «скафтымовском понимании литературного произведения как объективной данности» и о «скафтымовских заветах современному литературоведению» [3]. А в следующем письме сообщает о намеченном на 20 февраля 1991 г. открытом заседании руководимой им кафедры, посвященном 100-летию со дня рождения его учителя, где собирается выступить с докладом «Уроки А. П. Скафтымова» [4, с. 145].

О Скафтымове как общем учителе саратовских филологов и о значимости его уроков оставили воспоминания и некоторые другие его ученики [5], так что даже название мемуарных заметок повторялось [6], но каждый отбирал и выбирал для разговора с заинтересованными читателями то, что особенно запомнилось (в силу жизненных обстоятельств и с учетом личностных качеств) именно ему. Не был здесь исключением и Бочкарев.

В Саратовский университет он поступил двадцатилетним юношей в 1926 г., а в 1930-м окончил его «по отделению русского языка и литературы педагогического факультета»; здесь ему «довелось слушать лекции Александра Павловича», которые «привлекали к себе студентов» прежде всего «глубоким анализом литературных произведений в единстве содержания и формы» [1, с. 135–136], что составляло их отличительное свойство. В личности Скафтымова, как сумел тогда уже заметить и по достоинству оценить Бочкарев, черты «большого ученого» органично сочетались с чертами «превосходного педагога», почему «разнообразные лекционные курсы», которые он читал, «пользовались неизменным успехом у студентов» [7, с. 254].

Став аспирантом Скафтымова, Бочкарев вел за ним практические занятия по курсу истории русской литературы и продолжил в новом уже качестве посещать его лекции. Сохранившиеся у него записи лекций, прочитанных в 1932/1933 учебном году студентам Саратовского пединститута, в который был преобразован педагогический факультет университета, позволили, когда он взялся за воспоминания, восстановить в памяти важные особенности лекционной манеры его наставника.

Так, Скафтымов, излагая тщательно подготовленный материал, заранее отсекал то, что казалось ему «лишним», и стремился прежде всего раскрыть «глубину содержания» предмета: «В кратких биографических справках выделялось лишь то, что в какой-то степени могло пояснить ту или иную важную особенность в творчестве данного писателя. При переходе к творчеству сразу четко обозначалась его ведущая черта или основное противоречие, тщательно прослеживаемые в дальнейшем. В каждой лекции решительно господствовала мысль лектора, пластическое развитие которой властно увлекало за собой зачарованных ею слушателей»

[1, с. 138–139]. На первый план при анализе классических произведений выдвигалась их «философская и нравственная проблематика» [1, с. 139]. При этом русская литература с помощью продуманных и обоснованных параллелей, когда «Пушкин сопоставлялся с Байроном и Шекспиром, Лермонтов с Байроном, Гоголь – с немецкими романтиками (с Людвигом Тиком), Толстой – с Руссо», рассматривалась «как неотъемлемая часть литературы мировой» [1, с. 140].

Скафтымов, на что Бочкарев, успевший отметить для себя «полемичность» его «печатных работ», обратил особое внимание, не уклонялся от «полемики» [1, с. 140] и в качестве лектора, доказательно споря с существующими представлениями об особенностях проблематики и поэтики тех или иных произведений и с неприемлемыми для него методологическими установками, нередко «идя против течения» и твердо отстаивая «свои убеждения» [1, с. 141].

В лекциях Скафтымова, использовавшего «в педагогически обработанном виде» опубликованные к тому времени и прочитанные его учеником статьи о Чернышевском, Достоевском и Толстом, уже содержались «в зародыше» идеи и «материалы его будущих крупных исследований», с которыми Бочкарев познакомится позднее; например, «говорилось о новом понимании трагизма автором “Вишневого сада”», рассматривавшего «обычное будничное существование» как «непрерывную трагедию» [1, с. 141]. В этих замечаниях, запомнившихся Бочкареву, увидены им «зачатки будущей статьи “О единстве формы и содержания в “Вишневом саде” А. П. Чехова”» [1, с. 142].

После лекций Бочкарев, поскольку им «было по пути», обычно возвращался домой вместе со Скафтымовым и дорогой задавал «многочисленные вопросы, на которые он охотно отвечал», что служило «важным продолжением учебы»; чаще всего речь шла «о писателе, которому была посвящена только что прозвучавшая лекция» [1, с. 142]. Во время этих «дорожных бесед» раскрывался «огромный объем знаний», которым обладал Скафтымов и который, как убеждался его ученик, «нужно иметь настоящему ученому и вузовскому преподавателю по любому вопросу, которого ему приходится касаться» [1, с. 143]. Чтобы читать лекции так, как читал их Скафтымов, к ним надо было готовиться всю жизнь.

Универсальные знания Скафтымова, охватывавшие различные периоды истории русской и зарубежной литературы и разные области филологической науки, проявлялись и в тематике специальных семинаров, которые он вел в

университете, в трех из которых, по устному народному творчеству, по Пушкину и по творчеству Горького, Бочкареву «посчастливилось работать под руководством Александра Павловича» [1, с. 136].

В спецсеминаре по Горькому, предположительно, поскольку сведений о нем почти не сохранилось, проведенном в 1928 г. (судя то тому, что «именно в этом году – 4 апреля – Скафтымов выступил с докладом “Горький и Толстой” на заседании общества литературоведения» при Саратовском университете) и открывшемся «обширным лекционным вступлением, имевшем по преимуществу библиографический характер», Бочкареву «приглянулась тема “Мотив лжи и правды в раннем творчестве Горького”», требовавшая сопоставления горьковского мотива «с оправданием лжи в творчестве Уайльда» [1, с. 136]. В спецсеминаре по Пушкину он обратился к «Повестям Белкина» и в докладе, прочитанном на одном из занятий в январе 1929 г. (рукопись его сохранилась), попытался объяснить причины перехода поэта к прозе; в том, как начинающий исследователь систематизирует материал, стремясь учесть и критически осмыслить труды предшественников, и как обосновывает свою научную позицию, заметны следы учебы у Скафтымова и ощутимо влияние его методологических идей [8]. Но особенно запомнился Бочкареву спецсеминар по устному народному творчеству, где он, находясь «под обаянием личности учителя и его замечательной книги “Поэтика и генезис былин”» [1, с. 136–137], с увлечением погрузился в порученное ему рассмотрение вариантов былинного сюжета об Алеше Поповиче и Тугарине.

Как руководитель спецсеминара Скафтымов придавал важное значение консультациям, которые проводил в заранее установленное время «у себя на дому», в своем рабочем кабинете, «установленном до самого потолка стеллажами с книгами», что особым образом настраивало студентов, готовя их к серьезному разговору; контролируя процесс работы над докладом и не поступаясь строгой требовательностью, он вместе с тем «был скуп на замечания», высказываемые «в очень деликатной форме, больше всего думая о том, чтобы не подавлялась самостоятельная мысль собеседника» [1, с. 137]. Вспоминая атмосферу интеллигентности, в которую погружались, приходя на консультации, докладчики, Бочкарев точно воспроизводит методические установки своего учителя, считавшего, что «...преподаватель не должен давать студенту готовые ответы на все вопросы,

какие могут возникнуть в подготовке доклада, но должен показать ему путь к правильному решению этих вопросов» [9, с. 257].

Не только студентам, участникам спецсеминара, но и аспирантам, что по достоинству оценил Бочкарев, поступив в 1930 г. в аспирантуру к Скафтымову, он «старался предоставить максимум самостоятельности, уважая в них самостоятельно мыслящих людей...» [1, с. 144]. Бочкарев никогда не забывал (и, по всей видимости, очень гордился этим, на что имел полное право), что был первым аспирантом Скафтымова: «Первым, как потом говорили, птенцом “скафтымовского гнезда”» [10, с. 161]. В письме к Е. П. Никитиной, коснувшись волнующего его вопроса «об уникальной скафтымовской школе» и предложив «собрать побольше сведений об учениках Скафтымова разных лет», он назвал «имена первых аспирантов Александра Павловича» [4, с. 145], самым же первым в списке, естественно, поставил себя.

Рассуждая о скафтымовской школе, Бочкарев прежде всего и имеет в виду выпестованную саратовским ученым «значительную группу учеников, что удастся сделать далеко не каждому ученому» [7, с. 254]. Правда, было высказано сомнение, есть ли основания «говорить о научной школе Скафтымова», не лучше ли сказать «о плеяде его учеников, шедших каждый своей дорогой» [11, с. 25]. Но это, думается, все же спор о терминах, а не о существовании дела; даже принимая во внимание ту степень самостоятельности, которую сознательно предоставлял ученый своим ученикам, «...говорить о школе Скафтымова как о совокупности его нравственных и аналитических уроков необходимо» [12, с. 8]. Знаменательно, что именно урокам Скафтымова и посвятил свой доклад, подготовленный к его 100-летию, Бочкарев. Об уроках этих он не раз вспоминал, переехав в 1935 г. «по семейным обстоятельствам в Куйбышев», где «остро почувствовал, что рано вылетел из скафтымовского гнезда, что еще многому и многому я мог бы поучиться у Александра Павловича, находясь в близком общении с ним» [1, с. 144]. Понятие «скафтымовское гнездо», *питомцем* которого он себя ощущал, чувствуя неразрывную с ним внутреннюю связь, органично сопрягается в сознании Бочкарева с понятием «скафтымовская школа», о принадлежности к которой он не забывал и тогда, когда, будучи уже сложившимся ученым, автором капитальных исследований, «...старался использовать каждый свой приезд в родной Саратов для встреч с Александром Павловичем» [1, с. 144].

Усвоил Бочкарев, возглавивший со временем кафедру в Куйбышевском пединституте, и другие уроки Скафтымова, связанные с присущим его личности и отразившимся в его поведении внутренним демократизмом: «В пединституте он был деканом и заведующим кафедрой, но никто не чувствовал в нем начальника, администратора»; он не только «не выделял себя из коллектива», но выступал в кафедральных мероприятиях «на равных с молодыми своими сотрудниками» [1, с. 143]. Тем более что такой стиль поведения отвечал характеру и особенностям психологического склада самого Бочкарева.

И. В. Попов, бывший его аспирант, затем доцент и профессор кафедры, проработавший с ним не одно десятилетие, отмечал, что, будучи требовательным «к профессиональному и научному уровню сотрудников», он вместе с тем «всегда умел быть предельно деликатным в своих отношениях к коллективу» [13, с. 10]. А его выступления, обычно завершавшие обсуждение диссертаций или иных научных работ, даже если и содержали серьезные замечания, служили уроком «сдержанности и доброжелательности критики» и для молодых коллег, и для всего «кафедрального коллектива» [14, с. 175]. Недаром Б. Ф. Егоров, в чем убедили его личное знакомство и последующие встречи и разговоры с Бочкаревым, характеризует его как настоящего интеллигента, впитавшего в себя «черты и методы скафтымовской школы» [15, с. 53].

После переезда в Куйбышев Бочкарев долгие годы переписывался со своим научным руководителем. В описании эпистолярного архива Скафтымова Бочкарев включен в список его корреспондентов [16, с. 80], но какие-либо сведения об их переписке и ее содержании не приведены. В фонде Бочкарева, находящемся в Самарском областном архиве, писем его к Скафтымову нет, «только письма последнего» [17, с. 244]. Одно из таких писем, датированное декабрем 1965 г., представляет для понимания их отношений особый интерес. Речь в нем идет о защите кандидатской диссертации Г. Н. Антоновой, выполненной под руководством Скафтымова; он просит Бочкарева «посодействовать тому, чтобы защита не откладывалась, а прошла бы теперь, не позднее января»: «Антонова – моя последняя аспирантка, и на этот случай, я, уйдя от всяких дел, все же не хотел быть посторонним...» [17, с. 245].

Бочкарев на просьбу немедленно откликнулся и своим отзывом поддержал работу. Г. Н. Антонова, храня память об успешной защите и о роли в ней Бочкарева, прислала ему

в январе 1989 г. проникновенное письмо, содержащее замечательно точную характеристику его личности: «Вы всегда напоминали мне Александра Павловича Скафтымова своей истинной интеллигентностью, внутренним благородством, глубокой порядочностью. Это редкие качества» [17, с. 252]. Рискну предположить, что для Скафтымова обращение с просьбой именно к Бочкареву могло иметь совершенно особый смысл; на защите, по его возможному замыслу, должны были встретиться – и встретились – последний и первый его аспиранты. Как в высшей степени знаменательную вполне мог воспринять эту встречу и Бочкарев: через много лет, когда жизненный путь его учителя был близок к завершению, он, пусть и на короткое время, зрелым уже ученым вновь вернулся в скафтымовское «гнездо», из которого, о чем так сожалел, слишком рано вылетел.

Список литературы

1. Бочкарев В. А. Воспоминания об А. П. Скафтымове. 1990 г. // Самарские филологи: Виктор Алексеевич Бочкарев. 2-е изд., перераб. и доп. Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 135–145.
2. Письмо В. А. Бочкарева Е. П. Никитиной, 1990 г. [1] // Самарские филологи: Виктор Алексеевич Бочкарев. 2-е изд., перераб. и доп. Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 232–233.
3. Письмо В. А. Бочкарева Е. П. Никитиной, 1990 г. [2] // Самарские филологи: Виктор Алексеевич Бочкарев. 2-е изд., перераб. и доп. Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 234.
4. Письмо В. А. Бочкарева Е. П. Никитиной, 16 февраля 1991 г. // Филология : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1998. Вып. 2. С. 144–146.
5. Дологова А. М. Учитель // Чеховиана : Чехов в культуре XX века : статьи, публикации, эссе / редкол. В. Я. Лакшин (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1993. С. 258–264.
6. Вершинина В. М. Уроки А. П. Скафтымова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2005. Т. 5, вып. 1/2. С. 67–70.
7. Бочкарев В. А. Вдохновенный поиск (Памяти А. П. Скафтымова) // Русская литература. 1968. № 3. С. 250–254.
8. Бочкарев В. А. «Повести Белкина». Доклад, прочитанный на семинаре проф. А. П. Скафтымова 23.01.1929 // Самарские филологи: Виктор Алексеевич Бочкарев. 2-е изд., перераб. и доп. Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 54–69.
9. Зюзин А. В. Методическая разработка А. П. Скафтымова «О семинарских занятиях» // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы / редкол. В. В. Прозоров (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 254–258.
10. Архангельская Л. Профессор Бочкарев знакомый и незнакомый. Попытка портрета // Самарские филологи: Виктор Алексеевич Бочкарев. 2-е изд., перераб. и доп. Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 155–167.
11. Хализев В. Е. А. П. Скафтымов : филолог, мыслитель, педагог // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы / редкол. В. В. Прозоров (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 14–27.
12. Прозоров В. В. Школа Александра Павловича Скафтымова // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы / редкол. В. В. Прозоров (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 4–14.
13. Попов И. В. Виктор Алексеевич Бочкарев (1906–1994) // Самарские филологи: Виктор Алексеевич Бочкарев. 2-е изд., перераб. и доп. Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 5–14.
14. Попов И. В. О Викторе Алексеевиче Бочкареве. Воспоминания с социально-психологическим подтекстом // Самарские филологи : Виктор Алексеевич Бочкарев. 2-е изд., перераб. и доп. Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 171–206.
15. Егоров Б. Ф. О ценителе источников // Самарские филологи: Виктор Алексеевич Бочкарев. 2-е изд., перераб. и доп. Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 52–53.
16. Попкова Н. А. Книги и эпистолярный архив А. П. Скафтымова в фондах научной библиотеки Саратовского университета // Коллекция книг и эпистолярный архив А. П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета : сб. ст. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. С. 23–80.
17. Мартиновская А. И. О письмах к В. А. Бочкареву // Самарские филологи: Виктор Алексеевич Бочкарев. 2-е изд., перераб. и доп. Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 236–252.

Поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication 12.05.2023

ЖУРНАЛИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 290–298

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 290–298

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-290-298>

EDN: RRDZAV

Научная статья

УДК [811.112.2:070]:378

Имидж Германии, формируемый журнальными заголовками (на материале молодежного издания vitamin de)

М. Г. Алексеева ✉, В. А. Фролова

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, Россия, 428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38

Алексеева Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, margennal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2626-1087>

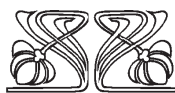
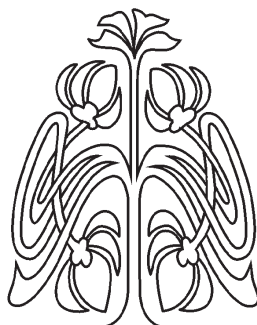
Фролова Вера Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, frvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8097-0060>

Аннотация. Статья посвящается анализу заголовков журнала *vitamin de* как имиджеобразующего средства, способствующему формированию представления о Германии как об одном из лучших образовательных центров Европы, в том числе для иностранных студентов. Заголовок как содержательное и интенциональное ядро всей журнальной статьи в состоянии транслировать имидж страны и ее ценности, релевантные для читательской аудитории 12+. Исследование показало, что такие рубрики журнала, как *Der andere Blick* (Другой взгляд), *Landeskunde* (Страноведение), *Leben* (Жизнь), *vitamin de regional* (Витамин де в регионах), *Dialog* (Диалог), *Beruf* (Профессия), *Deutsche Erfinder* (Немецкие изобретатели), *Tradition* (Традиция), *Psychotest* (Психологический тест), *Rezept* (Рецепт), *Bildung* (Обучение), *Ausbildung* (Профессиональное обучение), являются генератором имиджевых характеристик страны изучаемого языка. Заголовки статей из этих рубрик создают имидж Германии как страны, занимающей выгодное географическое положение, страны с богатыми культурными традициями и принимаемыми российской аудиторией ценностями. Заголовки статей о совместных германо-российских образовательных, творческих и экологических мероприятиях, доступные для всех возрастных групп российской молодежи, вносят существенный вклад в укрепление имиджа Германии как страны с высоким научно-исследовательским потенциалом, где теория и практика неразрывно связаны в одно целое. Имиджевые свойства Германии, фактически идеологические установки, направленные «вовне», критически переосмысливаются в заголовках тех статей, в которых обучающиеся, имеющие опыт проживания в стране, делятся своими впечатлениями. Таким образом, создается более реалистичное представление о стране-цели пребывания с образовательными задачами. Рубрика *Der andere Blick*, как показывают результаты исследования, призвана уравновесить идеальную и реальную картины о стране изучаемого языка.

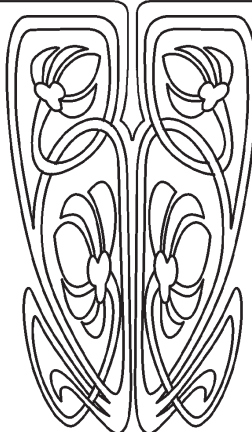
Ключевые слова: формирование имиджа, журнальный заголовок, *vitamin de*

Для цитирования: Алексеева М. Г., Фролова В. А. Имидж Германии, формируемый журнальными заголовками (на материале молодежного издания *vitamin de*) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 290–298. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-290-298>, EDN: RRDZAV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Germany's image formed by magazine headlines (on the materials of the youth magazine *vitamin de*)

M. G. Alexeeva , **V. A. Frolova**

Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, 38 K. Marxa St., Cheboksary 428000, Russia

Marina G. Alexeeva, margennal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2626-1087>

Vera A. Frolova, frvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8097-0060>

Abstract. This article analyzes the headlines of *vitamin de* magazine as an image forming tool, which contributes to the formation of the idea of Germany as one of the best educational centres in Europe, for foreign students as well. A headline, as the substantive and intentional core of the whole magazine article, is able to convey the image of the country and its values relevant to the 12+ readership. The study showed that the features of the magazine such as Another View, Country Studies, Life, Vitamin de in Regions, Dialogue, Profession, German Inventors, Tradition, Psychological Test, Recipe, (Professional) Training generate the image characteristics of the country of the target language. The headlines of the articles in these features create an image of Germany as a country with an advantageous geographical position, a country with rich cultural traditions and values accepted by the Russian audience. Headlines about joint German-Russian educational, creative and environmental activities, accessible to all age groups of Russian youth, contribute significantly to the image of Germany as a country with a high research potential, where theory and practice are inextricably linked. The image properties of Germany, practically ideological paradigms "outwardly" directed, are critically reinterpreted in the headlines of those articles in which students with the experience of living in the country share their impressions. Thus, a more realistic view of the destination country with educational objectives is created. Another View feature, as the results of the study show, is designed to balance the ideal and the realistic picture of the country of the target language.

Keywords: image formation, magazine headline, *vitamin de*

For citation: Alexeeva M. G., Frolova V. A. Germany's image formed by magazine headlines (on the materials of the youth magazine *vitamin de*). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 290–298 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-290-298>, EDN: RRDZAV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Имидж является сложным междисциплинарным понятием, требующим многоаспектного изучения. Так, в области журналистики В. А. Виниченко анализирует лексико-стилистические особенности медиатекстов, формирующих имидж вуза, выделяя три базисообразующих направления имиджмейкинга: имидж образовательной услуги, имидж руководителя и общественный имидж, включающий наличие партнерских связей, этическую и экологическую ответственность [1, с. 370–371]. В политологии объектом изучения часто становится имидж политика, транслируемый средствами СМИ. Г. Е. Боброва выявляет, например, в своей работе имидж-факторы, источники и приемы конструирования образа Дональда Трампа в немецком журнале *Der Spiegel* [2, с. 70–73]. В работе А. Б. Чердняковой и Г. М. Казаковой предлагается культурологический анализ понятия «имиджевая культура», рассматриваются такие смежные с ней понятия, как авторитет, престиж, статус, стиль, бренд, репутация [3, с. 133–140].

Особый интерес для нашего исследования представляют работы, изучающие имидж городов, регионов и стран. Так, О. Н. Кондратьева занимается выявлением языковых средств, используемых масс-медиа для формирования стереотипных представлений о Сибири, описывает фреймово-словотворческую структуру медиаобраза, выделяя при этом фреймы «Природа и география

Сибири», «История Сибири», «Социальная и экономическая сфера Сибири» [4, с. 224–232]. Д. Г. Десяев и И. Г. Напалкова анализируют в своей работе имиджеобразующие факторы Республики Мордовия, выявляя в ходе исследования высокую контрадикторность идеального и реального имиджа данного региона. Авторы исследования предлагают также меры для нивелирования негативных факторов и снижения имиджевых рисков [5, с. 206–223]. Имидж города как некий конструкт, создаваемый в условиях конкуренции городов на туристическом рынке, рассматривает Ю. В. Бучатская. Автор исследования задается вопросом, совпадают ли инсценировки среднего немецкого города Бамберга в рекламе и СМИ с реально переживаемым городом в логике повседневного восприятия жителей города [6, с. 131–146]. Е. Н. Ремчукова и В. А. Омеляненко анализируют в своей работе языковые особенности телевизионной рекламы продуктов питания, формирующие внутренний, т. е. направленный на внутреннюю целевую аудиторию, имидж России [7, с. 343–346].

Определению понятия «имидж» и разграничению его от смежных понятий, например от образа, облика, отражения, стереотипа, характера, паттерна, фигуры, эйдоса, посвящено множество лингвистических трудов. В научных трудах подробно рассматриваются также типологии имиджа (внутренний vs. внешний, субъективный

vs. объективный, макроимидж и субимиджи региона) [8, с. 84–87; 9, с. 6–18; 10, с. 120; 11, с. 6–11]. В вопросе разграничения имиджа от образа словарные дефиниции указывают на ярко выраженную дифференцирующую черту понятия имиджа – его целенаправленное создание средствами массовой информации, литературы, рекламы или самим индивидом – субъектом имиджа – с целью вызвать определенное, чаще положительное, впечатление, мнение или отношение со стороны целевой аудитории [12–15].

Целью нашего исследования является анализ журнальных заголовков *vitamin de* как имиджеобразующего средства, которое способствует целенаправленному формированию представления о Германии как одном из лучших образовательных центров Европы. Выбор немецкоязычного журнала *vitamin de*, выпускаемого более 20 лет в российском городе Омске при содействии Гёте-института, обусловлен рядом причин: *vitamin de* может считаться одним из самых значимых межрегиональных образовательных изданий для молодежи, поскольку тираж журнала достиг, по официальным данным сайта издания, 30 000 экземпляров, более 100 школ и вузов являются подписчиками журнала, издание распространяется по всему миру – от Узбекистана до Египта и Мексики [16]. Журнал призван, прежде всего, содействовать в языковой подготовке молодых людей для получения сертификатов, подтверждающих тот или иной уровень владения немецким языком. Это является необходимым условием участия в совместных российско-германских образовательных, экологических, культурных проектах и/или обучения в немецких вузах. Соответственно, одна из декларируемых целей молодежного издания состоит в формировании имиджа современной Германии как страны-цели пребывания с образовательными (и научно-исследовательскими) задачами.

В рамках исследования нами были проанализированы более 300 заголовков из десяти номеров молодежного издания *vitamin de* за период с 2017 по 2022 г.

Заголовок публицистического текста часто является объектом специальных лингвистических исследований: анализируются структурные и прагматические свойства заголовка, устанавливаются корреляционные отношения между структурной полнотой предложения и между полноинформативностью заголовка [17, с. 295–297]; заголовок может рассматриваться и как концепт, в котором различают его идеальную и реальную формы [18, с. 204–206].

Заголовок практически каждого текста коррелирует со всем текстом в содержательной и композиционно-языковой плоскостях. Заголовку присущ ряд релевантных функций: номинативная, информативная, прогностическая, графически-выделительная. Заголовок может обнаруживать также дополнительные функции, в том числе оценочную [19, с. 106]. Е. И. Беглова указывает на то, что определенный вид заголовков – креативные заголовки – обнаруживает аксиологическую и экспрессивную функции [20, с. 152–153]. Опираясь на утверждение А. Б. Чередыной и Г. М. Казаковой о том, что имиджу присуща аксиологическая составляющая [3, с. 141], можно предположить, что заголовок текста может выступать в качестве имиджеобразующего средства. В заголовке как в содержательном и интенциональном «сгустке» журнальной статьи выражаются имиджевые стратегии субъекта имиджа, транслируется позитивно сформированный имидж страны, ее релевантные для круга читателей ценности.

Статьи журнала выходят в рамках определенных рубрик. К постоянным рубрикам молодежного журнала *vitamin de* (встречаются во всех десяти анализируемых номерах издания) относятся следующие: *Neues aus Deutschland* (Новое из Германии), *Der andere Blick* (Другой взгляд), *Leserbriefe* (Письма читателей), *Landeskunde* (Страноведение), *Leben* (Жизнь), *In und Out* (Модно и немодно), *vitamin de regional* (Витамин де в регионах), *Bibliothek* (Библиотека), *Porträt* (Портрет), *Dialog* (Диалог), *Horoskop* (Гороскоп). Постоянное наличие этих рубрик обусловлено как первостепенными задачами молодежного издания – привлечь потенциальных обучающихся, обеспечить их адаптацию (интеграцию) в немецкоязычном обществе, так и спецификой возрастных особенностей группы реципиентов 12+. Имидж, по-видимому, должен быть адаптирован под аудиторию, понятен кругу читателей. Этим, на наш взгляд, можно объяснить наличие рубрик *In und Out* и *Horoskop*. Следует отметить, что материалы первой рубрики не сводятся собственно к моде, но фиксируют актуальные тенденции в целом: в образе жизни жителей Германии и Австрии, в их предпочтениях, в отношении к вопросам здоровья, сохранения окружающей среды.

Вторая группа рубрик представлена в журнале относительно реже. Это рубрики *Beruf* (Профессия), *Deutsche Erfinder* (Немецкие изобретатели), *Tradition* (Традиция), *Kunst* (Искусство), *Psychotest* (Психологический тест), *Rätsel* (Загадка), *Rezept* (Рецепт). Данная группа

рубрик, как и первая группа, призвана давать молодым читателям необходимые сведения для успешного обучения и проживания в Германии и лишь в меньшей степени известным образом развлекать их. Примечательным является и то, что даже в трех последних рубриках подспудно преследуются прежде всего имиджмейкинг-овые задачи, о чем подробнее будет сказано ниже.

Третья группа рубрик служит своего рода ресурсом для обновления палитры рубрик и поддержания читательского интереса. Ориентируясь на обратную связь с читателями посредством рубрики *Leserbriefe*, редакторы могут обнаружить интерес к той или иной рубрике, заменить «примелькавшуюся» рубрику на более привлекательную. Поскольку основные цели молодежного издания остаются практически неизменными, то тематически рубрики из третьей группы могут дублировать первые две группы рубрик, например: 1) *Architektur, Musik (Kunst)*; 2) *Literatur (Bibliothek)*; 3) *Mode, Konsum (In und Out)* или друг друга *Ausbildung – Bildung*.

Основной задачей исследования являются вопросы, какое именно представление о современной Германии, имидж страны изучаемого языка стремится создать молодежное издание *vitamin de* у читательской аудитории 12+ и как интенции редакции выражаются в корпусе журнальных заголовков? Свой анализ мы начнем с рубрики *Der andere Blick*, в которой обучаемые из других стран делятся своими впечатлениями, переживаниями и опытом обучения в Германии, формируя тем самым вторичный имидж, возникающий в результате сравнительного анализа. Эта своеобразная рубрика отзывов призвана сгладить возможное расхождение между реальным и идеальным имиджем. Взгляд «извне» может нивелировать риски возникновения разочарования и понижения репутационного капитала Германии как одного из образовательных центров Европы (см. также [5, с. 204]). В рубрике *Der andere Blick* концептуально-содержательное наполнение заголовков развенчивает vs. подтверждает стереотипы о немецком социуме (*Zuverlässigkeit. Das Synonym für Deutschland / Distanziert, sportlich und vegetarisch. Ezoza und die Deutschen / Small Talks und Tabus. Eszter in Deutschland / Pünktlichkeit und schnelles Fahren. Der Student Luciano in München*), формирует представления о бюрократических порядках и о видах досуга (*Bürokratie und Partys. Studentenleben in Deutschland*), о гастрономических предпочтениях (*Kulturschock deutsches Essen. Die Brasilianerin Tamara in Deutschland*) и об образе

жизни в целом (*Deutsche sind Morgenmenschen. Eddie und sein Leben in Deutschland / Land der Ruhe. Zhaos Leben in Deutschland*).

Статьи рубрики *Landeskunde* формируют привлекательный географический образ Германии, делают акцент на поразительном разнообразии ландшафтов всех земель Федеративной Республики (*Tief im Osten Deutschlands. Die Region Lausitz im Porträt / Saubere Natur und Urzeittiere. Das Altmühltal in Bayern*). Сравнивая некоторые регионы с итальянской Тосканой, авторы статей популяризируют Германию в том числе как прекрасное место для отдыха и гастрономических открытий (*Deutschland Toskana. Die Region Mosel-Saar / Deutsche Toskana. Die Weinregion Pfalz*). Горные цепи, прекрасные озера, величественные замки, упоминаемые в заголовках, также вносят свой вклад в укрепление географической составляющей в имидже Германии и Австрии (*Berge, Burgen, Traditionen / Das Land der Berge im Herzen Europas. Die Alpenrepublik Österreich*). Этой же цели служит употребление в заголовках гипербол и сравнений (*Das Land der tausend Berge und Seen. Das Sauerland im Westen Deutschlands / Land der tausend Seen. Die Mecklenburgische Seenplatte / Naturparadies mit historischen Städten. Die Region Harz*).

Одной из наиболее пестрых по своему содержанию является рубрика *Leben*, заголовки статей в которой призывают к обсуждению самых разнообразных вопросов: видов молодежного досуга (*Mein Fahrrad und ich. Fünf Jugendliche erzählen / Urban Gardening. Mein Gemüsegarten in der Stadt*); высказываются мнения, иногда противоположные друг другу, о традиционных праздниках (*Weihnachten am Strand? Zwei verschiedene Meinungen / Lustig oder albern? Zwei Meinungen zum Karneval*). Германия предстает в заголовках статей описываемой рубрики активно борющейся против коронавирусной инфекции, ратующей за вакцинацию (*Beim Impfen helfen. Ekaterinas Kampf gegen das Coronavirus / Jugend in den Coronazeiten. Rücksichtslos oder umsichtig?*). Особое место занимают заголовки статей, посвященные излюбленным занятиям молодежи в определенное время года (*Frühlingsgefühle. Tatendrang und gute Laune / Lieblingsjahreszeit Herbst. Junge Leute und ihre Herbstaktivitäten / Sauber in den Frühling. Machst du einen Frühjahrsputz?*).

Рубрика *vitamin de regional* является одной из самых важных и объемных (включает до семи различных статей в номере) рубрик журнала, в задачи которой входит создание картины теснейшего разнопланового взаимодействия Германии и России. Рубрика представляет собой

своеобразный «отчет» о мероприятиях, акциях, конкурсах, проведенных в городах двух стран: в Сочи, Казани, Гере, Мурманске, Ростове, Новосибирске, Берлине и во многих других. В большинстве случаев мероприятия носят образовательный характер: это стажировки (Bei der deutschen Welle. Ein Praktikum als Journalistin / Brötchen backen in Berlin. Ksenijas und Iljas Backerpraktikum); различные конференции и сообщения о профессиональных объединениях (Bildungskonferenz in Moskau. Deutsch als zweite Fremdsprache / Schwache werden mächtig. Anna Lenets vom Deutschlehrerverband); соревнования и конкурсы (Slam-Stunde Deutsch. Ein Wettbewerb für Deutschlehrer / Zwei wunderbare Wochen. Anastassija bei der Deutscholympiade / Gib niemals auf! Der Wettbewerb „Jugend debattiert international“ / Verstehen lernen. Der deutsch-russische demoSlam); опыт учебного обмена между двумя странами и помощь в профориентации (Eine Übungsfirma auf Deutsch präsentieren. Videowettbewerb zu Deutsch in Beruf / Unvergessliche Erfahrungen. Zum Studium nach Deutschland / Zwischen Berlin und Nowosibirsk. 10 Jahre deutsch-russischer Jugendaustausch / Förderung von Nachwuchskräften. Deutsch-russische Partnerschaft / Ein Schüleraustausch. Von Troisdorf nach Jaroslavl / Mehr Jugendaustausch mit Russland. Mehrheit der Deutschen ist dafür / Russisch-deutscher Onlineaustausch. Viele positive Eindrücke); Дни немецкого языка и культуры в российских городах (Ein buntes Programm. Deutsche Tage in Rostow / Mit Deutsch kannst du mehr. Deutschtage in Taganrog). Следует отметить, что иногда статьи этой рубрики зеркально отражают рубрику Der andere Blick, передавая впечатления от жизни в России уже представителей немецкой молодежи, – Ampelcountdown und Borschtsch. Jochanns Leben in Omsk.

Особую нишу занимают в этой рубрике, во-первых, заголовки интервью-презентаций, например, какой-либо книги, проекта или немецкого языкового центра (Gebrochenes Deutsch. Fluchtgeschichten / Verliebt in Sibirien. Die Filmemacherin und Autorin Britta Wulf / Das Ansehen verspielt? Neues Buch von Alexander Rahr / Sprachzentrum Woronesch. Interview mit Olga Lopatina / Mit tatkräftiger Unterstützung. Das Sprachlernzentrum Krasnodar); во-вторых, статьи об образовательных проектах для детей (или их раннему обучению немецкому языку) и младших школьников (Frühes Fremdsprachenlernen. Deutsch lernen mit Otto Oktopus / Deutsche digitale Junioruni. Die fliegende Weltraumstation / Warum Feuer knistert. Maxim berichtet von der digitalen Kinderuni / Russisch Brot. Backworkshop

für junge Leute); в-третьих, статьи, посвященные немецким национальным меньшинствам в России (Wandern im Altai-Gebirge. Das Jugendcamp der Russlanddeutschen / Deutsche Minderheit im Blick. Perspektiven aus Russland und Kasachstan / Bewegtes Leben. Die Wolgadeutsche Margarete Schulmeister / Das Schicksal meiner Urgroßeltern. Die Geschichte der Familie Epp / Auch online ein Erfolg. Das Sommercamp der deutschen Minderheit) и, в-четвертых, это совместные проекты в области искусства и экологии (Mit Kunst das Selbstbewusstsein stärken. Das Projekt „Art-Labor“ / Neukölln in Nowosibirsk. Das Kunstfestival / Jubiläum online. 25 Jahre Schultheaterfestival in der deutschen Sprache / Umwelt macht Schule. Vorbild für Nachhaltigkeit / Mitmachen und mitretten! Umweltschutz in Russland und der Mongolei / Plastik raus aus unserem Leben! Umweltbewusst im Alltag). Итак, заголовки статей рубрики vitamin de regional формируют у молодых читателей, пожалуй, самый мощный стимул для изучения немецкого языка, показывая уже достигнутые результаты обмена и сотрудничества между двумя странами. Анонсируемые мероприятия охватывают, по сути, все без исключения возрастные группы подрастающего поколения – от младших школьников до магистрантов. Заголовки статей этой рубрики создают имидж Германии как максимально доступной не только для столичной, но и для провинциальной молодежи образовательной среды.

Диапазон статей еще одной постоянной рубрики Bibliothek не ограничивается только собственно презентацией книжных новинок современных писателей (Zwei tolle Weihnachtsbücher. Frohe Weihnachten und eine schöne Bescherung / Kwiatkowski. Der geniale Detektiv / Unterhaltsame Sommerlektüre. Aktuelle deutsche Theaterstücke / Expedition Polarstern. Dem Klimawandel auf der Spur / Nachts in der Schule kommt die große Gefahr. Zwei leicht lesbare Bücher), лексико-грамматических тренажеров по немецкому языку, учебниками по грамматике немецкого языка (Wortwahl und Rechtschreibung. Trainer für Wortschatz und Orthografie / Deutsche Grammatik. Grundlagen für Deutsch als Zweit- und Fremdsprache) или сообщением биографических сведений о немецких писателях (Alltag in der Bundesrepublik. Der Schriftsteller Martin Walser). Заголовки знакомят юных читателей также с историческими деятелями, внесшими неоценимый вклад в становление и развитие национального немецкого языка (Reformator Martin Luther. Glücksfall oder Unglück der Geschichte), рассказывают о конкурсах любителей чтения (Über Bücher diskutieren. Lese-

füchsin Daria). Статьи этой рубрики мотивируют молодых людей к изучению языка через чтение, показывают, что читать всегда современно.

Следующим разделом журнала, представляющим интерес для нашего исследования, является рубрика Dialog, которая тематически пересекается с описанными выше рубриками Der andere Blick и Landeskunde. В форме интервью иностранные школьники и студенты делятся своими впечатлениями о посещении немецких и австрийских достопримечательностей (Eine Japanerin in Österreich. Kayo und die Zugfahrt nach Salzburg / Die Geheimtür. Unterwegs im Schloss Schönbrunn), о решении бытовых вопросов (Nusskipferln und Kaffee. Der Syrer Hakim Younis in Innsbruck / Schwimmen gehen. Der Spanier Miguel in Hamburg), обсуждают вопросы межличностного общения – любви, дружбы, завязывания контактов, например, в первый день обучения в школе по обмену (Aller Anfang ist schwer. Zuzanna, die Austauschschülerin / Ganz nah oder lieber fern? Lisa und Maren sprechen über Beziehungen / Schnell Freunde finden. Die Japanerin Kayo in Österreich). Dialog – это единственная рубрика в журнале с «продолжением», некоторые персонажи – японка Кайо, американка Лиза, Сюзанна из Словакии – появляются в нескольких выпусках издания, читатель может следить за их жизнью в Германии, разделяя с ними радости и печали. Заголовки статей этой рубрики почти всегда указывают на национальность главного героя и / или на его местонахождение в Германии, формируя таким образом имидж Германии как страны, открытой всему миру.

Рубрика Beruf входит во вторую, менее частотную группу. Заголовки статей знакомят читателей с миром профессий в стране изучаемого языка, описывают редкие специальности, учитывая принцип «в профессии не важны гендерные различия» – женщина-архитектор или женщина-священник, мужчина-повар (Vielseitiger Beruf. Die Architektin Vanessa Rosbach / Am richtigen Ort sein. Die evangelische Pfarrerin Julia Maser / Koch aus Leidenschaft. Darius und sein Traumberuf). В заголовках этой рубрики часто появляются профессии с высокой социальной ответственностью: лесник, пилот, учитель физкультуры, тренер по плаванию и смотритель в зоопарке (Arbeiten im Wald. Der Forstwirt Juri Schneidmesser / Über den Wolken arbeiten. Pilot Felix Weixlbaumer / Freude an der Bewegung. Sportlehrer Thomas Tischler / Bademeister Patrick. Alleskönner am Beckenrand / Frau Rüsselhündchen. Die Tierpflegerin Janet im Zoo Leipzig).

Заголовки статей рубрики Deutsche Erfinder уделяют внимание, прежде всего, достижениям в автомобиле- и авиастроении XX в. (Gottlieb Daimlers Vision. Die Motorisierung der Welt / Der König der Lüfte. Gründer der Luftfahrt Ferdinand Graf von Zeppelin / Eine zündende Idee. Die Erfindung des Dieselmotors), в медицине (Erfinder der Dialyse. Georg Haas und die künstliche Niere / Pionier der Impfstoffforschung. Der Mediziner Paul Ehrlich). В одном из последних выпусков vitamin de упоминаются и женщины-изобретатели Германии и Австрии (Frauen verändern die Welt. Deutsche und Österreichische Erfinderinnen). Анализируемая рубрика дублируется ресурсными рубриками из третьей группы: Technik (Техника), Digitale Welt (Цифровой мир). Заголовки статей ресурсных рубрик тематизируют как технические новинки в автоиндустрии Германии, так и достижения, впрочем, не всегда только положительные, в области мобильных приложений и социальных сетей (Elektroautos. Nicht beliebt im Land der Autobauer / Facebook und ich. Was weiß Mark Zuckerberg über mich? / Ausdauer und logisches Denken. Der junge App-Entwickler Niklas). Заголовки всех упомянутых групп репрезентируют Германию как страну с высоким научно-исследовательским потенциалом, имеющим также ярко выраженный прикладной характер.

Концептуально раздел Deutsche Erfinder связан с рубриками Bildung (Обучение), Ausbildung (Профессиональное обучение), Studium (Учеба в университете). Все три относятся к малочастотным рубрикам. Презентация университетов Германии как место обучения иностранных студентов является основной целью заголовков статей рубрики Studium (Geovanes Traumstudium. Nanotechnologie in Erlangen-Nürnberg / Die Professoren sind supernett. Minus Studium an der FAU). Под рубриками Ausbildung и Bildung публикуются истории молодых людей, осваивающих ту или иную профессию (Zuerst einen Beruf lernen. Warum ich eine Ausbildung mache / Ausbildung in Deutschland. Der Weg in den Beruf). Представляется, что демонстрация теснейшей связи теории с практикой в образовании Германии, погружение в мир профессии призваны подчеркнуть практикоориентированность обучения, нивелировать образ немца-ученого, отвлеченного от реальной жизни, который сложился в русской литературе XIX–XX в. (см. подробнее: [21, с. 252]).

В рубрике Tradition представлены заголовки статей, посвященных чаще всего христианским праздникам и региональным обычаям, которые связаны с этими праздниками (Christi Himmelfahrt. Ein bedeutender christlicher Feiertag / Warum

feiern wir Weihnachten? Der Ursprung des Festes / Das Osterfest. Regionale Bräuche in Deutschland und Österreich / Bunte Ostereier. Warum das Ei ein Ostereisymbol ist / Zeit des Gedenkens. Der Trauermontat November). Примечательным является то, что из этих заголовков складывается имидж Германии как страны, уважающей универсальные по своему набору ценности, здесь нет места так называемым спорным или отрицательным ценностям, касающимся, например, гендерных вопросов (см. также об отрицательных ценностях [22, с. 91–92]). Вслед за Р. Линднером, утверждающим, что имидж города выступает как некий продукт, как инструмент управления и убеждения, релевантный для развития города, идентичный в этом смысле политической идеологии и идеологии товара [23, S. 86], мы полагаем, что целенаправленно формируемый имидж, в нашем случае имидж страны, действительно сближается с понятием идеологии. Только идеологии, транслируемой «вовне», на внешнего реципиента определенной возрастной группы (см. подробнее об идеологии [24, 25]). Однако мы предполагаем, что субъект имиджа, в отличие от субъекта идеологии находится, прежде всего, в поиске тех зон, которые сближают «свое» и «чужое», делают максимально привлекательным «чужое». Создатели имиджа тщательно отбирают те ценности чужой идеологии, которые близки или, по крайней мере, «не чужды» аудитории, воспринимающей идеологические установки.

С богатым миром немецкого искусства, с этапами его развития – от Средневековья до новейшего времени – знакомит российских читателей рубрика Kunst (Kunst in Deutschland. Plastik und Malerei der Gotik / Kunst in Deutschland. Neue Sachlichkeit).

Имиджмейкинг-задачи заголовков из трех последних рубрик второй группы – Psychotest, Rätsel, Rezept – заключаются, на наш взгляд, в следующем. Нельзя утверждать, что валидность психологических тестов безупречна, но они в своем большинстве обращают внимание молодых людей на те свойства личности, которые необходимо развивать в себе, чтобы эффективно взаимодействовать в социуме, в том числе иностранном, например, способность адекватно воспринимать критику и не обижаться на критикующего, быть целеустремленным, уметь улаживать конфликты, грамотно распоряжаться финансами, дружить со школьными товарищами (Das ist gut, aber ... Bist du kritikfähig? / Ehrgeizig oder verträumt. Wie zielstrebig bist du? / Krieg oder Frieden. Wie gehst du mit Konflikten um? / Gemeinsam sind wir stark. Bist du ein guter Schulkamerad?). Сумми-

руя результаты анализа отдельных тестов, можно получить психологический портрет «идеального члена общества», являющегося частью имиджа Германии: дружелюбного, целеустремленного, нерасточительного оптимиста, имеющего социально одобряемые хобби, например садоводство или уход за домашними животными.

В рубрике Rätsel предметом обсуждения являются фотоквизы, касающиеся самых разных страноведческих тем – от названий цветов, произрастающих в Германии весной до знания новогодних обычаев и видов городских набережных в Германии (Fotoquiz. Deutsche Blumenamen / Österreichische Wörter für Gemüse / An der Flusspromenade / Sportarten im Sommer / Deutsche Burgennamen und Schlösser). Rätsel является фактически рубрикой-спутником блоков Landeskunde и Leben.

Рубрика Rezept служит логическим дополнением к рубрикам Landeskunde и Tradition, предлагает подробное описание рецептов несложных в приготовлении традиционных блюд немецкой и австрийской кухни, которые готовят в том числе на различные церковные и светские праздники (Leckeres Rezept für Silvester. Der Jägerwecken / Krapfen mit Konfitüre. Der Klassiker zur Faschingszeit / Kartoffelsalat mit Würstchen. Der Klassiker am Heiligabend / Eiersalat an Ostern. Proteinreich und schnell gemacht). Заглавия статей рубрики Rezept вносят свой вклад в общую картину имиджа Германии, формируют представление о немецкой кухне пусть не как о самой изысканной, но, несомненно, вкусной и сытной.

Завершает наше исследование анализ заголовков из наименее частотной группы рубрик. Статьи, публикуемые под рубрикой Geschichte (История), посвящены, вероятно, важнейшим с точки зрения участия немецкой молодежи историческим событиям: строительству и падению Берлинской стены (Symbol der Teilung. Der Bau der Berliner Mauer / Ab sofort und unverzüglich. Vor 30 Jahren fiel die Berliner Mauer), движению за права женщин (Frauen machen Politik. 100 Jahre Frauenwahlrecht), бунту поколения 70-х (Die 68er-Bewegung. Eine Generation will Veränderung), антифашистской борьбе с национал-социалистами (Mutige Widerstandskämpferin. Sophie Scholl und die „Weiße Rose“). Молодежь Германии выступает здесь как политически сознательная, активная часть общества.

Обиходно-разговорный язык, особенности немецких речевых оборотов и их история (Umgangssprache. Deutsche Redewendungen / Umgangssprachliche Wörter. Astreiner Ohrwurm im Saftladen / Mittelalterliche Redewendungen. Geschichten aus

einer anderen Zeit), немецкие модальные частицы как индикатор особой разговорной окрашенности речи (Modalpartikeln. Die richtige Würze für einen Satz) являются предметом содержания заголовков статей рубрики Sprache (Язык).

Рубрики Gesundheit (Здоровье) и Sport (Спорт) практически не отличаются друг от друга. Публикуемые здесь материалы актуализируют вопросы здорового образа жизни, в том числе питания (Gesunde Ernährung, Sport und Freunde. Jugendliche achten auf ihre Gesundheit / Fit mit digitaler Hilfe? Selbstoptimierung durch Fitness-Apps), видов спорта и их положительного влияния на молодых людей (Wintersport. Skilanglauf liegt im Trend / E-Mountainbiking. In weniger Zeit mehr erleben). Жители Германии показываются заботящимися не только о своем здоровье, но и о здоровье планеты, о защите окружающей среды (Der ökologische Fußabdruck), об экологически чистом строительстве (Das Haus der Zukunft. Nachhaltiges Bauen und Wohnen) и о мире, свободном от пластика (Zu viel Plastikmüll. Gefahr für die Weltmeere). Защита окружающей среды среди молодежи может также принимать демонстрационно-протестные формы (Demonstrieren für den Umweltschutz. Die Bewegung Fridays for Future).

Другие рубрики третьей группы имеют спортивный характер, и их заголовки не оказывают существенного влияния на формирование имиджа Германии.

Итак, как показало наше исследование, заголовки молодежного издания vitamin de формируют следующий имидж страны изучаемого языка. Германия занимает благоприятное географическое положение, она богата разнообразными ландшафтами и культурными достопримечательностями, Германия славится также своей традиционной кухней. Немецкая молодежь пропагандирует здоровый образ жизни, активно занимается спортом, разнообразно проводит свой досуг, является политически активной и зрелой, старается минимизировать свой «экологический след». Сотрудничество Германии и России исходит на самых разных уровнях – образовательные, научно-исследовательские, творческие и экологические мероприятия и проекты доступны для всех возрастных групп российской молодежи. Основным имиджеобразующим компонентом выступает представление о стране как о центре научно-исследовательской европейской мысли, в котором теория является неотъемлемой частью практики, в котором человек при желании может овладеть любой профессией, и все они уважаются социумом. В журнальных заголовках популяризируется имидж Германии как страны с

универсальными ценностями, которые в целом и целом не противоречат ценностям российской читательской аудитории. Имиджевые характеристики Германии, фактически идеологические разработки, транслируемые за пределы самой страны, коррелируют с впечатлениями иностранных студентов, уже имеющих опыт проживания и обучения в Германии. В соответствующих заголовках предпринимается попытка создания равновесного соотношения ожидаемой и реальной картины о стране изучаемого языка.

Список литературы

1. Виниченко В. А. Лексико-стилистическая специфика медиатекстов в формировании имиджа вуза в интернете // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 2. С. 366–380. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(2\).366-380](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(2).366-380)
2. Боброва Г. Е. Имидж Дональда Трампа в Der Spiegel // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 2 (26). С. 70–77. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(2\).70-77](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(2).70-77)
3. Чередынова А. Б., Казакова Г. М. Имиджевая культура: верификация явления и концептуализация понятия // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. №33. С. 133–144. <https://doi.org/10.17223/22220836/33/11>
4. Кондратьева О. Н. Стереотипный медиаобраз Сибирского региона (по материалам Российских СМИ XXI века) // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 222–236. <https://doi.org/10.17223/24099554/12/11>
5. Десяев Д. Г., Напалкова И. Г. Республика Мордовия: стратегический анализ имиджеобразующих факторов // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 203–230. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-2-203-230>
6. Бучатская Ю. В. «Город мечты»: культура и атмосфера как ресурсы формирования имиджа городов (на примере южнонемецкого города Бамберг) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21(4). С. 130–153. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.6>
7. Ремчукова Е. Н., Омельяненко В. А. Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 2. С. 341–349. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-341-349>
8. Чепкасов А. В. Образ – имидж – стереотип региона (к определению понятий) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 6: Журналистика. С. 83–92.
9. Ильин М. И. Образ, облик, эйдос, фигура, паттерн. Как слова помогают распознавать образы, ощущать их, понимать значения и смыслы? // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 2. С. 6–20. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-2-1>

10. Шестопал Е. Б. Образы государств, наций и лидеров. М. : Аспект Пресс, 2008. 288 с.
11. Кубрякова Е. С. К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1. С. 5–11.
12. Большой словарь иностранных слов. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 24.08.2022).
13. Педагогический терминологический словарь. Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2006. URL: <https://rus-pedagogical-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 24.08.2022).
14. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/> (дата обращения: 24.08.2022).
15. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 24.08.2022).
16. vitamin de: Journal für junge Deutschlerner. URL: <https://www.vitaminde.de/> (дата обращения: 20.08.2022).
17. Мещеряков А. А., Асмус Н. Г. Структурные и прагматические особенности заголовков в политическом медиадискурсе // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание : сб. ст. / сост. А. С. Макурина. Челябинск : Южно-Уральский гос. ин-т искусства им. П. И. Чайковского. 2020. С. 290–298.
18. Чертоусова С. В. Концептуальная природа заглавия немецкоязычного газетного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 8. С. 203–208. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.38>
19. Гончарова Е. А., Шишкина И. П. Интерпретация теста : учеб. пособие по немецкому языку. М. : Высшая школа, 2005. 368 с.
20. Беглова Е. И. Особенности заголовка в современной газетно-журнальной публицистике // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа : сб. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Н. С. Цветова. СПб. : С.-Петербургский гос. ун-т, ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2015. С. 151–154.
21. Жданов С. С. Ученость «Германии туманной»: к комическому образу немецкого ученого в русской литературе конца XVIII – начала XX в. // Вестник СГУГиТ. 2017. Т. 22, № 4. С. 243–256.
22. Быстрова Т. Ю. Аксиология бренда : к методологии культурного брендинга территории // PR в изменяющемся мире: Региональный аспект. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2011. Вып. 9. С. 85–95.
23. Lindner R. Textur, imaginaire, Habitus – Schlüsselbegriffe der kulturanalytischen Stadtforschung // Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung / Hg. H. Berking, M. Low. Frankfurt a/M ; New York : Campus Verlag, 2008. S. 83–94.
24. Савельева О. О. Идеология // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2000230> (дата обращения: 11.08.2022).
25. Идеология // Новейший философский словарь. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/D0%AF> (дата обращения: 11.08.2022).

Поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 27.08.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 12.05.2023

ДАТА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 299–307

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 299–307

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-299-307>

EDN: RBTPMZ

Персоналии

УДК [811.161.1'272.2'367-11+378.4.096](470.44-25)+929Сиротинина

Научные идеи О. Б. Сиротининой и саратовская школа изучения единиц реальной коммуникации. К столетию со дня рождения ученого-педагога

С. В. Андреева, Е. Ю. Викторова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

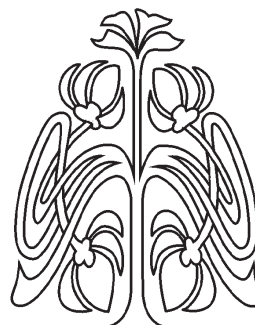
Андреева Светлана Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, svandre-eva64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5896>

Викторова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

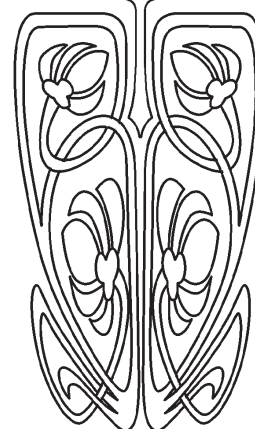
Аннотация. Статья посвящена столетнему юбилею выдающегося ученого-лингвиста – профессора Саратовского университета Ольги Борисовны Сиротининой (род. в 1923 г.). В статье выделен и проанализирован ряд идей ученого в области изучения единиц реальной коммуникации: необходимость разработки новых подходов к синтаксическим единицам; взаимодействие основного и вспомогательно-организующего уровней коммуникации; забота об адресате речи как ведущий принцип лингвоэкологии; диффузность как динамический процесс русской речи. В конце прошлого столетия в исследованиях разговорной речи О. Б. Сиротининой были обоснованы новые подходы к выделению и описанию коммуникативных единиц: наряду с синтаксисом предикативных единиц был разработан синтаксис непреложеческих коммуникативов. В работах О. Б. Сиротининой было доказано, что при исследовании функционирования дискурса необходимо пристальное внимание к роли незначительных слов, так как от взаимодействия основных и вспомогательных единиц общения напрямую зависит эффективность коммуникации. Забота об адресате в любой сфере коммуникации является ведущим принципом лингвоэкологии. Именно от автора и его усилий в большой степени зависит успех коммуникации. С нарушением принципов лингвоэкологии связаны и процессы диффузии русской лексики, которым О. Б. Сиротинина уделяет много внимания в своих работах: в силу ослабления и расширения значения такие слова становятся «всезначущими» и широкоупотребительными, модными. Следствием злоупотребления диффузными словами является обеднение системы языка, а также многочисленные социальные и профессиональные риски. Рассмотренные идеи О. Б. Сиротининой сформировали направления исследований саратовской школы изучения единиц реальной коммуникации конца XX – начала XXI в. В статье определены тенденции развития данных направлений научной мысли.

Ключевые слова: О. Б. Сиротинина, русский язык, синтаксис, коммуникативные единицы, коммуникативы, дискурсивы, семантическая диффузия, лингвоэкология, коммуникативные риски

Для цитирования: Андреева С. В., Викторова Е. Ю. Научные идеи О. Б. Сиротининой и саратовская школа изучения единиц реальной коммуникации. К столетию со дня рождения ученого-педагога // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 299–307. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-299-307>, EDN: RBTPMZ
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Personalia

**Scientific ideas of Olga B. Sirotnina and Saratov linguistic school of researching real communication units.
On the occasion of the centenary of birth of the scientist and teacher**

S. V. Andreeva, E. Yu. Viktorova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Andreeva, svandreeva64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5896>

Elena Yu. Viktorova, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

Abstract. The article is dedicated to the 100th anniversary of the outstanding Russian linguist, professor of Saratov State University Olga B. Sirotnina (born in 1923). The article presents and analyzes a number of scientific ideas of the scholar: the necessity to work out new approaches to syntactic units; the interaction of primary (factual) and secondary (organizational) levels of communication; attention of the author to the addressee as a leading principle of linguistic ecology; semantic diffusion as a dynamic process in the Russian discourse. In the late 20th century Olga B. Sirotnina in her research of the colloquial speech determined new approaches to communicative units: alongside the syntax of predicative units she developed the syntax of non-predicative ones. Her works prove that while studying real discourse a special focus should be put on the role of functional words as the effectiveness of communication is directly determined by the interaction of factual and organizational communication units. The author's concern about the addressee is one of the main principles of linguistic ecology. It is the author who is primarily responsible for the success of communication, so they are supposed to make a number of reasonable efforts to facilitate for the addressee the perception of their message. The process of semantic diffusion is often connected nowadays with the violation of linguo-ecological principles. This problem is one of the main concerns of Olga B. Sirotnina: de to weakened and broadened meaning some words start to mean almost anything, are used widely and turn into fashionable words. Excessive use of diffused lexis leads to the language system impoverishment as well as to numerous social and professional risks. The ideas of Olga B. Sirotnina under discussion have organized the research of real communication units and determined the directions of the development of Saratov linguistic school in the late 20th – early 21st centuries. The article focuses on the tendencies in the development of these ideas by Saratov linguists.

Keywords: Olga B. Sirotnina, Russian language, syntax, units of communication, reaction phrases, discourse markers, semantic diffusion, linguistic ecology, communication risks

For citation: Andreeva S. V., Viktorova E. Yu. Scientific ideas of Olga B. Sirotnina and Saratov linguistic school of researching real communication units. On the occasion of the centenary of birth of the scientist and teacher. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 299–307 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-299-307>, EDN: RBTPMZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Мы посвящаем эту статью своему учителю – выдающемуся ученому, профессору Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Ольге Борисовне Сиротининой, столетие которой отмечаем в этом году. О. Б. Сиротинина широко известна в лингвистике как исследователь синтаксического уровня языка, функционально-стилевой дифференциации, разговорной речи, языка СМИ, узуса в его соотношении с системой. Пожалуй, менее известна ее роль как фактического создателя и вдохновителя Саратовской школы изучения единиц реальной коммуникации. Цель данной статьи – представить некоторые, кажущиеся нам важными и близкие по ряду причин, идеи Ольги Борисовны в рамках этого направления, получившие развитие в работах саратовских лингвистов в конце XX – начале XXI в.

1. *Идея о необходимости разработки новых подходов к синтаксическим единицам.* Когда в России и за рубежом активно и масштабно начала изучаться разговорная речь, лингвисты саратовской школы под руководством О. Б. Сиротининой одними из первых начали выявлять существенные признаки и особенности разговор-

ной речи [1], анализировать разговорную речь в сопоставлении с другими функциональными стилями [2, 3], исследовать свойства интонационной организации спонтанной речи [4], рассматривать устную литературную речь в онтогенезе [5] и многое другое. В результате коллективных усилий «разговорников» нескольких научных центров подтвердилось существование наряду с лингвистикой языка и лингвистики речи. Начался поиск новых подходов к принципам классификации синтаксических единиц, особенно тех, которые не подходили под общепринятое определение предложения.

О. Б. Сиротинина считала необходимым и возможным выделять и описывать как предложенческие, так и непредложенческие, как предикативные, так и непредикативные речевые факты. Новые подходы к изучению реальных дискурсов получили отражение не только в научной, но и в учебной литературе. Выявленные коммуникативные единицы непредложенческого типа были описаны в качестве релятивов в учебном пособии для студентов «Современная разговорная речь и ее особенности» (1974) [1]; в качестве непредложенческих коммуникатов в «Лекциях по синтаксису русского языка» (1980) [6]. В дальнейших исследованиях саратовских ученых эти единицы детально изучались в разных аспектах [7–12 и др.].

Под руководством О. Б. Сиротининой была разработана теория о сентенсоидах, ставшая основой докторской диссертации И. И. Прибыток. Сентенсоиды функционально подобны предложению, но структурно от него отличаются: они лишены автономной эксплицитной предикативности и поэтому коммуникативно значимыми (полноценными) становятся только в контексте. В рамках исследования И. И. Прибыток, выполненного на материале английского языка, были выделены структурные и функциональные типы сентенсоидов, выявлены особенности их функционирования в разговорной речи и художественном диалоге [7].

Дискуссионным был и остается вопрос о статусе этой специфической коммуникативной единицы. Как она соотносится с системой предложений? Одни исследователи не ставили перед собой этот принципиальный вопрос, другие давали прямо противоположные ответы. При первом подходе коммуникативы рассматривают как особый тип простых предложений, при втором – как самостоятельные единицы синтаксиса, функционирующие в речи наряду с высказываниями, реализующими грамматические модели предложения.

Сторонник первой точки зрения В. Ю. Меликян утверждал, что коммуникема как нечленимое предложение представляет собой производное построение от соотносимого с ней предложения (членимого и нечленимого), «свернутое» (редуцированное) на основе четко определенной схемы, диктуемой строгими законами языка [13, с. 50]. Второй подход убедительно аргументировали Г. В. Валимова и О. Б. Сиротинина, подчеркивая непонятность рассматриваемых единиц; их функциональную ограниченность; способность быть только речевой единицей (тогда как предложения функционируют и на речевом, и на языковом уровнях); невозможность самостоятельного употребления, без опоры на ситуацию; неспособность войти в структуру предложения [14, с. 133–134; 6, с. 94–95].

По-разному ученые определяют границы этого явления. Довольно узкое понимание представлено в монографии Т. Н. Колокольцевой, где детально исследуются только собственно реплики-реакции [9]. В наших исследованиях принято широкое понимание этого речевого явления [8, 10]. Коммуникативно зависимая позиция в составе реплики-реакции не представляется нам ведущим признаком данного класса единиц. Основными критериями выделения коммуникативов считаем их речеоорганизующие функции; выражение модальных, а не диктумных смыслов; зависимость от ситуации употребления; непредикативный характер. В соответствии с этими критериями в состав коммуникативов нами включаются разнообразные регуляторы общения: реплики-реакции, актуализаторы, гезитативы, формулы речевого этикета и даже обращения. Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что принадлежащий сфере дискурсивной модальности непредикативный коммуникатив представляет собой самостоятельную речевую единицу наряду с инвариантной единицей языка – предложением.

Можно сказать, что поскольку речь без них не обходится, то и язык в них нуждается. Номинативно некоторые из коммуникативов вошли в лексическую систему языка (*Да; Нет; Ни за что* и т.п.). В словарях такие единицы описываются через указание на тип речевого акта, функциональную специфику [15–18 и др.]. Толковые, фразеологические и даже специальные словари отражают пока лишь небольшое количество стереотипных реплик, выражающих в диалогической речи широкий диапазон модальных реакций. Детальное их описание с учетом материалов НКРЯ – дело будущих исследований.

2. *Идея о взаимодействии основного и вспомогательно-организующего уровней коммуникации.* В настоящее время наблюдается бурный рост исследований реальной речевой коммуникации. Одной из актуальных и сложных оказалась проблема классификации языковых единиц на основе их коммуникативной роли в конкретных дискурсах. Формулируя трудные для решения задачи современного этапа изучения речевой коммуникации, О. Б. Сиротина пишет: «Есть неотложные задачи внутри изучения речевой коммуникации и ее основного механизма – языка. Переход к исследованию конкретных дискурсов сразу же выявил “прорехи” традиционной лингвистики с ее довольно четким делением слов на знаменательные и служебные. Уже давно был установлен факт перехода ряда слов из одного разряда в другой. Но изучение конкретных дискурсов поставило задачу более сложного деления слов по выполняемым ими функциям в дискурсе (сначала не столько слов, сколько их синтаксической роли (работы Л. Теньера, Г. В. Валимовой, И. И. Прибыток, В. Ю. Меликяна, С. В. Андреевой и др.)» [19, с. 298].

Только в конце прошлого столетия в связи с коммуникативно-прагматическим поворотом в исследованиях стала обсуждаться идея о том, что речевое общение происходит как минимум на двух уровнях: информативном, основном, и вспомогательно-организующем. Внимание к этой важнейшей закономерности дало современной лингвистике исследования, значение которых трудно переоценить, поскольку именно взаимодействие средств названных уровней обеспечивает эффективность коммуникации. Тема эффективности коммуникативного взаимодействия – одна из важнейших для О. Б. Сиротиной. На разработку этой темы она вдохновляет студентов, диссертантов, коллег по Институту филологии и журналистики.

В русле лингвистики речи С. В. Андреевой разработана коммуникативно-функциональная типология единиц речевой коммуникации. На базе выявленных автором универсальных принципов членения дискурса выделены основные и вспомогательные коммуникативные единицы. Первые представляют собой «костяк» речевой коммуникации, поскольку реализуют фактуальную информацию. Вспомогательные единицы привлекаются говорящим факультативно, поскольку служат для выражения коммуникативно-прагматической информации: регулируют взаимодействие адресанта и адресата (регулятивная функция), ориентируют адресата в потоке речи (структурирующая функция).

Основой для выделения коммуникативной единицы служит ее самостоятельная функция в дискурсе (т.е. реализация информации определенного вида), разграничивающая составные части высказывания и не позволяющая объединить их в единое целое. Полученные результаты способствуют решению актуальной для русистики проблемы, так как созданная типология речевых единиц служит опознаванию «неопознанных синтаксических объектов» реальной устной речи. Совокупность полученных результатов создает фундамент нового направления синтаксиса – изучения не только отдельных синтаксических единиц, а всей реальной коммуникации как динамично меняющегося полевого устройства [11].

Ядром единиц вспомогательно-организующего уровня общения признаются дискурсивные слова. Следует отметить, что в науке до сих пор не существует общепринятого термина для их обозначения: «вводно-модальные слова», «метатекстовые средства», «рефлексивы», «дискурсивы» и т.д. В аспекте организации дискурса и высказывания они начали рассматриваться как дискурсивные, структурные элементы в последнем десятилетии прошлого века [17, 20–22 и др.].

Работы О. Б. Сиротиной об особом синтаксическом статусе дискурсивов, о разных подходах к их пунктуационному оформлению [23–25] послужили толчком к детальному и глубокому исследованию этих единиц саратовскими и другими лингвистами. Исследования саратовских лингвистов посвящены определению семантических и структурных особенностей дискурсивных слов, способам их классификации и систематизации. Дискурсивные единицы изучаются с разных позиций, в разных объемах, и в соответствии с этим они по-разному обозначаются: наряду с традиционной номинацией «метатекстовые средства» используются также «текстообразующие средства» [26], «рефлексивы» [27], «дискурсивы», «дискурсивные слова» [11, 28], «этикетные составляющие общения» [29] и др.

Приходится констатировать, что в отечественной науке при исследовании функционирования дискурса приоритет пока остается за однозначными словами. Вспомогательные единицы как номинативно малозначимые элементы до сих пор изучены явно недостаточно: «Хотя ежегодно появляются все новые и новые публикации, связанные с этой проблемой (С. В. Андреева, В. Н. Шаронов, О. Б. Сиротина, Е. Ю. Викторова), специальные словари дискурсивных, служебных и структурных слов, больших сдвигов по решению этой проблемы все

еще нет. А проблема касается всех языков, и ее решение не терпит отлагательства» [19, с. 299].

Сложность состоит в том, что дискурсивы – речевые единицы транскатегориального типа, не имеющие однозначного места в уровневой системе языка. К дискурсивам относятся слова разных частей речи, словосочетания, устойчивые обороты и предикативные конструкции. Спорной оказывается частеречная квалификация многих дискурсивов. Неоднозначны подходы в российской и зарубежной лингвистике к определению объема класса и границ этих единиц. Разнообразна и их семантическая природа: некоторые единицы под влиянием процессов грамматикализации, лексикализации и прагматикализации оказались полностью десемантизированными, другие целиком или частично сохраняют свое изначальное значение.

Нужно отметить, что большинство исследований сосредоточены на описании отдельных представителей единиц вспомогательного уровня. Только в последнее время появляются комплексные исследования функциональной специфики этих единиц как целостной вспомогательной системы дискурса. В результате исследования Е. Ю. Викторовой (2015) создана теория вспомогательной системы дискурса, осуществляющей речеорганизующие и речерегулятивные функции. Предложенный ею функциональный подход к исследованию позволяет объединить это разнообразие единиц в единое целое, доказывает, что функционирование дискурсивов следует изучать в совокупности лингвистических, социолингвистических, психолингвистических и культурных факторов, обуславливающих их использование и способы интерпретации [28].

Использование в речи единиц вспомогательной системы дискурса является одним из проявлений заботы коммуникантов друг о друге: эти единицы помогают им как в процессе создания дискурса, так и в процессе его реализации и интерпретации. Не исключено, что именно благодаря своим необыкновенным личным, человеческим качествам Ольга Борисовна особенно чувствительна к проявлениям заботы об адресате в коммуникации и особенно к отсутствию этих проявлений.

Попутно заметим, что Ольга Борисовна не только в научной, но и в обычной, повседневной жизни – необыкновенно чуткий и заботливый человек, беспокоящийся о здоровье и благополучии всех своих близких, коллег и учеников (и всех членов их семей!), а также всех, кто попадает в поле ее научного и жизненного зрения.

Интересен рассказ профессора Пермского университета М. П. Котюровой, опубликованный среди откликов на первое издание воспоминаний О. Б. Сиротининой «Жизнь вопреки, или Я счастливый человек», где Мария Павловна с восторгом и благодарностью вспоминает защиту своей кандидатской диссертации (1974 год), проходившей в Саратовском университете, и рассказывает о самоотверженной заботе со стороны Ольги Борисовны по отношению к ней, приезжей («тмутараканской») соискательнице [30, с. 353]. Ольга Борисовна, рожденная 27 июня 1923 г., по гороскопу Рак. И однажды один из авторов этой статьи, еще будучи аспиранткой, поблагодарила ее за необыкновенно заботливое отношение, свойственное далеко не всем научным руководителям. На что Ольга Борисовна замахала руками и сказала: «Ну что Вы, я же Рак, а проявлять заботу – это свойство всех Раков». Признаться, аспирантка была буквально изумлена не только заботливым отношением, но и скромностью своего удивительного научного руководителя.

3. *Идеи о диффузности как динамическом процессе русской речи.* В целом ряде работ О. Б. Сиротининой на темы, связанные с лингвозоологией и коммуникативными рисками, затрагивается тема диффузности русской лексики [31–33]. Диффузными называют слова с размытой, неопределенной семантикой: их значения недискретны и их очень трудно сформулировать. Слова-диффузы можно считать «всезначащими» [34] и рассматривать в рамках категории неопределенности.

С большой заботой о судьбе русского языка и тревогой за его настоящее и будущее Ольга Борисовна пишет, что диффузия допустима и даже необходима в повседневной коммуникации, однако в дискурсе СМИ, в научной речи и в официально-деловой может привести к различным коммуникативным и профессиональным рискам. Наиболее серьезным последствием злоупотребления этими словами является обеднение словарного фонда русского языка и всей языковой системы в целом. О. Б. Сиротинина отмечает необходимость соблюдения баланса между диффузностью и точностью, зависящего от сферы коммуникации: например, если в устном повседневном общении коммуникативные сбои при использовании диффузов могут быть предотвращены с помощью коммуникативной ситуации и/или переспроса и поэтому легко преодолимы, то в законодательных актах диффузность должна быть сведена к нулю [35].

К диффузным относят слова разных частей речи: местоимения, наречия (*там, здесь, туда,*

сюда), прилагательные (*такой, определенный*), существительные (*штука, вещь, дело*). Перечисленные диффузы имеют широкое исходное лексическое значение. Однако многие современные диффузы стали таковыми в связи с утратой исходного значения и/или его расширением, диффузией. К современным диффузам можно отнести, например, лексемы *история* (в значении «факт», «вещь», «дело»), *платформа* («место», «площадка»), *направление* («раздел», «область деятельности»), *продвинутый* («современный», «передовой»), *прикольный* («интересный», «необычный») и многие другие. Встречаются диффузы и среди дискурсивов: *на самом деле, собственно (говоря), хорошо, достаточно, окей, короче, типа*.

Подобные слова отличаются широким набором дискурсивных функций. Например, дискурсив *на самом деле*, часто фиксируемый в устной речи в начальной позиции реплики, одновременно служит вступительным хезитативом и акцентивом (т.е. демонстрирует дискурсивный синкретизм). Он используется для придания веса и авторитетности своим словам, хотя такого значения лексемы, входящие в состав этого дискурсива, не имеют. *На самом деле* можно отнести к дискурсивам-паразитам в тех случаях, когда его употребление является чрезмерно частотным и неуместным. Подобную функцию – хезитатива и акцентива – имеет и дискурсив *собственно говоря*. Он тоже в большинстве случаев десемантизируется и подвергается диффузии, а значит, может употребляться практически в любой ситуации. Его также можно квалифицировать как дискурсив-паразит и как «лишнее» слово. Часто его используют в усеченном виде – *собственно*. К отдельной подгруппе можно отнести диффузные наречия со значением степени: *крайне, очень, сильно, дико, адски* и др. Диффузный характер этих наречий проявляется, например, в ненормативном, но очень частотном в современной речи СМИ и интернет-коммуникации использовании *крайне* и *дико* с прилагательными положительной семантики (*крайне мягкий; дико интересный*) [28].

С особой болью О. Б. Сиротинина пишет о «словообразовательных монстрах» и «словах-уродцах» *касаемо* и *касательно*, которые проникли во все сферы коммуникации и даже, увы, в научный дискурс. По мнению Ольги Борисовны, они являются признаком неуместной формализации речи, неграмотной речи и, что еще важнее, они стоят вне системы языка [36].

Многие слова-диффузы причисляются к так называемым модным словам, которые также

упоминает в своих работах О. Б. Сиротинина [36]. Значения этих слов трудно сформулировать, но их очень легко использовать: не надо прилагать усилия, чтобы подобрать точное слово, значительно облегчается и сочетаемость – любое слово сочетается с любым. Здесь, вероятно, невозможно дать четкий ответ на вопрос, в каком направлении развивается речевая динамика. Это ослабление значений таких слов и их диффузия ведут к чрезмерно частому и неуместному их употреблению и, следовательно, превращают в слова-паразиты. Или мода на эти слова и частотность их употребления способствуют размыванию, нечеткости и диффузии их семантики. Ольга Борисовна во многих работах отмечает отрицательную роль в этих процессах СМИ и интернет-коммуникации.

Используя данные Национального корпуса русского языка, мы провели сравнительный количественный анализ частотности использования некоторых слов-диффузов, о злоупотреблении которых пишет в разные годы О. Б. Сиротинина. С удовлетворением отмечаем, что на данном этапе (2021–2022 гг.) многие из этих слов, имеющих сомнительную репутацию среди лингвистов (и не только), демонстрируют более редкую частоту употребления по сравнению с показателями прошлых лет. Так, пик употребления лексемы *касаемо* приходится на 2013 г. (2,1 единицы на миллион словоформ), в 2019 г. ее частотность снизилась более чем в пять раз (0,4). У лексемы *касательно* тоже намечается тенденция к снижению частотности, хотя и не такая явная: 2019 г. – 8,9 единицы на миллион словоформ, 2020 г. – 9,5, 2021 г. – 7,5 единицы. Есть надежда, что данная позитивная динамика продолжится и в будущем.

4. *Идея заботы об адресате речи как ведущем принципе лингвоэкологии*. Продолжим неоднократно поднимаемую Ольгой Борисовной тему важности для автора проявлять коммуникативную заботу об адресате. Мы, ученики и научные последователи Ольги Борисовны, стараемся перенимать (и учим этому уже своих студентов) некоторые важные особенности ее научного стиля, посредством которых эта забота проявляется. Представляется, что эти особенности обусловлены следующими целями: они отражают желание пишущего быть максимально понятным и уместным, стремление сэкономить умственные усилия адресата при восприятии научного сообщения, снизить до минимума возможность неоднозначного толкования, взять на себя большую часть ответственности за полное и точное понимание своего сообщения, а значит,

и за успех коммуникации. Эти особенности, по сути, являются нормативными требованиями научного стиля речи. Тем не менее, в современной научной коммуникации эти требования нередко не выполняются, о чем с тревогой пишет Ольга Борисовна [37, 38].

Несоблюдение этих требований ведет к коммуникативным рискам, в первую очередь профессиональным. Если автор хочет претендовать на то, чтобы его научные идеи были по возможности полно и адекватно восприняты и усвоены, ему следует приложить немалые усилия. Например, следует избегать чрезмерно сложных, запутанных синтаксических конструкций, стремиться к прозрачности, логичности, четкости, простоте изложения в противовес «заумности», «научообразности», неопределенности, размытости, перегруженности терминами. Следует быть внимательным и последовательным при использовании терминологии: давать определение всем важным для данной работы терминам и понятиям и четко придерживаться этих определений в своей работе, не использовать термины-синонимы без объяснения их сходства или различий, не забывать давать расшифровку использованным аббревиатурам. В научной речи важно соблюдать и нормы научной этики: четко разграничивать собственные идеи и заимствованные, правильно использовать ссылки, цитаты. К проявлениям научной этики относятся и такие важные черты научной речи, как ее некатегоричность и плюрализм: свою точку зрения следует излагать максимально некатегорично, обозначая свои идеи и выводы именно как мнения, а не абсолютные истины (особенно это касается гуманитарных наук, где окончательная, объективная достоверность вообще мало достижима). Ольга Борисовна всегда учит смягчать свои научные утверждения, ведь нельзя быть уверенным в своей полной и неоспоримой правоте. Одним из средств смягчения категоричности являются дискурсивы-регулятивы, известные в современной лингвистике как хеджи (хеджирующие средства): *возможно, наверное, пожалуй, можно сказать, скорее всего, по-моему, так называемый* и т.п. (подробнее о хеджах см.: [39]).

Уважение к научному сообществу и, шире, культура научной коммуникации проявляются и через толерантность к чужому мнению, свойственную научному стилю Ольги Борисовны, как никому другому. И личные беседы с ней, и ее научные труды учат нас, что свое мнение можно и нужно отстаивать, но делать это максимально корректно, обязательно принимая во внимание

другие точки зрения, даже если они кажутся тебе неверными. Ольга Борисовна, будучи не только пронизательным ученым, бесконечно преданным лингвистике и русскому языку, но и мудрым, чутким учителем и наставником (на ее счету руководство 58 кандидатскими и 16 докторскими диссертациями), в общении с нами, своими учениками, проявляет необыкновенный демократизм: все знают, что Ольга Борисовна может долго спорить и доказывать свою точку зрения, но никогда не заставит собеседника принять ее, если у него мнение иное. Удивительно, но при всех своих высочайших заслугах и огромных научных достижениях Ольга Борисовна абсолютно на равных общается со всеми своими учениками всех поколений. Показательным и важным является и факт признания ученым собственных ошибок и заблуждений. Об одном таком факте можно, например, прочитать в статье [32, с. 9]: Ольга Борисовна признается в своей неправоте в полемике с В. И. Коньковым.

Перспективы изучения единиц основного и вспомогательно-организующего уровней коммуникации мы связываем с решением проблемных вопросов о системности исследуемого явления, его полевой структуры (ядерные и периферийные единицы). Дальнейшее изучение предполагает уточнение семантики и прагматики, определение специфики использования этих единиц в разных формах речи, в разных сферах коммуникации, в разных жанрах и в разных языках.

При явных нарушениях экологии общения вспомогательные единицы могут реализовывать «терапевтические ресурсы» вспомогательно-организующего уровня общения. Их коммуникативно-экологическая функция проявляется в предотвращении разного рода коммуникативных неудач и конфликтов. Вслед за пособием для учителя О. Б. Сиротининой «Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи» [40] нами планируется публикация актуального для современной речевой ситуации пособия «Что нужно знать учителю о вспомогательных единицах общения».

Результаты теоретического и практического изучения основных и вспомогательных единиц могут использоваться и для повышения эффективности переводов на иностранные языки, общения человека с «интеллектуальными» системами, в разработке компьютерно-лингвистических приложений при автоматической обработке естественного языка. Создатели «интеллектуальных» систем и лингвисты констатируют, что невозможно передать формальными средствами все языковые факты, особенно

неоднозначные или транслирующие не фактуальную, а дискурсивную информацию. Важно учитывать закономерности формирования и языкового выражения информационных, метаинформационных и «мусорных» компонентов [41].

В заключение отметим, что в данной статье выделены и проанализированы лишь четыре идеи О. Б. Сиротининой, давшие толчок развитию ряду направлений в области изучения функционирования единиц реальной коммуникации. Каждое направление представлено десятками научных работ саратовских (и не только) лингвистов, и в этой статье мы не смогли упомянуть их всех. Разработкой данных проблем занимаются не только филологи-русисты. Ведется активная работа по изучению происходящих в современной речи динамических процессов, исследуется функционирование вспомогательных коммуникативных единиц на материале разных языков (см., например: [7, 8, 26, 28, 29]).

Список литературы

1. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М. : Просвещение, 1974. 142 с.
2. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 250 с.
3. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та. 1992. 310 с.
4. Андреева С. В., Полищук Г. Г., Сокиркина Л. И. Анализ восприятия смысловых особенностей интонации // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы : межвуз. сб. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. С. 166–176.
5. Седов К. Ф. Устная литературная речь в онтогенезе // Функционирование языка в разных видах речи : межвуз. науч. сб. / редкол. : О. Б. Сиротина (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1986. С. 98–104.
6. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. М. : Высшая школа, 1980. 143 с.
7. Прибыток И. И. Английские сентенсоиды: Структура. Семантика. Прагматика. Сферы функционирования / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1992. 178 с.
8. Викторова Е. Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 195 с.
9. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во Волгоградского ун-та, 2001. 260 с.
10. Андреева С. В. Типология конструктивно-синтаксических единиц в русской речи // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 32–45.
11. Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2005. 189 с.
12. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции. М. : КомКнига, 2018. 192 с.
13. Меликян В. Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь. Ростов н/Д : Ростовское кн. изд-во, 1999. 200 с.
14. Валимова Г. В. Функциональные типы предложения в русском языке. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1967. 331 с.
15. Квеселевич Д. И., Сасина В. П. Русско-английский словарь междометий. М. : Астрель, АСТ, 2001. 512 с.
16. Меликян В. Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи : словарь. М. : Флинта, 2001. 239 с.
17. Объяснительный словарь русского языка : структурные слова / под ред. В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М. : Астрель, АСТ, 2003. 421 с.
18. Активный словарь русского языка : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-история, 2014–2017.
19. Сиротинина О. Б. Речевая коммуникация: проблемы и трудности ее изучения // Предложение и Слово : в 2 кн. Кн. 1 : сб. науч. тр. / отв. ред. С. В. Андреева. Саратов : ИЦ «Наука», 2010. С. 295–299.
20. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
21. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 207 с.
22. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 447 с.
23. Сиротинина О. Б. О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса // *Gameni și idei. Studii de filologie*. Cluj-Napoca : Editura Risoprint, 2005. С. 342–348.
24. Сиротинина О. Б. Дискурсивные слова как проблема пунктуации // Предложение и Слово : межвуз. сб. науч. тр. / редкол. : С. В. Андреева (отв. ред.) [и др.]. Саратов : ИЦ Наука, 2008. С. 319–322. EDN: SPVHSZ
25. Сиротинина О. Б. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка // Исследования по семантике : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 24 / редкол. : С. Е. Родионова [и др.]. Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. С. 476–480.
26. Харламова Т. В. Текстобразующие средства в устной речи (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 241 с.
27. Кормилицына М. А. Рефлективы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О. Б. Сиротинина. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000. С. 20–25.
28. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 404 с.

29. Рисинзон С. А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете. Саратов : ИЦ «Наука», 2010. 419 с.
30. Сиротинина О. Б. Жизнь вопреки, или Я счастливый человек: Воспоминания / под ред. О. В. Мякшевой, А. Н. Байкуловой. 2-е изд., испр. и доп. Саратов : Амирит, 2022. 373 с.
31. Сиротинина О. Б. Динамизм процессов в современной русской речи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3–2. С. 9–14. EDN: XHLJEF
32. Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-1-5-11>
33. Сиротинина О. Б., Мякшева О. В. Диффузность значений и роль кодифицирующей лексикографии в культуре речи населения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2. С. 235–244. EDN: SNLTZX
34. Зимина Н. В. К вопросу о диффузности семантики номинаций средней оценки (на примере ряда разговорных лексических единиц русского и немецкого языков) // Грани познания (электронный журнал). Июнь 2011. № 2 (12). URL: www.grani.ru/files/publics/1311758017.pdf (дата обращения: 12.12.2022).
35. Сиротинина О. Б. Тенденция к диффузности и ее роль в общении // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения : сб. докл. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 366–374. EDN: PWFDDGN
36. Сиротинина О. Б. Модные слова: причина образования и риски употребления // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. Вып. 13. С. 5–14.
37. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. 256 с.
38. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Проблемы экологии современной научной речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–10. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-4-10>, EDN: GMKWEJ
39. Викторова Е. Ю. Хеджи vs бустеры: коммуникативное смягчение и усиление в жанре официального отзыва на диссертацию // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 126–131. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131>, EDN: ZRZDAG
40. Сиротинина О. Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: Пособие для учителя. М. : Просвещение, 1996. 174 с.
41. Андреева С. В. Вспомогательные единицы речи в лингвистической теории и «интеллектуальных» системах // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2011) : Труды пятого междисциплинарного семинара. СПб. : ГУАП, 2011. С. 33–41.

Поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 12.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 308–312

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 308–312

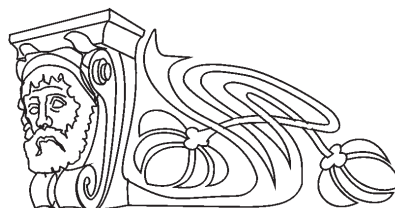
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-308-312>, EDN: OUXBJT

Персоналии

УДК [811.161.1-11+378.4.096](470.44-25)+929Кормилицына

Наука как призвание. К 85-летию профессора М. А. Кормилицыной

А. Н. Байкулова, А. В. Дегальцева ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Аннотация. Статья посвящена 85-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского М. А. Кормилицыной. Известный в России и за её пределами учёный, Маргарита Анатольевна всю свою жизнь посвятила научной деятельности. Вместе со своим учителем и другом О. Б. Сиротининой М. А. Кормилицына стояла у истоков создания Саратовской лингвистической школы функционирования русского языка. В статье освещены основные этапы научной деятельности учёного, представлены сферы научных интересов: синтаксис, стилистика и культура речи русского языка, разговорная речь, язык СМИ и др. Вся научная и образовательная деятельность Маргариты Анатольевны основана на принципах Саратовской лингвистической школы, главные методологические принципы которой – внимательное и непредвзятое отношение к языку, его фактам, точность в их анализе, стремление не к поверхностному, а к глубокому постижению сути языковых явлений. В статье раскрывается значение трудов М. А. Кормилицыной для современной лингвистики: работы по разговорной речи, языку СМИ, эффективности коммуникации, преодолению коммуникативных рисков вызывают многочисленные отклики в научной среде. Много внимания в своей работе М. А. Кормилицына уделяет редакторской деятельности (работа над межвузовским сборником научных трудов «Проблемы речевой коммуникации», участие в редколлегии журнала «Медиалингвистика» и др.). В статье раскрывается не только научная, но и педагогическая деятельность учёного: студенты и преподаватели знают Маргариту Анатольевну как высокоэрудированного, творчески работающего преподавателя. 25 лет М. А. Кормилицына руководила кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного (новое название кафедры). Коллеги уважают Маргариту Анатольевну за честность, принципиальность, доброжелательное отношение к людям.

Ключевые слова: М. А. Кормилицына, Саратовская лингвистическая школа, речевая коммуникация, функционирование русского языка

Для цитирования: Байкулова А. Н., Дегальцева А. В. Наука как призвание. К 85-летию профессора М. А. Кормилицыной // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 308–312. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-308-312>, EDN: OUXBJT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Personalia

Science as a vocation. On the occasion of the 85th anniversary of birth of Professor M. A. Kormilitsyna

А. Н. Байкулова, А. В. Дегальцева ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Abstract. The article discusses the 85th anniversary of the Doctor of Philology, Professor of Saratov State University, M. A. Kormilitsyna. A well-known scientist in Russia and abroad, Margarita Anatolyevna has devoted her whole life to scientific activity. Together with her teacher and friend, O. B. Sirotnina, M. A. Kormilitsyna was at the origin of Saratov Linguistic School of the functioning of the Russian language. The article highlights the main stages of the scientist's scientific activity, presents the areas of scientific interests: syntax, stylistics and culture of the speech of the Russian language, colloquial speech, the language of the media, etc. All scientific and educational activities of Margarita Anatolyevna are based on the principles of Saratov Linguistic School, the main methodological principles of which are attentive and unbiased attitude to language, its facts, accuracy in their analysis, striving not for superficial, but for a deep understanding of the essence of linguistic phenomena. The article reveals the significance of the works of M. A. Kormilitsyna for modern linguistics: her works on colloquial speech, the language of the media, the

effectiveness of communication, overcoming communicative risks, cause numerous responses in the scientific community. M. A. Kormilitsyna pays a lot of attention in her work to editorial activities (work on the interuniversity collection of scientific papers *Problems of speech communication*, participation in the editorial board of the journal *Media Linguistics*, etc.). The article reveals not only the scientific, but also the pedagogical activity of the scientist: students and teachers know Margarita Anatolyevna as a highly erudite, creatively working teacher. M. A. Kormilitsyna has been the head of the Department of the Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language (the new name of the department) for 25 years. Colleagues respect Margarita Anatolyevna for her honesty, integrity, and friendly attitude towards people.

Keywords: M. A. Kormilitsyna, Saratov Linguistic School, speech communication, functioning of the Russian language

For citation: Baikulova A. N., Degaltseva A. V. Science as a vocation. On the occasion of the 85th anniversary of birth of Professor M. A. Kormilitsyna. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 308–312 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-308-312>, EDN: OUXBJT

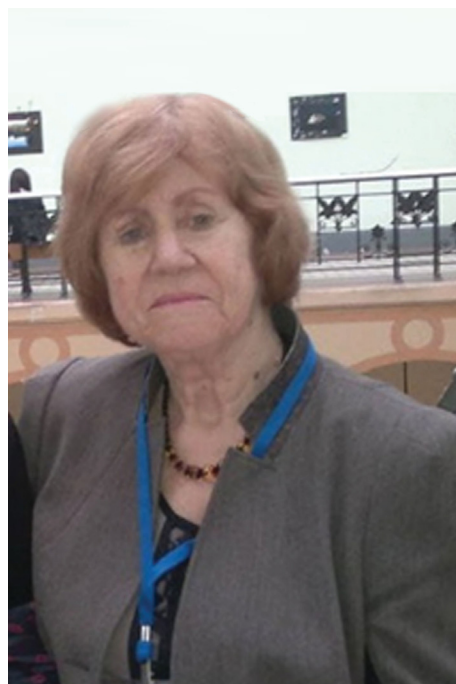
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

20 сентября 2023 г. Маргарита Анатольевна Кормилицына, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики СГУ, отмечает своё 85-летие.

Жизнь Маргариты Анатольевны неразрывно связана с Саратовским государственным университетом имени Н. Г. Чернышевского, стаж её работы – 60 лет. За свой многолетний плодотворный труд Маргарита Анатольевна удостоена званий почётного работника высшего профессионального образования РФ и почётно-го профессора СГУ. Наука стала её призванием.

М. А. Кормилицына – ученица и талантливейший последователь О. Б. Сиротининой – создателя и руководителя Саратовской лингвистической школы изучения функционирования русского языка. Под руководством О. Б. Сиротининой Маргарита Анатольевна защитила сначала кандидатскую («Глагольные словосочетания на основе управления в русской разговорной речи», Саратов, 1972 г.), а затем докторскую («Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи», Санкт-Петербург, 1992 г.) диссертации. Ольга Борисовна Сиротинина, с которой Маргариту Анатольевну связывают многолетняя дружба и научное сотрудничество, с большой теплотой отзывается о ней: «Всегда: и в студенческие годы, и аспирантом, и потом, когда стала преподавать, в любом статусе Маргарита Анатольевна была на высоте. Саратовская школа хорошо известна не только в России, но и в мире. И в этом большая заслуга Маргариты Анатольевны. Мы очень ценим её как учёного, а я ещё ценю как очень близкого по духу человека».

М. А. Кормилицына – вдумчивый, талантливый, творчески мыслящий исследователь, обладающий широким лингвистическим кругозором, и прекрасный лектор. Сферы её научных интересов – синтаксис, функциональная стилистика русского языка, разговорная речь,

язык СМИ, прагмалингвистика, коммуникативная компетенция языковой личности и др.

С 2000 по 2018 г. М. А. Кормилицына совместно с О. Б. Сиротининой выступала научным редактором и одним из авторов межвузовского сборника научных трудов «Проблемы речевой коммуникации» [1, 2]. Многие коллективные монографии, в написании которых М. А. Кормилицына участвовала в качестве автора, редактора и соредатора, неоднократно переиздавались в Москве, например «Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи» [3], «Хорошая речь» [4], «Разговорная речь в системе функциональных стилей русского языка» («Лексика» и «Грамматика») [5, 6] и др.

Результаты изучения М. А. Кормилицыной проблем семантического осложнения формального простого предложения нашли отражение не только в её докторской диссертации, но и в монографии «Семантически осложненное

(полипропозитивное) простое предложение в устной речи», написанной в 1988 г. [7]. В книге дано системное описание осложнения семантико-синтаксической структуры простого предложения на материале устной научной и обиходно-бытовой речи. Анализируя механизмы, приводящие к появлению полипропозитивности в монопредикативном предложении, учёный приходит к выводу, что данное явление связано с двумя видами его осложнения: «вглубь» и «вширь», каждый из которых реализуется особыми языковыми средствами. Эта монография выдержала несколько переизданий в Москве (см., например: [3]) и регулярно цитируется в трудах современных исследователей семантики предложения и его глубинных смыслов.

Проблема конденсации информации путём включения в предложения семантических усложнителей (компликаторов) определила вектор дальнейшего развития научных интересов М. А. Кормилицыной, что нашло отражение в ряде её работ, например «Полипропозитивные простые предложения в устной и письменной формах научного стиля» [8], «О полипропозитивных простых предложениях в синтаксической системе языка» [9], «Полипропозитивные простые предложения в разных сферах общения» [10].

Несомненной заслугой Маргариты Анатольевны является изучение языка СМИ и коммуникативной компетентности журналистов. Её исследовательский интерес к данной сфере общения продиктован объективными причинами: в последние десятилетия медиaprостранство изменилось под влиянием не только серьёзных социальных трансформаций и идеологических перестроек, но и новых технологий мгновенной передачи информации. Нет, наверное, такого лингвиста, «который последние 30 лет занимается языком массовой коммуникации и не знает трудов М. А. Кормилицыной» [11, с. 20]. Именно ею были сформулированы и объяснены основные тенденции, наблюдающиеся в языке современных СМИ: конвергенция стилей и жанров речи, интерактивность, демократизация и интеллектуализация языка, визуализация информации, создающая «поликодовость, совмещение в журналистском тексте разных знаковых систем» [12, с. 71] и др. В наставление современным журналистам учёный неустанно повторяет, что главным условием эффективности массмедийной (как, впрочем, и любой другой) коммуникации является забота об адресате, всемерная помощь ему в процессе восприятия и интерпретации

информации. М. А. Кормилицына настаивает на том, что интерактивность коммуникации – это важнейшая её особенность, а высшей степенью эффективного взаимодействия коммуникантов в СМИ является сотворчество автора и адресата [13]. Научный авторитет и глубокое знание современных процессов, происходящих в СМИ, позволили Маргарите Анатольевне войти в состав редколлегии ведущего научного журнала «Медиалингвистика».

Объектами научного интереса М. А. Кормилицыной являются факторы, способствующие повышению эффективности коммуникации и, напротив, приводящие к появлению коммуникативных рисков (см. [14]). Ряд работ учёного [15–17] посвящён анализу рискогенности коммуникации и способам её преодоления, а также формам взаимодействия разных типов адресантов и адресатов в сфере массмедиа (см., например [12–14]).

Маргарита Анатольевна известна не только как учёный, но и как автор учебных пособий и справочников. Многие из них успешно применяются в процессе обучения студентов и магистрантов. В частности, популярностью среди преподавателей и учащихся высшей школы пользуется пособие М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой «Язык СМИ», неоднократно переиздававшееся в Москве [17]. Раздел книги, посвящённый коммуникативной компетентности журналиста и анализу её составляющих, часто цитируется в научно-исследовательских работах. Маргаритой Анатольевной в соавторстве с О. Б. Сиротининой написан и раздел учебника «Стилистика и литературное редактирование» [18]. Кроме того, М. А. Кормилицына – автор ряда статей словаря-справочника «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» [19].

М. А. Кормилицыной многое сделано в области культуры речи. В частности, она принимала участие в написании таких работ, как «Русский язык и культура общения для государственных служащих» [20]; «Культура речи: настольная книга для государственных служащих» [21], «Хорошая речь» [4], «Чтобы Вас понимали: культура русской речи и речевая культура человека» [22] и др.

Удивительная широта научного кругозора Маргариты Анатольевны позволяет ей в поисках первопричин языковых явлений обращаться к достижениям смежных наук – логики, философии, психологии, социологии и др. Следуя принципам Саратовской лингвистической школы изучения функционирования русского

языка, М. А. Кормилицына как настоящий, честный исследователь в своих рассуждениях всегда исходит из материала, а не из гипотетических предпосылок. Исследовательский дар Маргариты Анатольевны заключается в том, что она стремится не просто описать и проанализировать языковой факт, но выявить причины его возникновения в коммуникации. Этому она учит и своих студентов.

За время работы в СГУ М. А. Кормилицына подготовила много специалистов-филологов; под её руководством защищено девятнадцать кандидатских и две докторские диссертации. Ученики Маргариты Анатольевны работают в разных вузах России и с благодарностью и теплотой отзываются о своём учителе.

На протяжении 25 лет (с 1993 по 2018 г.) М. А. Кормилицына заведовала кафедрой русского языка и речевой коммуникации (сейчас это кафедра русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного). Под руководством всеми уважаемого заведующего решались важнейшие образовательные и научные задачи. В настоящее время она осуществляет научное руководство основной образовательной программой магистратуры по направлению «Филология», где читает авторские курсы «Актуальные проблемы изучения грамматической системы. Синтаксис», «Проблемы изучения текста и дискурса» и др.

Вклад М. А. Кормилицыной в развитие современной русистики сложно переоценить. Её работы хорошо знают не только в России, но и за рубежом. С 1989 по 1991 г. Маргарита Анатольевна, будучи сотрудником кафедры теоретической и прикладной лингвистики Лейпцигского университета, преподавала русский язык немецким студентам. В 2014 г., во время стажировки в Австрии, она прочла лекцию для студентов Венского университета экономики и бизнеса на тему «Предупреждение рисков и роль коммуникативной компетенции в решении этой проблемы»; а в 2019 г. участвовала в гранте по программе «Erasmus+KA107», читала лекции студентам-филологам Гданьского университета (Польша). И эти лекции всегда вызывали большой интерес у иностранных слушателей.

Маргарита Анатольевна – обладатель тонкого ума, твёрдых убеждений и щедрой души. Её ученики и коллеги знают: она всегда открыта к научным и философским дискуссиям, и, кроме того, к ней легко можно обратиться за бытовым советом или житейской мудростью.

За свой многолетний добросовестный труд М. А. Кормилицына награждена медалью «За

особые заслуги перед университетом», а также Почётной грамотой Стилистической комиссии Международного комитета славистов «За выдающийся вклад в развитие стилистики».

Ученики и коллеги Маргариты Анатольевны любят и ценят её как блестящего учёного, талантливого педагога, душевного человека, который воспитал не одно поколение студентов, подготовил кандидатов и докторов наук, успешно работающих в сфере образования. Вся деятельность Маргариты Анатольевны – пример честного отношения к педагогическому и научному труду.

Список литературы

1. Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О. Б. Сиротинина. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000. Вып. 1. 182 с.
2. Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2018. Вып. 18.
3. *Кормилицына М. А.* Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. 3-е изд. М. : Либроком, 2011. 152 с.
4. Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Изд. 3-е. М. : URSS, 2009. 316 с.
5. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 250 с.
6. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1992. 310 с.
7. *Кормилицына М. А.* Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1988. 149 с.
8. *Кормилицына М. А.* Полипропозитивные простые предложения в устной и письменной формах научного стиля // Вопросы стилистики : межвузов. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1989. Вып. 23: Устная и письменная формы речи. С. 39–49.
9. *Кормилицына М. А.* О полипропозитивных простых предложениях в синтаксической системе языка // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова : тез. докл. М. : Изд-во МГУ, 1995. С. 173–174.
10. *Кормилицына М. А.* Полипропозитивные простые предложения в разных сферах общения // Русский язык сегодня : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 308–316.
11. *Сурикова Т. И.* Профессор Кормилицына в контексте времени // Проблемы речевой коммуникации :

- межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. / под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2018. Вып. 18. Кн. 1. С. 20–27.
12. Кормилицина М. А. Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 67–72. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72>
 13. Кормилицина М. А. Эссеистическая стратегия в современной медиасфере : сотворчество «автор-адресат» // *Языки и культуры в цифровую эпоху : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Языки и культуры в цифровую эпоху» / отв. ред. Л. В. Рацибурская*. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 167–172.
 14. Кормилицина М. А. Некоторые приемы достижения эффективности коммуникации в СМИ // *Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилициной*. Саратов : ИЦ «Наука», 2019. С. 110–116.
 15. Кормилицина М. А. Риски применения демагогических приемов в политическом дискурсе // *Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой*. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. Вып. 13. С. 16–25.
 16. Кормилицина М. А. Коммуникативные риски в печатных СМИ : их причины и способы предупреждения и преодоления // *Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф. М. : Изд-во фак. журналистики МГУ, 2016. С. 293–297.*
 17. Кормилицина М. А., Сиротинина О. Б. *Язык СМИ : учеб. пособие*. 4-е изд. М. : Флинта, 2015. 92 с.
 18. Кормилицина М. А., Сиротинина О. Б. Разговорный стиль // *Стилистика и литературное редактирование : в 2 т. : учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой, В. В. Васильевой*. М. : Юрайт, 2016. Т. 1. С. 46–63.
 19. *Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова*. Красноярск : Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2012. 881 с.
 20. *Русский язык и культура общения для государственных служащих / под ред. О. Б. Сиротининой*. Саратов : Слово, 1998. 85 с.
 21. Кормилицина М. А., Сиротинина О. Б., Захарова Е. П., Милехина Т. А., Куликова Г. С. *Культура речи*. Настольная книга для государственных служащих. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2008. 116 с.
 22. *Чтобы Вас понимали : Культура русской речи и речевая культура человека : учеб. пособие / под ред. О. Б. Сиротининой*. М. : Либроком, 2009. С. 165–185.

Поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 24.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 12.05.2023

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 313–317

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 313–317

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-313-317>

EDN: PEYBUX

Рецензия

УДК [069:821.161.1.09](470.44-25)(049.32)+929[Клименко+Чернышевский]

Музейная метафизика

Рец. на кн.: *Клименко С. В. «Роман с Музеем». Записки очевидца или Попытка мемуара. М.: Авторская мастерская, 2022. 166 с.*

Е. Г. Елина¹✉, Д. Г. Сапожникова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Независимый исследователь

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

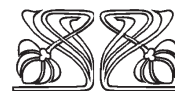
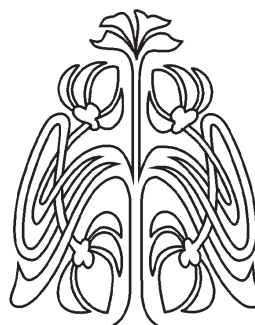
Сапожникова Дженнет Георгиевна, jepsherbet@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9395-1464>

Аннотация. Рецензия посвящена книге известного филолога, сотрудника музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского С. В. Клименко. Показан научный характер рецензируемой книги. Книга хронометрирована по периодам творческой жизни самого автора, однако одновременно с этим выявленные этапы истории оказываются и важнейшими для истории музея, поскольку были связаны с юбилеями Н. Г. Чернышевского или с памятными датами в истории самого музея. Содержание книги представляет собой сочетание увлекательных музейных рассказов, посвященных созданию новых музейных «продуктов», и определение сущности и назначения профессии музейного сотрудника, чья жизнь связана с литературным музеем. Сотрудник литературного музея предстает в книге как человек, для которого литературоведческое источниковедение становится не только процессом, неотъемлемым от музейного дела, но и объектом научных разысканий и исследований. Немало внимания уделено проблемам музейного дела как важнейшего направления гуманитарного знания. С. В. Клименко волнуют и вопросы, связанные с подготовкой музейных кадров, и проблемы финансирования музея. Важным для автора книги становится вопрос о том, на каких материалах должна разворачиваться отдельная музейная выставка или большая экспозиция. Существенное значение в музейной работе С. В. Клименко придает разработке концепции выставки или экспозиции. Дискуссии, сопровождающие появление любого нового музейного «продукта», – это и есть рождение концепции, т. е. понимания принципов отбора музейного материала, логики его представления и научного комментирования. Отстаивание именно концептуального подхода к представлению музейных экспонатов в витринах или на стендах музея ведется автором книги принципиально жестко. Ему удалось не только открыть читателю мир литературного музея, но показать его пульсацию в нескольких измерениях, спроецированных на науку, источниковедение, архивное дело, просвещение, массовую работу, труд экспозиционеров.

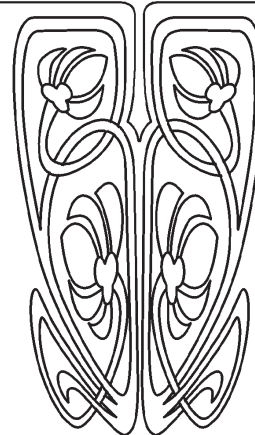
Ключевые слова: литературный музей, музейная концепция, музейное источниковедение, экспозиция, экспонат, артефакт

Для цитирования: Елина Е. Г., Сапожникова Д. Г. Музейная метафизика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 313–317. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-313-317>, EDN: PEYBUX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Review's report

Museum metaphysics

Review of the book: Klimenko S. V. *"Romance with the Museum". Notes of an Eyewitness or an Attempt at a Memoir*. Moscow, Avtorskaya masterskaya, 2022. 166 p. (in Russian)

E. G. Elina¹✉, J. G. Sapozhnikova²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., 410012 Saratov, Russia

²Independent Researcher

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Jennet G. Sapozhnikova, jepsherbet@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9395-1464>

Abstract. This review deals with the book by S. V. Klimenko, a well-known philologist, a staff member of the N. G. Chernyshevskiy Estate Museum. It shows the academic character of the book under review. The book is timed according to the periods of the author's creative life, but at the same time the identified periods appear to be crucial for the history of the museum as they were linked to anniversaries of N. G. Chernyshevskiy or memorable dates in the history of the museum itself. The content of the book combines fascinating stories about the creation of new museum "products" and the definition of the essence and purpose of the profession of someone whose life is connected to a literary museum. A literary museum worker is presented in the book as a person for whom the literary studies of sources become not only a process inseparable from the museum work but also an object of academic research and exploration. Considerable attention is paid to the problems of museum work as the most important area of humanitarian knowledge. S. V. Klimenko is also concerned with the issues of personnel training and funding. An important point for the author of the book becomes the question of what materials a separate museum exhibition or a large exposition should be based on. S. V. Klimenko assigns great importance to the development of the concept of an exhibition or exposition in museum work. Discussions that accompany the emergence of any new "product" represent the birth of the concept, i.e. understanding of the principles of material selection, logic of its presentation and scientific commentary. The author of the book advocates the conceptual approach to the presentation of museum exhibits in showcases or on walls in an essentially rigorous way. S. V. Klimenko has succeeded not only in opening the world of the literary museum to the reader, but in showing its heartbeat in several dimensions, projected on the science, source studies, archives, education, working with the visitors, and the work of exhibition designers.

Keywords: literary museum, museum concept, museum source study, exhibition, exhibit, artefact

For citation: Elina E. G., Sapozhnikova J. G. Museum metaphysics. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 313–317 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-313-317>, EDN: PEYBUX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние годы появилось немало интересных книг о музеях и музейной жизни. Речь идет не о книгах, представляющих выставочные каталоги или рассказывающие о музейных собраниях, а о тех, в которых запечатлены музейные истории, портреты видных музейщиков, открываются не видимые посетителю подробности музейных собраний [1–3]. К этому ряду отнесем и недавно вышедшую книгу известного саратовского филолога и специалиста-музейщика, многие годы проработавшего в Музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского в Саратове Светланы Васильевны Клименко.

Сама С. В. Клименко относит свою книгу к разряду мемуарной литературы, однако точность и выразительность представленных здесь страниц, посвященных истории крупных музейных экспозиций, дискуссиям о путях и судьбах музейного дела, портретам историков литературы и специалистов-музейщиков, доказывают научную состоятельность издания, его обращенность именно к научному сообществу.

Опыт филолога, отдавшего многие годы одному из самых известных литературных музеев России, бесценен уже сам по себе, но будучи описан, систематизирован и проанализирован,

становится в один ряд с другими работами, авторами которых оказывались руководители и сотрудники крупнейших музейных собраний.

Книга хронометрирована по периодам творческой музейной жизни самого автора, однако одновременно с этим выявленные этапы истории оказываются и важнейшими для истории музея, поскольку были связаны то с юбилеями главного музейного героя – Н. Г. Чернышевского, то с памятными датами музея. С. В. Клименко последовательно проводит читателя по этапам становления молодого музейщика, его восприятия экспозиционного искусства и музейного дела в целом, его профессионального взросления. На наших глазах меняется оптика рассказчика: от крупных объектов, от понимания больших задач и проблем автору удается переместить свое внимание на детали, подробности, мелочи, из которых, как показано в книге, и бывает соткана выставка или экспозиция. Споры о методах развески экспонатов, их подбора, описания, фокусировки – вплоть до надписи на этикетке – неизбежны в процессе музейной работы, однако итоговое решение, как показано в книге, должно зависеть не от мнения большинства, не от начальствен-

ного суждения, не от субъективного взгляда сотрудника, а от следования основной мысли музейного высказывания, от концепции, где главным действующим лицом (актером) является экспонат. Книга С. В. Клименко убеждает нас в том, что появление любого нового музейного продукта предваряется рождаемой в дискуссии концепцией, которая формулирует лейтмотив, смысловую сущность экспозиции, определяет понимание принципов отбора музейного материала, логики его представления и научного комментирования. Отстаивание именно концептуального подхода к представлению музейных экспонатов в витринах или на стенах музея ведется автором книги принципиально жестко.

Вместе с тем, как свидетельствуют многие страницы издания, музейное дело требует постоянного диалога, и подчас довольно требовательного. С. В. Клименко, работавшей в музее в условиях постоянного недофинансирования, не раз приходилось участвовать в «добывании» для музея редких экспонатов, часть из которых расширяла музейную коллекцию, давала возможность посетителю почувствовать себя укорененным в эпоху, а часть становилась важным дополнением к имеющимся в музее документам, проливающим свет на запутанные биографические факты или впервые открывающим новые исторические подробности.

В книге показано, что профессиональный музейщик в первую очередь литературовед и историк, свободно ориентирующийся в биографии своего главного героя, его литературных и социальных связях, подробностях эпохи (а это как минимум более сорока лет напряженной и сложной общественно-политической и литературной жизни России), знающий собрания отечественных архивов, музеев и библиотек. Сотрудник литературного музея предстает в книге как человек, для которого литературоведческое источниковедение становится не только процессом, неотъемлемым от музейного дела, но и объектом научных разысканий и исследований. Не случайно автор книги вводит в нее эпизоды, рассказывающие о встречах с крупными российскими учеными-филологами, научная коммуникация с которыми немало помогла С. В. Клименко состояться и как ученому, и как музейному экспозиционеру. Особенно впечатляет в книге рассказ о том внимании, которое уделил начинающему филологу Д. С. Лихачев, предложивший статью юной Светланы Клименко опубликовать в журнале «Русская литература» и нашедший время побеседовать с ней о результатах ее научных наблюдений.

Кроме автора-повествователя, в книге предстают и другие люди Музея, имена которых скрыты псевдонимами. Многие из них легко угадываются, однако внемлем авторской воле и не будем пытаться расшифровывать все имена. Среди них есть коллеги, близкие по духу автору книги своим серьезным отношением к делу, творческим мышлением, стремлением максимально использовать музейные коллекции для экспозиционной деятельности. Эти Л. Л., Д. Г., Н. А., Е. А. и многие другие – люди, обладающие неисчерпаемыми познаниями в области музейной архивистики, живописи, графики и, конечно, в понимании роли Чернышевского в истории страны.

Среди них особняком стоит Юрий Михайлович Костин, обладавший энциклопедическими знаниями и не чуравшийся никакой музейной, в том числе самой тяжелой физической, работы. Преданностью делу, умением придать предмету экспозиционный блеск, творческим даром восхищается автор книги, говоря о людях Музея, даже подчеркивая неизбежную разность во взглядах на конкретные вещи. Вместе с тем С. В. Клименко не скрывает и то, что главными помехами в музейной работе становится нежелание выйти за пределы должностных обязанностей, безраздельное следование начальственному окрику или просто равнодушие.

Автор книги постоянно говорит о том, что музей – хозяйство беспокойное: «Спокойная музейная жизнь – не более чем еще один устойчивый миф» (с. 72). Это следует из череды захватывающих рассказов. Здесь и музейные экспедиции за бытовыми предметами, необходимыми для мемориально-бытовой экспозиции, и поиски старины у антикваров и коллекционеров. Здесь и полная компромиссов работа с художниками. Здесь и разнообразные формы музейной пропаганды – от повседневной, нередко изнурительной работы экскурсовода до выступлений на телевидении, от написания газетных заметок и рецензий до ответственных докладов на больших музейных конференциях, от подготовки буклета до организации музейного вечера.

С. В. Клименко и ее коллегам довелось отыскивать и приобретать предметы быта, искусства, отдельные книги и книжные собрания, порой и на иностранных языках. В книге показано, что, приобретая книгу или артефакт, музейщик не всегда знает, в какой момент и в какой экспозиции это приобретение окажется востребованным. Так, антикварный десятитомник стихов Горация на латинском и французском языках, изданный

в начале XIX в. и приобретенный у коллекционера, украшает книжные полки в кабинете отца Чернышевского.

Отдельная музейная тема связана с массовой работой. С. В. Клименко с благодарностью вспоминает сотрудников и гостей музея, прежде всего музыкантов и драматических артистов, которые внесли в его жизнь очень важную составляющую с музыкальными гостиницами, поэтическими вечерами, целые культурно-просветительские программы с чтением духовных стихов и исполнением духовной музыки. Создавались программы для детей и взрослых, проходили шефские выезды в школы, колхозы, на предприятия.

Немало внимания в книге уделено проблемам музейного дела как важнейшего направления гуманитарного знания. С. В. Клименко волнуют и вопросы, связанные с подготовкой музейных кадров, и то, как происходит финансирование музея, особенно если он живет и развивается в провинциальном городе. Важным для автора книги становится вопрос о том, на каких материалах должна разворачиваться отдельная музейная выставка или большая экспозиция.

Для С. В. Клименко очевидно, что собственных музейных материалов бывает недостаточно и нужны ресурсы для временного экспонирования «чужих» материалов и предметов. Однако главным, как подчеркивает автор, остается концептуальный подход как к расширению музейной коллекции, так и к экспозиционной работе. Концептуальностью отличаются и научные труды самой Светланы Клименко. Она показывает, как зарождался ее интерес к творчеству Ф. М. Достоевского, как музейная работа невольно помогла окрепнуть этому интересу, результатом чего стали публикации в серьезных научных изданиях вплоть до недавно вышедшей монографии [4].

Ограниченной частью рецензируемой книги стали имеющиеся в ней приложения. Здесь мы найдем занимательные истории про музейных собак, кошек и даже птиц. Эта глава вполне вписывается в общую структуру книги, поскольку повествует об одной примечательной сегодня тенденции, наблюдающейся в современном музее. Литературные и другие «персональные» музеи стремятся оживить своих главных героев за счет усадебных возможностей: это может быть цветущий сад в музейном дворе, живой огород или просто живность, появляющаяся на музейных задворках и пригретая сотрудниками.

Остальные разделы приложений относятся к собственно музейным разысканиям автора книги. Безусловно, интереснейший материал представлен в истории дома Чернышевских и в главе, развенчивающей привычный миф о доме, где родился главный музейный герой. При всей спорности этого раздела книги он исключительно интересен и увлекателен.

С огромной любовью и знанием предмета рассказывается история любимой иконы матери Н. Г. Чернышевского. Икона Е. Е. Чернышевской (в девичестве Голубевой), как указывает автор книги, «написана неизвестным саратовским иконописцем в 1840-х гг. на редкий в русской иконописи сюжет – “Жертвоприношение Авраамом сына Исаака”» (с. 111). Содержание и история иконы – это история семьи Чернышевских, история взаимоотношений Николая Гавриловича и его родителей. Исполненная теплоты к своим героям, С. В. Клименко завершает свой эскиз словами: «Голоса этих людей, их любовь и нежность будто воскресают, когда смотришь на их вещи, читаешь их письма. Икона “Жертвоприношение Авраамом сына Исаака” – из числа таких предметов в музейной коллекции» (с. 113).

Не менее трогательны и по-музейному высвечены истории других музейных артефактов: шкатулки и коробочки, мемориальные часы и часики, рояль Веры Александровны Пыпиной, редкие фотографии. Каждый из этих предметов связан с большой историей нашей страны и своей собственной, иногда прихотливой, историей попадания в музейную коллекцию, с бытом и нравами своей эпохи. И каждый из них способен вдохнуть жизнь в музейную обстановку, добавляя пусть незначительную, но впечатляющую черту в музейных персонажей. Именно поэтому с опорой на музейные предметы С. В. Клименко рассказывает о салонной и альбомной культуре России и о происхождении легенд и притч о самом Чернышевском. Берет в эмоциональный плен глава о гражданской казни Чернышевского.

Законным и справедливым финалом повествования становится статья о той огромной роли, которую сыграла научная биография писателя, написанная профессором А. А. Демченко [5, 6]. Этот раздел книги вбирает в себя элементы разных жанров: это рецензия с элементами некролога, пронизанная теми чувствами, которые испытывают все, кто знал блестящего исследователя и замечательного человека Адольфа Андреевича Демченко.

Книга С. В. Клименко интересна и поучительна для музейщиков старой закалки и при-

шедших познавать сложное, но захватывающее музейное дело сегодня. Автору удалось не только открыть читателю мир литературного музея, но и показать его пульсацию в нескольких измерениях, спроецированных на науку, источниковедение, архивное дело, просвещение, массовую работу, труд экспозиционеров. Опыт автора книги, знание всех сторон и особенностей музея позволяет говорить и о высоких требованиях к современному музейщику – от знания архивных и библиотечных источников до умения создать виртуальное музейное пространство. А для этого необходимы любовь к своему делу, свободное владение тем, что составляло содержание и духовные ценности изучаемой эпохи, и своего рода эстетический интеллект. Автор книги, выпускница филологического факультета, ученица профессора Е. И. Покусаева, этими качествами наделена сполна.

Музей Светланы Клименко – не унылый, замшелый и горестный литературный музей из знаменитого стихотворения Давида Самойлова:

...Здесь он умер. На том канаве,
Перед тем прошептал изречение
Непонятное: «Хочется пе...»
То ли песен. А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!
Смерть поэта – последний раздел.
Не толпитесь перед гардеробом.

Нет, это другой музей, в который можно приходить, чтобы смотреть и думать, удивляться и разгадывать загадки, чувствовать другое время и другую жизнь без дешевого реквизита, встречать там персонажей из прошлого – и верить действию без пошлости и балагана.

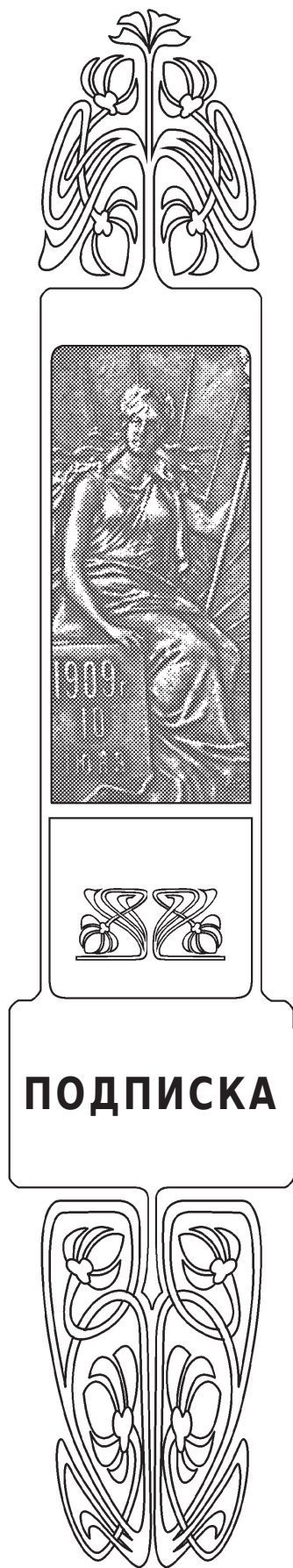
Стоит сказать о том, что при всей научности изложения книга носит отчетливый мемуарный характер, и, как всякий мемуарист, С. В. Клименко подчеркнута субъективна. Но это никак не связано с предвзятостью или тенденциозностью повествования. Это, скорее, позиция убежденного в своей правоте человека, позиция выстрадавшего десятилетиями музейного служения.

Главным героем книги является Музей, в котором «много подлинного, настоящего – того, что мы называем “мемориями” <...> все хранит память о том времени, когда здесь обитали люди, ставшие историей, лучшие представители не только нашего города, но и в целом – русской интеллигенции 19 века» (с. 106). Автору книги удается донести до читателя мысль о том, что музей – это вселенная со своими законами существования, своей физикой и собственной метафизикой. Познать и принять эти законы может лишь человек, абсолютно им преданный.

Список литературы

1. *Пиотровский М. Б.* Мой Эрмитаж. М. : Арка, 2015. 376 с.
2. «Я поведу тебя в музей...». Истории, рассказанные музейщиками России. М. : АСТ, 2017. 254 с.
3. *Никонова А.* 99 глупых вопросов об искусстве и еще один, которые иногда задают экскурсоводу в художественном музее. М. : Эксмо, 2018. 315 с.
4. *Клименко С. В.* Два ответа на вопрос «Что делать?»: христианская символика в романах «Что делать?» Н. Чернышевского и «Идиот» Ф. Достоевского. М. : Авторская мастерская, 2021. 138 с.
5. *Демченко А. А. Н. Г.* Чернышевский. Научная биография (1828–1858). СПб. : Петроглиф, 2015. 624 с.
6. *Демченко А. А. Н. Г.* Чернышевский. Научная биография (1859–1899). М. : РОССПЭН, 2019. 687 с.

Поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 02.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 12.05.2023

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36011
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

Институт филологии и журналистики

Тел./факс: +7 (845-2) 21-06-48

E-mail: iiyu@mail.ru

Website: <http://bonjour.sgu.ru>

ISSN 1817-7115

23003

9 771817 711502

ISSN 1817-7115 (Print). ISSN 2541-898X (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Филология. Журналистика. 2023. Том 23, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

